

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Д-РЪ СТАНИСЛАВЪ КУТИШЕВА

ДОЦЕНТЪ ЯГАЙЛОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО

И

ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ЯДВИГИ ПАШКОВИЧЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

DK414
K975a

26584

Типографія А. С. Суворина. Зрівненськъ пер., д. 13

ВСТУПЛЕНИЕ.

Недостатокъ въ руководствѣ, которое излагало бы исторію устройства польского государства, чувствуется уже давно. Современное общество не можетъ уже довольноствовать ни сочиненіями Ленглиха и Скжетускаго, написанными еще во время существованія польского государства, ни произведеніями Бандткѣ, Гофмана и Поппе, предшествующими длинному ряду изслѣдованій и монографій, превосходно разъяснившихъ польскую исторію за послѣднія десятилѣтія. Изъ руководствъ польской исторіи, послѣднее—вполнѣ, между прочимъ, обнимающее и внутреннее развитіе государства—«Очеркъ Исторіи Польши» профессора Бобжинскаго, уже давно устарѣло, какъ написанное болѣе 20 лѣтъ тому назадъ.. Другія же сочиненія, болѣе поздняго времени, трактуютъ этотъ предметъ поверхностно, какъ вопросъ второстепенный; если же и посвящаютъ ему больше мѣста, то даютъ намъ скорѣе сводъ свѣдѣній изъ этой области, чѣмъ выводы и взгляды на событія и на постепенное государствен-

1*

ное развитіе. Причину того, что несмотря на явную потребность польская наука не объединила до сихъ поръ всей исторіи государственного строя, слѣдуетъ искать въ весьма важныхъ препятствіяхъ.

Руководство должно основываться на подготовительныхъ монографическихъ трудахъ. Но хотя число такихъ произведеній, иногда даже вполнѣ совершенныхъ, теперь весьма значительно, однако длинный рядъ вопросовъ первостепенного значенія остается необработаннымъ и даже для весьма важныхъ положеній (какъ напримѣръ развитіе общественного строя) нѣтъ вовсе общепринятой теоріи. Въ этихъ осложненіяхъ я отлично отдавалъ себѣ отчетъ, собираясь печатать этотъ короткій очеркъ. Тому, что я, несмотря на эти осложненія, на бросиль своего труда, пусть будетъ оправданіемъ огромная и сильно ощущаемая потребность въ такомъ очеркѣ, и неизвѣстность—какъ долго пришлось бы ждать, пока монографическая изслѣдованія обнимутъ всѣ неясные до сихъ поръ вопросы польской исторіи. Быть можетъ, моя попытка послужить кому-нибудь другому, болѣе даровитому человѣку, поводомъ къ новой обработкѣ предмета, къ исправленію тѣхъ ошибокъ, которыя найдутся въ моемъ очеркѣ. Въ своемъ изложеніи я руководился двумя принципами: дать полное и равномѣрное цѣлое, и, по мѣрѣ возможности, изложить лишь то, что теперь уже принято и подтверждено наукой.

Для достиженія первой цѣли, я стремился основательно обработать всѣ тѣ вопросы, которые до сихъ поръ были недостаточно изслѣдованы. Очевидно, я

даю лишь результаты своихъ изслѣдований. Чтобы какъ можно меныше говорить о вопросахъ, недостаточно разработанныхъ, я старался изобразить лишь главныя ихъ черты, въ самой сжатой формѣ. Отсюда этотъ небольшой размѣръ книжки сравнительно съ обширностью предмета. Впрочемъ, цѣлый рядъ взглядовъ, часто принципіального значенія, принадлежитъ мнѣ лично, но это было неизбѣжно. Исторія внутренняго строя не можетъ быть только слѣпкомъ фактическихъ свѣдѣній, она должна изображать развитіе науки и ея формъ, должна пояснить это развитіе. Я старался въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ силъ, заполнить замѣтный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Не мнѣ судить на сколько я исполнилъ эту задачу.

Авторъ.

Краковъ,
мартъ 1905 года.

ПРЕДѢЛЫ И ПОДРАЗДѢЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА.

Исторія строя Польши обнимаетъ вопросы общественного и государственного устройства Польши съ момента основанія государства до его паденія, т. е. съ половины X-го столѣтія до 1795 года. Въ теченіе этого времени строй этотъ подвергается многимъ перемѣнамъ, такъ что для болѣе яснаго представлениія этой исторіи необходимо подраздѣлить ее на известные періоды. Основой подраздѣленія будетъ служить разница между періодами, придающая имъ характерныя черты. Но такъ какъ перемѣны въ строѣ происходятъ обыкновенно не вдругъ и не всегда совпадаютъ относительно различныхъ областей общественной или государственной жизни, то и невозможно точное разграничиваніе періодовъ годами, а нужно намѣтить ихъ болѣе общими границами.

Принимая во вниманіе наиболѣе характерныя черты эпохъ въ исторіи строя Польши, ее можно

раздѣлить на пять періодовъ, изъ которыхъ послѣдній представляетъ изъ себя собственно лишь начало эпохи, прерваний паденiemъ государства. Въ началѣ можно помѣстить вступительный періодъ отношеній господствовавшихъ до возникновенія собственно Польскаго государства, что лучше выясняетъ дальнѣйшее его развитіе.

Періоды эти слѣдующіе:

- 1) Періодъ вступительный: до половины X-го вѣка, т. е. до возникновенія Польскаго государства. Это—эпоха народной организаціи.
 - 2) I періодъ княжескаго права, до изданія первыхъ привилегій въ пользу общества въ концѣ XII-го вѣка.
 - 3) II періодъ—общественной организаціи до смерти Казимира Великаго (1370 г.) и Кошицкой привилегіи (1374 г.).
 - 4) III періодъ—сословный, до Люблинской унії (1569 г.) и первого безкоролевья (1572 г.).
 - 5) IV періодъ—шляхетской республики—до реформъ, начатыхъ во время послѣдняго безкоролевья (1764 г.).
 - 6) V періодъ—реформъ, прерванныхъ паденiemъ государства въ 1795 году.
-

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОДЪ.

Періодъ этотъ заключаетъ въ себѣ времена отъ поселенія польскихъ племенъ по рѣкамъ Висла, Одеръ и Варта, до возникновенія Польского государства, а именно, приблизительно, до половины X-го вѣка.

Родовой Характерной чертой этой эпохи является отсутствіе государственной власти. Основой строй. организаціи служить исключительно родъ, т. е. союзъ лицъ, связанныхъ родствомъ, происхожденiemъ отъ одного праотца, иногда миѳического. Организація этихъ родовъ въ точности неизвѣстна: то, что о нихъ можно сказать, опирается главнымъ образомъ на аналогію съ внутреннимъ строемъ другихъ народовъ, въ особенности ближайшихъ, славянскихъ, отчасти же, на выводахъ изслѣдованія общественныхъ и правовыхъ учрежденій, выступающихъ въ слѣдующей эпохѣ уже какъ остатки отжившихъ бытовыхъ формъ, прежде сильно развитыхъ. На такихъ основаніяхъ, очевидно, нельзя слишкомъ смѣло

изображать этотъ первобытный строй. Можно лишь утверждать, что и здѣсь, какъ и всюду, во главѣ каждого рода стоялъ начальникъ, называемый безусловно—старостой, которымъ могъ и не быть обязательно старшій членъ рода. Власть старости переходила различнымъ образомъ къ его наслѣдникамъ, быть можетъ чаще всего путемъ назначенія послѣдняго уступающимъ старостой; но иногда дѣло рѣшалось посредствомъ выборовъ. Старости стремились къ тому, чтобы удержать эту должность въ своей семье, т. е. сдѣлать ее наследственной, что по всей вѣроятности часто имъ и удавалось. Родомъ управляетъ староста. Онъ отдаетъ приказы, ему должны повиноваться всѣ члены рода. Важнѣйшіе вопросы рѣшаетъ «родовое вѣче». Земля, заселяемая родомъ, составляетъ собственность всего рода; староста назначаетъ участки для воздѣлыванія каждому отдельному члену рода; онъ же завѣдываетъ сборами и запасами. Но уже и въ этой эпохѣ существуетъ личная собственность относительно движимости, а именно—хозяйственныхъ орудій. Возможно, что, какъ и у другихъ славянскихъ народовъ, родъ жилъ иногда вмѣстѣ, образуя огромныя общія усадьбы, такъ называемыя «общины», или «задруги»—по выражению, заимствованному изъ строя южныхъ славянъ, удержавшемуся тамъ донынѣ.

Въ Польшѣ название «задруги» не употреблялось, и вообще вопросъ объ ея существованіи не выясненъ. Съ вѣнѣчной стороны, родъ по отношению къ другимъ родамъ представляетъ изъ себя какъ бы маленькое государство. Въ случаѣ, если одинъ родъ

обидитъ другой и не хочетъ добровольно вознаградить за обиду, между ними доходитъ до столкновенія, имѣющаго цѣлью возмездіе за оскорблѣніе. Это встрѣчается въ особенности, въ случаѣ убийства, или пораненія члена рода, и тогда родовая борьба носить название «кровавой мести». Солидарный родъ смотрѣтъ на оскорблѣніе каждого его члена, какъ на обиду цѣлаго рода. Такая война оканчивается иногда, или даже предотвращается путемъ мирныхъ переговоровъ между заинтересованными родами. Родъ, нанесшій другому обиду, вознаграждается ее посредствомъ выкупа. Если дѣло въ убийствѣ—то выкупъ такой называется «уголовщиной», т. е. штрафомъ «за голову»; при ранахъ,увѣчьяхъ и т. д.—«навязкой».

Племена. Понятіемъ выше рода—является племя.

Племя состоитъ изъ ряда родовъ, находящихся близко другъ отъ друга въ этнографическомъ отношеніи. Такъ, на мѣстѣ будущей Польши, встрѣчаемъ по верхнему и среднему теченію Одера племя Силезянъ, на Вартѣ—Полянъ, на востокѣ отъ нихъ — Куявянъ, надъ озеромъ Гопло, нѣсколько южнѣе, Ленчицянъ и Серадзцевъ. Верхнюю Вислу населяло племя Вислянъ, раздѣлившееся на двѣ части: одну—около Кракова и другую—кругомъ Вислицы. Берега Вислы, по ея среднему теченію, заняли Мазуры, которые, поселившись первоначально только на правомъ берегу Вислы, стали постепенно заселять и лѣвый.—Но тѣсныхъ и прочныхъ отношеній между отдаленными родами, принадлежащими даже къ одному племени, еще не было. Отъ времени до времени роды

соединялись, чаще всего для отражения общаго врага. Въ случаѣ такого союза они выбирали себѣ (т. е. вѣроятно, начальники родовъ, старосты) общаго предводителя, но это лишь на время опасности, преимущественно для одного похода. Такие временные начальники старались однако впослѣдствіи удержать свою власть пожизненно, или даже, по возможности, пробовали передать ее дѣтямъ, сдѣлать ее наследственной. Иногда это имъ удавалось. Извѣстно, что въ IX в. у Вислянъ былъ ихъ собственный князь. Но до половины X-го вѣка ни одинъ изъ этихъ князей не достигъ большого значенія, не основалъ болѣе прочнаго государства; это удалось лишь Пястамъ, которые приблизительно въ половинѣ X-го вѣка, а можетъ быть немного раньше, утвердили свою княжескую власть надъ племенемъ Полянъ и такимъ образомъ положили начало возникновенію Польскаго государства.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ.

Начинается этотъ періодъ въ половинѣ X-го вѣка, когда подъ властью Пястовъ возникаетъ прочная уже, хотя еще не особенно обширная и сильная государственная организація—Польское государство. Эпоху эту можно назвать періодомъ княжескаго права. Отличительной его чертой является усиленіе княжеской власти. Князья расширяютъ тѣсныя первоначально границы своего государства, и не только объединяютъ всѣ польскія племена, но даже, хотя только на время, подчиняютъ себѣ сосѣднія страны, а именно сѣверную Венгрию, Чехію, Мишню и Лужицы, Поморье и Красные Гроды. Съ внутренней стороны власть князей растетъ въ ущербъ родовому строю. Постепенно образуются въ обществѣ отдѣльные слои, но рѣзче выдѣляются они еще не могутъ, такъ какъ надъ ними тяготѣетъ власть князя—княжеское право, какъ тогда говорили. Длится этотъ періодъ до появленія первыхъ привилегій, изданныхъ князьями, т. е. до конца XII-го столѣтія.

Общественный строй Польши подвергается въ теченіе этой эпохи весьма медленной.

но глубокой перемѣнѣ. Пока держалась въ полной силѣ родовая организація, въ обществѣ отличали только свободныхъ и несвободныхъ. Кто входилъ въ составъ рода, и кого, слѣдовательно, родъ защищалъ, тотъ былъ свободнымъ. Несвободными же считались военно-плѣнныe, иногда купленные, особенно съ Востока, несостоительные должники и пр. Несвободными признавались также всѣ, родившиеся дѣтьми невольниковъ.

Но въ продолженіи этой эпохи роды начинаютъ распадаться. На это вліяло съ одной стороны стремленіе членовъ рода—порвать родовые узы, стремление, встрѣчаемое всюду, гдѣ существовалъ родъ; съ другой же—дѣятельность князя, поддерживающаго такое разрушеніе сильныхъ родовъ, ибо послѣдніе, находясь подъ властью своихъ старѣйшинъ, черезчуръ стѣсняли власть князя, которую онъ стремился расширить все болѣе и болѣе.

Сознаніе родовой зависимости, правда, продолжало существовать, но ослабѣвало. Родовое имущество подвергалось дѣлежу, возникала личная собственность. Слѣды этой организаціи долго еще держались въ обязанности кровавой мести и въ правѣ на имущество родныхъ.

Вельможи. Вслѣдствіе паденія родовъ стали возникать значительныя разницы въ имуществѣ, даже между членами одного рода. Нерѣдко при дѣлежѣ родового имущества одни получали больше другихъ, въ

зависимости отъ ихъ значенія въ родѣ, или отъ болѣе или менѣе сильного размноженія данной линіи. Такжѣ и служба подъ властью князя—при дворѣ, въ администраціи страны, или на войнѣ, содѣйствовала тому, чтобы подняться выше, добиться болѣшаго значенія. Такимъ образомъ, понемногу начинаетъ возникать отдѣльный слой общества, называемый по-латыни «nobiles»—благородными. Иначе ихъ можно опредѣлить, какъ вельможъ. Это не былъ вовсе какойнибудь замкнутый классъ: къ нему постоянно примыкаютъ новые члены, не одинъ также терялъ свое значеніе, обѣднѣвъ, или-же попавъ въ немилость князя.

Вотъ одна изъ основъ возникновенія дворянства, хотя въ тѣ времена о немъ еще не было и рѣчи.

Дружина. Къ этому естественному разъединенію общества, образованію слоевъ, хотя еще законно не обособленныхъ, присоединяется и другой факторъ, который, дѣйствуя наряду съ первымъ, дополняя его, способствовалъ къ образованію со временемъ—дворянства. Факторъ этотъ—военная служба и связанная съ нею раздача земель. Первоначально, въ случаѣ надобности, къ войнѣ призывали цѣлый родъ, т. е. всѣхъ его мужскихъ членовъ. Однако, по мѣрѣ утвержденія княжеской власти, этимъ перестали удовлетворяться. Родъ все неохотнѣе по призыву князя принимался за оружіе; князь, въ свою очередь, такъ-же неохотно обращался за военной силой къ родамъ, такъ какъ подобное требование поддержки вліяло на усиленіе значенія рода, чemu князь всегда старался противодѣйствовать. Князь ищетъ другихъ формъ,

создаетъ новыя учрежденія, которыя позволили бы ему обойтись безъ посторонней помощи. Возникаетъ дружина. Мы встрѣчаемъ ее при Мешкѣ I и Болеславѣ Храбромъ. Въ составѣ дружины входили главнымъ образомъ,—но не исключительно,—люди молодые, бросившіе свой родъ и примкнувшіе къ князю, предложивъ ему свои услуги. Они образовали постоянную вооруженную свиту, подчиненную единственно волѣ князя. Князь размѣщалъ ихъ по «городамъ», т. е. укрѣпленнымъ пунктамъ, какъ то: Познань, Крушвица, Г҃ечъ и др., и могъ во всякое время привзвать ихъ къ войнѣ; зато онъ кормилъ ихъ, одѣвалъ, вооружалъ, щедро награждалъ, давалъ приданое ихъ дочерямъ, одарялъ ихъ сыновей. Не велика была эта дружина—вѣроятно, нѣсколько тысячъ человѣкъ, но зато зависимая не отъ родовъ, а отъ одного князя и ему исключительно подчиненная.

Послѣ Болеслава Храбраго учрежденіе это, должно быть, исчезло, такъ какъ слѣды его совершенно пропадаютъ. Очевидно дружина распалась, и не могла не распасться, будучи лишь переходной формой въ первобытномъ періодѣ основанія государства.

**Рыцарская по-
винность.** На ряду съ дружиной, еще вѣроятно во время ея существованія, возникаетъ новое учрежденіе, на которомъ впослѣдствіи долго держалась обязанность военной службы. Князья начинаютъ раздавать землю, которой у нихъ очень много, такъ какъ имъ принадлежать всѣ незанятые пространства и всѣ невольники (главнымъ образомъ военно-плѣнныя), которыми можно было за-

селить эти земли. Помѣстья раздаются князьями не въ полную собственность, а въ формѣ «jure militari»—по рыцарскому праву. Кто получалъ отъ князя участокъ земли, тотъ обязанъ быть служить въ княжескомъ войскѣ, готовый на каждый призывъ князя, такъ какъ земля дана ему только подъ условиемъ военной службы. Кромѣ того, помѣстья эти были обременены цѣлымъ рядомъ повинностей въ пользу князя, названныхъ «княжескимъ правомъ», а именно: обязательная охрана, обязанность снабжать князя и его чиновниковъ, а также и прислугу подводами, загромождать лѣсные пути въ случаѣ нападенія враговъ (засѣка), ремонтъ городовъ, мостовъ и пр. и кромѣ того нѣкоторая натуральная дань, въ видѣ скота («нарѣзъ»—на рѣзню) и хлѣба (осыпь), опредѣляемая въ зависимости отъ способа сбора («подворное»—со двора, или «ополье»—по количеству полей), а въ исключительныхъ обстоятельствахъ и денежная по-датъ.

Обремененную такимъ образомъ землю получалъ тотъ, кто обязывался нести военную повинность. Гражданинъ, входившій въ подобныя отношенія съ княземъ, назывался «miles», въ переводѣ,—вѣроятно,—«вой», или «витязь»; это было нѣчто въ родѣ феодальныхъ отношеній, хотя не совсѣмъ. Землю получалъ вой лишь на столько времени, на сколько желаль князь, хотя вскорѣ утвердилось положеніе о пожизненномъ владѣніи. Очевидно, надѣлы эти были различны по величинѣ и достоинству. Въ зависимости отъ милости князя, одни получали нѣсколько или больше деревень, другіе—маленький участокъ. Осо-

бенно, на окраинахъ государства, которымъ угрожали частыя нападенія, князья поселяли множество такихъ воевъ на небольшихъ помѣстьяхъ.

Въ теченіе того же періода, въ отношеніяхъ воевъ къ землѣ совершаются нѣкоторыя крупныя перемѣны. Начинаетъ проявляться стремленіе превратить земли, полученные по рыцарскому праву, въ наслѣдственныя, дабы послѣ отца могли владѣть ими сыновья и внуки. Постепенно, въ продолженіи этой эпохи, вои проводятъ въ жизнь принципъ наслѣдственности. Теперь положеніе ихъ укрѣпляется, какъ по отношенію къ другимъ классамъ населенія, такъ и къ князю; они выдѣляются изъ общества и понемногу понятія «nobiles» и «miles» все болѣе сливаются. Почти каждый состоятельный обыватель вступаетъ въ отношенія воя къ князю; князь же въ свою очередь изъ среды «miles» выбираетъ своихъ чиновниковъ. Но въ эту эпоху понятія эти еще не тождественны: у каждого изъ нихъ есть свое особое значеніе.

Такимъ путемъ нѣкоторыя семейства **Свободные и** среди общества поднимаются вверхъ, другія, **несвободные.** экономически болѣе слабыя, лишенныя опоры со стороны гибнущихъ родовъ, опускаются все ниже и ниже.—Процессъ этотъ развивается весьма медленно и длится цѣлыхъ столѣтія; онъ не оканчивается вмѣстѣ съ этой эпохой и существуетъ еще долгое время. Постепенно исчезаютъ свободные люди, сидящіе на своей собственной землѣ; не будучи въ силахъ самостоятельно поддержать свое существованіе, они начинаютъ переселяться въ чужія владѣнія, церковныя или кня-

жескія, такъ что уже въ XII вѣкѣ опредѣленіе «свободный» (*liber*) начинаетъ относиться къ людямъ только лично свободнымъ, но обрабатывающимъ чужую землю. Постепенно условія экономического состоянія свободныхъ и несвободныхъ уравниваются. Начинаетъ вырабатываться особый общественный слой «зависимыхъ людей», хотя сильнѣе обрисовывается онъ только въ слѣдующемъ періодѣ.

Различіе въ положеніи несвободныхъ, число которыхъ, благодаря частымъ войнамъ, постоянно увеличивается, было весьма значительно, что постепенно и повліяло на законное понятіе объ ихъ зависимости: часть оставалась на постоянной службѣ у своихъ господъ, что ухудшало ихъ положеніе и порождало ихъ большую зависимость; но и среди этихъ послѣднихъ, нѣкоторые, находясь въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ помѣщику, въ особенности, если послѣдній былъ знатной личностью—епископомъ или вельможей,—со временемъ поднимались выше и даже иногда переходили въ разрядъ «*milites*». Большой свободой пользовались тѣ, которымъ выдѣлялся участокъ земли. Въ XII-мъ вѣкѣ ихъ стали называть приписными, т. е. связанными съ землей «*glebae adscripti*»; — однако, это не значило, чтобы нельзя было тронуть ихъ съ мѣста. Помѣщикъ могъ каждую минуту переселить ихъ въ другое мѣсто, даже безъ земли, подарить ихъ, или продать. Они были обязаны отдавать господину часть своего сбора и дѣлать все, что онъ имъ прикажетъ.

Положеніе свободныхъ, осѣдлыхъ на чужой землѣ, рядомъ съ несвободными, хотя экономически и похо-

жее, было настолько лучше, что зависѣло отъ уговора о количествѣ оброка; подати ихъ также были опредѣлены. Несвободные же, которые не могли покинуть землю помѣщика и отъ него всецѣло зависѣли, очевидно, принуждены были давать, сколько онъ потребуетъ. Защищалъ ихъ единственно обычай и то обстоятельство, что хозяину угрожало, въ случаѣ чрезмѣрнаго обремененія своихъ подданныхъ, ихъ бѣгство. Съ этимъ онъ долженъ былъ считаться. Но въ общемъ судьба какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, была плачевна, не по причинѣ законныхъ ограниченій, такъ какъ послѣднія на практикѣ не были черезчуръ жестоки, но потому, что дурное состояніе земледѣлія и недостатокъ орудій заставляли ихъ переживать очень трудныя времена, въ случаяхъ неурожая, или другого бѣствія.

Государственный строй. Стой государства развивается въ тен- ченіе этой эпохи въ смыслѣ усиленія кня- Отношеніе къ жеской власти, которая, въ свою очередь, палству и къ начинаетъ проводить организацію государ- имперіи. Стой государства, создаетъ должности и пр. Съ внѣшней стороны Польша при Мешкѣ I попадаетъ въ зависи- мость отъ германскаго императора. Мешко I засвидѣтельствовалъ послѣднему свою покорность уже въ 963 г. — Отношеніе это длится до конца XII-го вѣка и представляетъ изъ себя относительно формы фео- дальную связь. Правители Польши обязаны снабжать императора военной силой, являться по приказу, при дворѣ, и даже иногда платить трибутъ. Суть же этой связи заключалась въ простой зависимости, проявляю-

щейся, тогда, когда германский государь имѣлъ достаточно силъ, чтобы принудить Польшу признать за нимъ права, на которых онъ предъявлялъ притязанія въ силу распространенного тогда пониманія императорской власти, какъ господствующей надъ всѣмъ міромъ. Понятно, связь эта нарушалась весьма часто, какъ только Польша чувствовала себя въ состояніи вести войну съ Германіей, или же, когда внутрення отношенія германского государства не позволяли императору поддерживать свои притязанія силой. Польские князья, въ теченіе этого периода, принимаютъ неоднократно королевскій титулъ (Болеславъ Храбрый 1024, Мешко II 1025, Болеславъ Смѣлый 1072 г.), который главнымъ образомъ и противорѣчилъ притязаніямъ германского императора и былъ внѣшнимъ выраженіемъ независимости отъ имперіи.

Съ цѣлью ослабить значеніе этой зависимости отъ германского императора, уже Мешко I ищетъ сближенія съ Римомъ и приблизительно около 985 — 992 г. отдаетъ Польшу на основаніи такъ называемаго «Дарственного акта» подъ защиту апостольской столицы. Это было нѣкоторое покровительственное отношеніе, въ доказательство чего польские правители платятъ въ пользу римскаго Папы ежегодную дань, которую позднѣе (кажется въ теченіе XII-го и XIII-го вѣка) замѣнили податью, обязательную для всѣхъ жителей и называемой лептой Св. Петра. Итакъ, Польша, находясь подъ протекціей Папы, была ему «непосредственно подчинена» (*immediate subiecta*), — т. е. помимо германской имперіи. — И эта связь неоднократно расторглась, въ особенности вслѣдствіе болѣе сильного на-

пора со стороны императора, но всегда возстановлялась, преимущественно при случайяхъ коронації.

Лепту Сп. Петра платить Польша съ XII-го вѣка постоянно, такъ что обязанность эта составляетъ характерную черту, отличающую польскія земли отъ сѣдніхъ.

Княжеская Что касается власти князей внутри государства, то зависимость Польши отъ императора, или Папы, ничуть на эту власть не влияла. Не влияло на нее и то, какой титул — княжескій или королевскій носить государь. Такъ называемая Гнѣзенская Коронація 1000 года имѣла лишь то значеніе, что давала польскому государю право назначать епископовъ, которымъ могли пользоваться лишь короли. Въ этомъ отношеніи съ 1000 г. польскій князь сравнялся съ другими королями, хотя это не была собственно коронація, такъ какъ короновать королей имѣлъ право одинъ Папа римскій, а не Императоръ.

Съ внутренней стороны князь или король является самодержавнымъ монархомъ. Первоначально власть эту ограничивали роды; по мѣрѣ ихъ распаденія, власть Пястовъ росла, и въ моментъ появленія Польши на историческомъ горизонтѣ является уже наследственна; однако, она наследственна въ родѣ Пястовъ только по мужской линіи. Женщины совершенно устраниены отъ правленія, — ни онѣ, ни ихъ потомки не имѣютъ права на престолъ. Послѣ отца получаютъ власть сыновья, затѣмъ внуки, и этого права никто у нихъ отнять не можетъ.

На государство Пясты смотрятъ, какъ на свою личную собственность, и дѣлять его между своими потомками, какъ обыкновенное частное имѣніе.

Единственно отъ воли умирающаго государя зависитъ распределеніе удѣловъ и ихъ величина. Онъ можетъ одному сыну (не обязательно старшему) —дать больше, нежели другому; но сыновей въ пользу внуковъ обойти не можетъ. Въ случаѣ отсутствія мужскихъ потомковъ, право на корону имѣютъ всѣ мужские родственники, не смотря на степень ихъ родства; послѣднее обстоятельство, слѣдуя польскимъ законамъ, при полученіи наслѣдства не играло никакой роли; кто среди этихъ мужскихъ родственниковъ (право ихъ опредѣляется какъ ипотечное) случайно получитъ наслѣдство, зависитъ лишь отъ воли умирающаго владѣтеля. Онъ назначаетъ наслѣдника и можетъ выбирать его только среди мужскихъ членовъ семьи, но кого выбрать — это отъ него зависитъ. Такимъ образомъ, онъ можетъ передать все государство какому нибудь дальнему родственнику, помимо болѣе близкихъ, можетъ также раздѣлить это государство между нѣсколькими. Вотъ почему въ эту эпоху Польша постоянно подвергалась раздѣламъ, — но, благодаря стечению обстоятельствъ, раздѣлы эти были непродолжительны: чаще всего, одинъ изъ совладѣльцевъ изголялся остальныхъ и восстановлялъ единодержавіе. Раздѣлъ Польши въ 1139 г. не былъ первымъ, и отличался отъ предшествующихъ лишь тѣмъ, что удержался дольше, и что Болеславъ Кривоустый ввелъ тогда новое учрежденіе, — такъ называемый сеніоратъ.

Сеніоратъ. Собственно говоря, и это учреждение не было совершенно новымъ. И раньше, при предшествующихъ раздѣлахъ одинъ изъ князей получалъ большій удѣлъ и нѣкотораго рода верховную власть надъ остальными князьями. Теперь, однако, учреждение это становится постояннымъ. Старшій въ родѣ Пястовъ, т. е. сеніоръ, долженъ быть, кромѣ своего помѣстья, владѣть землей Краковской, Сѣрадзкой и Ленчицкой, и исполнять верховную власть надъ прочими князьями. Однако, сеніоратъ существовалъ недолго. Князья Краковской земли мѣняются путемъ насилий, хотя сознаніе основъ сеніората длится еще нѣкоторое время—до половины XIII вѣка. Фактически даже исчезла нераздѣльность Польши, которую пытались установить раньше, помимо законовъ о раздѣлахъ. Не помогъ и сеніоратъ, особенно потому, что власть сеніора не была достаточно сильна по отношенію къ другимъ князьямъ.

Князь, самодержавный господинъ, нуждности. Князь, самодержавный господинъ, нуждался все-таки въ посторонней помощи, чтобы править такимъ обширнымъ государствомъ. Пясты проводятъ организацію государства, но кажется, хотя точно подтвердить этого нельзя, что главные фундаменты этого зданія положены Болеславомъ Храбрымъ. Задача была облегчена тѣмъ, что польскіе правители могли слѣдовать примѣру Запада. Это обстоятельство дѣлало возможнымъ введеніе такихъ учрежденій, которыхъ уже заранѣе выработались на Западѣ. Должности, развившіяся въ Польшѣ, происходята также, большую частью, изъ франконскихъ об-

разцовъ, хотя, кажется, не прямымъ путемъ, а при посредничествѣ Чехіи. Но есть и нововведенія исключительно польскія. Въ управлениі страной князь опирается на такъ называемыхъ «comites», которыхъ, быть можетъ, звали иначе «княжеской челядью». Кого князь причислитъ въ «comites», тотъ и обязанъ повиноваться ему, хотя опредѣленного круга дѣятельности у него нѣть, и лишь иногда князь обращается къ нему съ отдельнымъ порученіемъ.

Изъ среды этихъ «comites» князь и выбиралъ своихъ чиновниковъ, хотя послѣдними могли быть и не комесы. Среди должностей слѣдуетъ различать двѣ группы: придворныхъ и областныхъ. Придворные должности тѣсно связаны съ личностью князя, хотя дѣятельность ихъ отличается часто, даже премущественно, государственнымъ характеромъ. Понятія придворныхъ и государственныхъ должностей пока равнозначущи, т. е. различія между ними еще не существуетъ. Высшимъ среди придворныхъ сановниковъ считался «comes palatinus»—дворцовый комесь. Первоначальное польское его название пока неизвѣстно.

Это—одинъ изъ комесовъ, завѣдующій дворцомъ, какъ замѣститель князя. Опредѣленныхъ обязанностей у него не было, но по мѣрѣ потребности, если князь прикажетъ, «comes palatinus» замѣщаетъ его, какъ въ судѣ, такъ и въ случаѣ военнаго похода, и проч. Во время царствованія Владислава Германа «palatinus» часто командуетъ, вместо князя, войсками. Въ виду того, что обязанность эта возлагалась на него часто и привлекала всеобщее вниманіе, его стали называть по-польски — воеводой, хотя название это не опредѣ-

ляетъ его настоящаго положенія. Замѣстителемъ его являлся подкоморій (*succamerarius*), имѣвшій, вѣроятно, главною своей задачей контроль надъ администрацией княжескихъ имѣній; канцелярію князя ведеть канцлеръ. Существуютъ данные, указывающія на то, что первоначально канцлеромъ былъ, по праву, познанскій епископъ, но это не достовѣрно.

На княжескихъ судахъ рядомъ съ княземъ сидить судья и помогаетъ ему формально творить судъ, причемъ приговоръ зависѣлъ всегда единственно отъ князя. Стольникъ подаетъ блюда при трапезахъ и завѣдуетъ кухней. Кравчій смотритъ за погребомъ; меченосецъ носитъ передъ королемъ его мечъ, хорунжій— знамя и т. д.—Попеченіе о княжескихъ дѣтяхъ, говоря о рыцарскомъ попеченіи, имѣли такъ называемые «педагоги» (или *nuritori* по-латыни), которыхъ по-польски называли «пѣстунами», или «пѣстами».

Всѣ эти должности возникли не вдругъ, теперь даже невозможно опредѣлить точно съ какихъ именно поръ онѣ существуютъ въ Польшѣ. Съ теченiemъ времени количество ихъ растетъ, и кромѣ того каждый почти сановникъ получаетъ помощника, замѣстителя: такъ, канцлеръ—подканцлера, судья—подсудка, стольникъ—подстольного, и т. д.—Чаще всего сановниками этими бываютъ тѣ же комесы, но это не обязательно.

Придворный характеръ этихъ должностей служить поводомъ къ тому, что при раздѣлахъ, когда появляется больше князей,—каждый изъ нихъ организуетъ у себя отдельный дворъ. Сколько въ странѣ князей, столько въ ней воеводъ, подкоморыхъ, и пр., хотя,

очевидно, не всѣ дворы одинаково многочисленны. Если же одно изъ княжествъ по какой бы то ни было причинѣ, перестаетъ существовать, сливаясь съ другимъ, то исчезаютъ и его сановники.

Этотъ характеръ «придворности» должностей (если такъ можно выразиться) удержался въ теченіе всего этого періода, и даже нѣсколько дольше.

Гродовая система Управлениe страной основывается на организаціи гродовъ.—Гроды, какъ крѣпости,

существовали и раньше, даже во время ро-
дового строя, представляя изъ себя убѣжище и пунктъ
опоры для рода въ случаѣ нападенія враговъ. Послѣ
вдоворенія княжеской власти, вся страна покрывается
сѣтью такихъ бурговъ, и организація эта служить
фундаментомъ для администраціи государства. Они
весьма многочисленны на окраинахъ, напр.: въ Си-
лезіи, Мазовії, и т. д., но и внутри края ихъ очень
много. Задачи ихъ и цѣли двоякія: прежде всего,
это—укрѣпленія, обладаніе коими решаетъ вопросъ о
владѣніи краемъ; изъ-за городовъ ведутся войны.
Отсюда ихъ большое количество на границахъ. Пока
существовала дружина, князь распредѣлялъ ее по
гродамъ; позднѣе каждый гродъ имѣетъ свой постоян-
ный, хотя сравнительно небольшой, гарнизонъ. Наряду
съ этимъ, гродъ является центромъ администраціи
княжескихъ имѣній, слѣдовательно, исполняетъ важную
хозяйственную роль. Поэтому-то, и внутри государ-
ства ихъ довольно много. Имущество короля въ землѣ—
огромно: это — главный и тогда почти единственный
источникъ его средствъ. Имѣнія эти организованы на

основаній гродскаго строя. Каждому гроду принадлежитъ часть княжескихъ деревень, которая въ литературѣ опредѣляется часто, и кажется, неправильно названіемъ «нарока». Между ними есть такъ называемыя «тяглыя села», встрѣчаемыя въ окрестностяхъ большихъ гродовъ. Таковы: Пекары, Скотники, Щитники и пр. Жили въ нихъ несвободные пекари, скотники (или мясники), щитники (изготавляющіе щиты), обязанностью которыхъ было снабженіе гродскаго гарнизона хлѣбомъ, мясомъ, щитами и пр. — Можно полагать, что эти тяглыя села существуютъ уже во время дружиннаго строя. Въ XII-мъ вѣкѣ они приходятъ въ упадокъ, почти не исполняютъ своего дѣла, такъ какъ въ немъ уже не нуждались за исчезновеніемъ дружины. Другія деревни, принадлежащія къ бургу, были заняты землемѣльческимъ населеніемъ, организованнымъ въ сотни и десятки (организація эта удерживается до XIII в.), или же на основаніи ополій. Опольная система принялась, кажется, позже сотенной. Въ то время, какъ первая объединяетъ людей въ группы, не обращая вниманія на ихъ мѣстожительство, и отдаетъ ихъ власти десятниковъ и сотниковъ, ополье обнимаетъ определенное число деревень, лежащихъ рядомъ, слѣдовательно, объединенную территорію, хотя не всегда одинаковую по величинѣ. Все населеніе ополья, свободное и несвободное, обязано отбывать совмѣстно извѣстный оброкъ (опольная корова, опольный быкъ, или прямо—ополье) сообща отвѣчаетъ, если въ данной территоріи найдутъ убитаго, свидѣтельствовать въ случаѣ межевого раздора.

Но ополья вводились не всюду. Шире всего, сравнительно, организация эта распространилась въ Великой Польшѣ. Ополья существуютъ въ княжескихъ имѣніяхъ, наряду съ тяглыми и отчасти съ сотенными деревнями. Одному гроду можетъ принадлежать нѣсколько ополій, или же только одно; но въ гродскихъ имѣніяхъ можетъ также вовсе и не быть опольной системы. Населеніе деревень, принадлежащихъ къ определенному гроду, подчиняется этому гроду, туда и обязано отдавать свой оброкъ.

Князь єздитъ по странѣ изъ града въ гродъ, на одномъ мѣстѣ онъ сидѣть не можетъ, такъ какъ при тогдашнихъ условіяхъ и отсутствіи удобныхъ путей сообщенія ему вскорѣ не хватило бы пищи.

Такимъ образомъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, онъ истребляетъ запасы, скопленные въ градахъ, устраиваетъ трапезы, щедро одаряетъ подданныхъ, и т. д., что имѣеть одновременно и политическое значеніе, такъ какъ даетъ народу возможность увидать великолѣпіе и могущество князя.

Среди княжескихъ деревень многія выходятъ изъ подъ непосредственной власти градовъ въ формѣ дарственной записи въ пользу церкви, или какъ рыцарскія вотчины, раздаваемыя «milites». Однако, такого рода исключеніе деревни изъ власти бурга не полно. Хотя онѣ подчинены теперь монастырямъ, или воямъ, тѣмъ не менѣе и съ градами связываютъ ихъ нѣкоторыя узы: въ гродѣ посылаютъ они подати, вытекающія изъ княжескаго права, въ бургѣ ищутъ защиты и пр. Итакъ, предѣлы власти градовъ въ случаѣ опасности значительно выступаютъ за гра-

ницы собственныхъ княжескихъ владѣній. Но гродамъ подчиняются не всѣ деревни: напр. старыя родовыя помѣстья. Послѣднія остаются въ предѣловъ гродовой организаціи, которая, будучи безспорно весьма важной, не представляеть однако изъ себя точнаго раздѣленія страны относительно всѣхъ безъ исключенія поселеній, какъ раньше полагали. Князь поручаетъ бурги своимъ людямъ. Такой грододержецъ обладаетъ съ одной стороны военной властью, такъ какъ гродъ — крѣость; на немъ лежитъ защита града, предводительство гарнизономъ; но онъ же является и администраторомъ, собираетъ дань съ деревень, сохраняетъ запасы въ погребахъ и амбараахъ, и пр., ему же принадлежитъ судебная власть надъ населеніемъ, какъ свободнымъ, такъ и несвободнымъ, живущимъ въ рыцарскихъ и церковныхъ помѣстьяхъ, насколько они не исключены изъ-подъ власти града. Исключительно отъ воли князя зависѣло — кого назначить гродскимъ начальникомъ. Нерѣдко послѣдними бывали весьма второстепенные личности. Зовутъ ихъ при первыхъ Пястахъ «vicedomi» или «vastaldiones» по примѣру франкскихъ государствъ. Но затѣмъ, въ особенности съ XII-го вѣка, король все чаще и чаще поручаетъ эту должность своимъ комесамъ. Позднѣе это становится даже правиломъ. Ради отличія отъ прочихъ классовъ населенія ихъ стали называть «comites castellani» — гродскими комесами, а въ XII-мъ вѣкѣ — просто — «castellani» — кастелянами, гродъ же съ прилегающимъ окружомъ — кастеляніей.

ВТОРОЙ ПЕРИОДЪ.

Характеристика эпохи выявила привилегии, изданные въ Польшѣ въ концѣ XII-го вѣка, и года 1370 и 1374 — иммунитета. смерти Казимира Великаго и Кошицкой привилегии. Периодъ этотъ можно назвать эпохой организации общества, основанной на частныхъ привилегіяхъ. Княжеская власть, тяготѣвшая донынѣ надъ народомъ своимъ полнымъ абсолютизмомъ, начинаетъ понемногу отступаться отъ своихъ правъ въ пользу нѣкоторыхъ группъ общества, и именно: духовенства, рыцарства (*milites*), которое постепенно превращается въ дворянство, и вновь возникающихъ городовъ. До сихъ поръ княжеское право «*jus ducale*» — въ полномъ смыслѣ слова, олицетворяя понятіе полноты власти, не знало никакихъ точно опредѣленныхъ границъ. Теперь понемногу возникаютъ эти границы, опредѣляемыя именно привилегіями, издаваемыми князьями. Суть ихъ заключается въ иммунитетѣ. Государь опре-

дѣляеть свободы тѣхъ, кому дается привилегія, и самъ обязывается не вступать въ предѣлы этихъ свободъ.

Отсюда, періодъ этотъ можно назвать періодомъ иммунитета. Привилегіи эти и иммунитеты имѣютъ одну общую черту, весьма характерную по отношенію къ эпохѣ: это—частныя привилегіи, издаваемыя князьями въ пользу отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, а не въ пользу опредѣленныхъ группъ людей. Такія группы, собственно говоря, пока еще не существуютъ. Привилегіей, полученной отъ князя, можетъ пользоваться лишь то лицо, или учрежденіе, которому она дана княземъ. Слѣдовательно, каждый епископъ, если дѣло касалось свѣтскаго духовенства, каждый монастырь въ отдѣльности, каждый рыцарь (*miles*) долженъ былъ особо хлопотать о достижениіи иммунитета; тоже самое и относительно гродовъ. Привилегія устанавливаетъ отношенія подданнаго къ государю. Но хотя у каждого есть своя привилегія, хотя лишь на эту привилегію онъ можетъ ссылаться, хотя привилегіи различны между собой, тѣмъ не менѣе суть ихъ сходна, и понемногу, въ силу этого сходства, онъ все болѣе и болѣе обобщаются, а тѣ, которымъ служить сходныя привилегіи, объединенные общностью цѣлей и стремленій, начинаютъ группироваться по отношенію къ князю и все рѣзче и ярче выдѣляться среди прочихъ слоевъ общества. Это приводить къ тому, что слои замыкаются и превращаются въ сословія, и какъ виѣшнее выраженіе этой замкнутости, появляются привилегіи, издаваемыя уже не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу всѣхъ тѣхъ, которые на почвѣ предшествующихъ привилегій образовали сильно сплоченный слой,

сословіе. Первою такої общей привиллегієй являється привиллегія, изданная для дворянства въ 1874 г. въ Кошицахъ, и называемая поэту Кошицкой. Во всемъ вышесказанномъ и заключается ея большое значеніе.

Духовенство. Во главѣ новаго общественнаго развитія стоитъ духовенство. И оно донынѣ подчинялось власти монарха, такъ какъ върху ввело въ Польшѣ государство, и оба эти понятія всегда сопровождались одно другимъ и взаимно дополняли другъ друга. На западѣ церковь еще раньше начинаетъ предъявлять требованія самыхъ широкихъ свободъ. Основы этихъ требованій лежали, отчасти, въ дѣйствительныхъ принципахъ церкви, отчасти же развились съ теченіемъ исторіи. Въ Польшѣ процессъ этотъ появляется нѣсколько позднѣе, такъ какъ реформы Григорія VII были для нея еще преждевременны. Первые попытки со стороны польской церкви къ достижению свободъ относятся только къ концу XII вѣка; первая привиллегія въ пользу церкви, это—такъ называемая Лэнчицкая привиллегія 1180 года. Развитіе этихъ свободъ подвигается въ Польшѣ нѣсколько иначе, чѣмъ на Западѣ; требованія церкви выступаютъ почти всѣ одновременно; что касается ихъ осуществленія, то впереди идутъ вопросы политического характера, а затѣмъ уже имущественный дѣла, т. е. въ порядкѣ обратномъ западно-европейскому. Уже въ началѣ XIII вѣка церковь ставить въ видѣ правила выборъ епископовъ въ ряду вопросовъ исключительно ея внутренней дѣятельности, и отдаетъ его решенію капитула. Такимъ образомъ, послѣ ожесточенной, хотя не весьма про-

СТАН. КУТШЕВА.

8

должительной борьбы устранился господствующей до тѣхъ порь обычай назначенія епископовъ князьями.

Эпизодъ этотъ отвѣчаетъ борьбѣ за инвеституру въ Германіи. Нѣсколько медленнѣе развивается дѣло достижениія церковью такъ называемаго *privilegium fori*. Церковь предъявляла притязанія на право рѣшенія споровъ, въ которыхъ принимало участіе духовное лицо, независимо отъ гражданскаго или уголовнаго характера дѣла, и въ то же время всѣхъ споровъ, даже свѣтскихъ, касающихся Св. Таинствъ, или вообще вопросовъ вѣры, т. е. такъ называемыхъ *causae spirituales*. Въ теченіе XIII вѣка церковь пріобрѣла себѣ эти права, и даже значительно болѣе, подчинивъ своему судопроизводству наряду съ *causae spirituales* и такъ называемыя *causae spiritualibus annexae*, т. е. вопросы, лишь отчасти касающіеся вѣры. А такъ какъ вскорѣ церковное судебное вѣдомство, организованное по общимъ законамъ, дѣйствовало правильно свѣтскихъ судовъ, то оно и получило перевѣсь надъ послѣдними, и ему стали добровольно отдавать на рѣшеніе такие вопросы, которые по существу подлежали свѣтскому суду.

Вслѣдствіе этого, число церковныхъ требниковъ такъ быстро и сильно увеличилось, что уже въ XIV вѣкѣ государство постановило не отдавать чисто свѣтскихъ вопросовъ на рѣшеніе церковнаго суда. Но ограниченія эти не помогли. Единственно споры о земельныхъ имѣніяхъ оставались за свѣтскими судами, даже если спорили духовныя лица. Въ то же время церковь хлопочетъ объ иммунитетѣ для своихъ владѣній, т. е. объ освобожденіи послѣднихъ отъ всѣхъ

повинностей княжеского права, отъ всякаго вмѣшательства власти въ жизнь населенія этихъ имѣній. Старанія эти делятся довольно долго. Въ однѣхъ областяхъ Польши (въ Краковѣ и Силезіи) церковь достигаетъ этихъ правъ скорѣе, легче; въ другихъ (Великопольшѣ, Куявахѣ, Мазовшѣ) — труднѣе. За свѣтскимъ духовенствомъ слѣдуютъ многочисленные монастыри. Но не сразу получаетъ духовенство полный иммунитетъ, полныя льготы. Здѣсь можно отличить нѣсколько стадій: болѣе точное опредѣленіе повинностей, — раньше, почти, произвольныхъ, замѣщеніе службы — податями (*reluicuya*), частныя льготы; вотъ тѣ ступени, по которымъ духовенство достигало въ концѣ концовъ своей цѣли. И относительно помѣстій церкви легче было добиться свободы для земель объединенныхъ (церковныя кастеляніи, изъ которыхъ нѣсколько перешло изъ рукъ князя къ церкви въ формѣ епископскихъ надѣловъ), нежели для разрозненныхъ, разсѣянныхъ среди другихъ имѣній.

Процессъ этотъ довершается въ теченіе XIII столѣтія; въ XIV вѣкѣ церковь въ полной мѣрѣ пользуется уже всѣми свободами и привилегіями.

Рыцарство Стремленіе къ привилегіямъ и иммунитету, развиваемое церковью, служить въ (*milites*).

Польшѣ примѣромъ многочисленному слою «*milites*» къ установленію правильныхъ отношений рыцарства къ князю и къ землѣ, отданной «*milites*» по рыцарскому праву. Имъ недостаточно было превращенія этой собственности, прежде временной или пожизненной, въ наследственную, что совершилось въ XII вѣкѣ. Вои

желають теперъ получить иммунитетъ, чтобы сдѣлать эту землю своимъ полнымъ имуществомъ, въ то время, какъ на нее имѣлъ права, и даже весьма широкія, князь. И вотъ, въ XIII вѣкѣ, начинаютъ появляться различныя по содержанію привилегіи въ пользу этихъ «*milites*», дающія послѣднимъ то больше, то меныше правъ. Король освобождаетъ рыцарскія помѣстья, отчести, или совершенно, отъ разныхъ обязанностей, отъ власти своихъ чиновниковъ. Въ значительной мѣрѣ иммунитетъ получали «*milites*» вслѣдствіе такъ называемой нѣмецкой колонизаціи. Переселенцы, пріѣзжающіе въ Польшу, ставили условіемъ устраниеніе польскихъ законовъ изъ обитаемыхъ ими мѣстностей; слѣдовательно, каждый «*miles*», желающій основать усадьбу по германскому закону, долженъ былъ получить особую привилегію отъ князя.

Подобная привилегія, наряду со значеніемъ самаго селенія, будучи иммунитетной привилегіей, опредѣляла отношенія князя къ этому имѣнію, а слѣдовательно и къ «*miles*».

Процессъ этотъ завершается Кошицкой привилегіей 1374 г., установившей полное право собственности относительно всѣхъ владѣній милесовъ, представляя князю 2 гроша съ лана (7045 св. саж.) въ годъ и воинскую повинность, въ зависимости отъ количества земли.

Рядомъ съ этимъ развитіемъ отношенія милесовъ къ землѣ, на образованіе дворянства вліяетъ еще другое обстоятельство, столь же важное, именно—принятіе гербовъ. Гербы въ своей первобытной формѣ начинаютъ появляться въ Польшѣ уже въ XV столѣтіи.

Это, собственно, лишь эмблемы на печати и на щитѣ, выбираемыя совершенно произвольно, по заграничному образцу. Каждый мицесъ могъ выбирать себѣ определенный символъ и менять его, иногда неоднократно, въ теченіе своей жизни. Дѣти его могли употреблять совершенно другіе знаки, которые бывали различны: изображали разные предметы, буквы, вензеля, кривыя и прямыя линіи, или ихъ сочетанія. Эти послѣдніе знаки являются самыми распространенными и составляютъ характерную черту, отличающую польскую геральдику отъ западно-европейской.

Нѣкоторые ученые выводятъ ихъ изъ скандинавскихъ рунъ, т. е. древне-скандинавскаго алфавита. Другіе утверждаютъ, что это — просто знаки собственности, которыми отличались всѣ предметы, принадлежащи одному лицу и существовавшіе уже раньше. Изъ этихъ произвольно выбираемыхъ и меняемыхъ знаковъ возникаютъ понемногу гербы, пугемъ превращенія, въ продолженіи XIII и въ особенности XIV вѣка, въ наследственные, передаваемые безперемѣнно отъ отца къ сыну, какъ родовое отличие.

Нѣмыя эмблемы уже въ теченіе XIV вѣка подвергаются значительнымъ перемѣнамъ: стали пытаться дѣлать ихъ описание (главнымъ образомъ во время турнировъ) путемъ замѣны черточекъ, прямыхъ и кривыхъ, луками, стрѣлами, полумѣсяцами и пр.

Кромѣ этой характерной черты, существуетъ еще другая, отличающая польскую геральдику отъ заграничной: каждый гербъ имѣть собственное название — прокламацію. Этими прокламаціями служили первобытные лозунги, употребляемые въ особенности во

время войны и происходящие или отъ монографическихъ названий (напр. Сренява, Долива и пр.) или же отъ собственныхъ имень и прозвищъ (Болеста, Помянъ, Старыконь и т. д.).

Очевидно, они были наследственны и древнѣе гербовъ, появившихся лишь позднѣе. Съ этого момента, каждый родъ отличается не только собственною наследственной прокламацией, но и своимъ гербомъ.

Гербы содѣйствовали возникновенію дворянства. Они сдѣлали возможнымъ рѣзкое выдѣленіе милесовъ изъ среды другихъ слоевъ, не пользующихся гербами, нерыцарскихъ, и въ то же время возобновили тѣсные узы между родами, которые вторично становятся сильными. Благодаря гербу, удерживается сознаніе родового единства, а слѣдовательно и сознаніе общихъ правъ и привилегій, родовая солидарность. Съ тѣхъ поръ, какъ установились гербы въ формѣ наследственного признака дворянскаго происхожденія, съ тѣхъ поръ, какъ отношеніе къ власти стало опредѣляться суммою не частныхъ, а общихъ привилегій—въ Польшѣ можно уже говорить о дворянствѣ. Но не всѣ однако милесы принимали участіе въ этомъ движениі: личности болѣе слабыя, въ экономическомъ или въ общественномъ отношеніи, не поспѣвая за другими, оставались позади. Часть милесовъ осталась безъ гербовъ, и когда въ XIV вѣкѣ признакомъ дворянства уже по праву является гербъ, милесы эти, не имѣющіе гербовъ, хотя и оставались дворянами, но составляютъ уже дворянство какъ бы второго разряда, они имѣютъ меныше правъ, меныше значеніе; съ вѣнѣшней стороны, это особенно рѣзко выражалось

въ меньшей поголовной подати. Когда оброкъ дворянина съ гербомъ равнялся 60 гривнамъ, подать милемса была только 30. Такъ же и штрафъ за увѣчье былъ вдвое меньше. Отсюда ихъ называютъ полудворянствомъ (*media militia*). Чаще всего ихъ называютъ «влодыками», нерѣдко «спѣрцялками»—отъ латинского слова *squirio*¹). Итакъ, влодыки — это остатки милемсовъ. Классъ этотъ незначителенъ по количеству, въ обществѣ не играетъ роли и быстро исчезаетъ, сливаясь съ мѣщанствомъ, солтысами и т. д.

Крестьяне. Когда, въ теченіе хотя медленного, но Нѣмецкая но- постоянно подвигающагося впередъ историонизация. рического развитія, дворянство выдѣлилось въ первенствующій классъ, другіе слои общества, нерыцарскіе, свободные и несвободные, все тѣснѣе сливаются, въ продолженіе XIV вѣка, въ одну массу зависимаго населенія. Громадное вліяніе на это имѣли иммунитетныя привилегіи, разрывая всякую связь между княземъ и народомъ несвободнымъ, а въ особенности свободнымъ, живущимъ въ помѣстяхъ церкви, или милемсовъ, получившихъ иммунитетъ. Но пока этотъ процессъ достигъ своего полнаго развитія, появился новый факторъ, прервавшій его и послужившій къ тому, что для земледѣльческаго населенія, сидящаго на чужой землѣ, настала новая блестящая эпоха. Факторомъ этимъ явилась нѣмецкая колонизация.

Первыхъ колонистовъ выписываютъ въ Польшу, въ Силезію, въ началѣ XIII вѣка — монастыри. Мо-

¹⁾ *Sciernialkami.*

наховъ, пріѣхавшихъ въ Польшу изъ Западной Европы, должно было поразить то, что въ Польшѣ, гдѣ земли было много, не умѣли извлекать изъ нея соответствующей пользы, въ то время, какъ въ ихъ отечествѣ, гдѣ уже тогда чувствовалось сильное многочленіе, даже менѣе урожайная почва приносila гораздо болѣе прибыли. Первые переселенцы прибыли изъ Фландріи. Опытъ ихъ оказался успѣшнымъ и сталъ привлекать другихъ. Съ начала XIII столѣтія сильно развивается колонизация при посредничествѣ церкви, даже, и въ сильной степени, князей и, наконецъ, милесовъ. Волна колонизации расходится по всему государству, все глубже къ востоку. Татарскія опустошенія также способствовали росту этого движенія, хотя и не вызвали его, какъ это раньше неправильно полагали. Причины были глубже, такъ какъ лежали въ хозяйственныхъ основахъ страны. Этотъ наплывъ колонистовъ въ XIII, а также, особенно въ Малой Польшѣ, въ XIV вѣкѣ, идетъ уже не изъ Фландріи, а изъ Германіи, главнымъ образомъ изъ окрестностей Рейна, что и послужило основаніемъ къ названію этого движенія нѣмецкой колонизаціей.

Колонизация производитъ перемѣны весьма значительныя, какъ въ области агрономической техники, такъ и въ сферѣ хозяйственного и правового строя польской деревни. Вместо славянского, обыкновенно, деревянного плуга, появляется все чаще и чаще желѣзный плугъ, глубже разрывающій почву, а следовательно и лучше подготовляющій ее къ посѣву. Мѣсто прежней, относительно большой славянской

единицы земли, содержащей, кажется, около 60 или даже 90 морговъ, занимаетъ ланъ, или влуга (*tansus, laneus*), ланъ большой, такъ называемый франконскій, имѣющій $43\frac{1}{6}$ морга, или малый, называемый фламандскимъ или хелмонскимъ, равняющійся 30 моргамъ и употребляемый почти всегда въ Велико-Польшѣ, Куявахъ и Мазовецкой землѣ. Но благодаря лучшей обработкѣ, ланъ, хотя меньшій по размѣру, даетъ болѣшій доходъ, чѣмъ прежняя польская «дѣдина», или «жребѣ». Каждый колонистъ получаетъ по праву одинъ ланъ. Хозяйственная система также подверглась улучшеніямъ; до сихъ поръ, собственно не было никакой системы, и велось такъ называемое дикое хозяйство. Кажется, только колонизация вводить трехпольную систему, основанную на раздѣленіи земли на три поля: яровое, озимое и лугъ. Слѣдовательно, ежегодно одна треть земли лежитъ втунѣ, отдыхаетъ. Этимъ объясняется и планъ польской деревни, удержанвшейся въ общемъ и донынѣ: длинная улица, съ одной или съ обѣихъ сторонъ избы колонистовъ; отъ избъ идутъ длинные полосы полей. Этотъ типъ встрѣчается чаще всего среди деревень, построенныхъ на карчевкѣ. Въ другихъ деревняхъ, существовавшихъ и раньше, въ которыхъ очевидно, надо было слѣдовать принятымъ уже обычаямъ, каждый колонистъ получалъ обыкновенно свой надѣль въ трехъ участкахъ, т. е. по одному въ трехъ поляхъ, принадлежащихъ деревнѣ. Въ центрѣ, или концѣ деревни, улица нѣсколько расширялась; тамъ находилась церковь, если она вообще существовала въ данномъ поселеніи, и мѣстныя лавки: мяс-

никъ, буличникъ, кузнецъ, сапожникъ. Мѣсто это называлось населкомъ. Такую геометрическую форму могла принимать деревня потому, что чаще всего колонистовъ поселяли «на сыромъ корнѣ», т. е. подъ селеніе давали лѣсной участокъ для карчевки, послѣ чего на расчищенной землѣ можно было произвольно обозначать улицы, поля и ланы.

И раньше существующія деревни стали подчиняться этимъ новымъ формамъ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, благодаря господствующимъ уже обычаямъ. Колонизация измѣнила отношенія поселенцевъ къ хозяину имѣнія. Основой этихъ отношеній было точное опредѣленіе податей непремѣнно въ деньгахъ. Поселянинъ-колонистъ обязанъ платить ежегодно оброкъ, съ малаго лана почти всегда 12 грошей, съ большого 16 или 18 грошей въ годъ. Кромѣ того, колонисты въ самые торжественные праздники, обыкновенно два или три раза въ годъ, обязаны были давать по нѣсколько куръ, яицъ, сыру; иногда же, но рѣдко цѣлая деревня—ветчину, полоть сала, и даже барана, или корову. Барщина, если она вообще помѣщена среди условій договора, заключается лишь въ двухъ до четырехъ рабочихъ дняхъ въ годъ съ лана, такъ какъ въ ней почти что не нуждались: владѣлецъ имѣнія разсчитываетъ главнымъ образомъ на оброкъ колонистовъ, а что касается земли, то хотя ее у него много (все, что осталось послѣ отдѣленія площади подъ деревню, такъ называемой «übeschar»), однако почвы, годной для обработки, особенно въ княжескихъ владѣніяхъ, почти что не было, а если и была, то въ весьма незначительномъ количествѣ—два или три лана.

Итакъ, послѣ уплаты податей, мелкаго оброка «*in natura*», и выполненія иногда небольшой барщины, поселянинъ былъ свободенъ отъ всякихъ обязанностей.

Въ правовомъ отношеніи колонизація вносить также крупныя преобразованія: колонисты требовали введенія въ колонизованныхъ деревняхъ германскихъ законовъ, къ которымъ они привыкли; это влекло за собой освобожденіе отъ всякихъ повинностей княжескаго права, и потому для основанія колоніи необходимо была особая привилегія князя, который долженъ былъ заранѣе обеспечить эту свободу. Въ концѣ концовъ, деревни эти подчинялись германскимъ законамъ, что и давало возможность дать имъ полную внутреннюю автономію.

Только съ колонизаціей появляется въ Польшѣ понятіе о гминѣ, донынѣ чуждой внутреннему строю Польши. До сихъ поръ существующія связи основывались на кровномъ родствѣ, или на отношеніяхъ зависимости одного лица отъ другого. Гмина же, это—союзъ не связанныхъ родствомъ, свободныхъ людей, имѣющій цѣлью удовлетвореніе общихъ мѣстныхъ нуждъ. Поселяне, населяющіе деревню, составляютъ гмину—общину. Во главѣ гмины стоитъ солтысъ (отъ нѣмецкаго «Schultheiss»)—деревенскій староста. Солтысомъ становится основатель колонії (locator), т. е. тотъ, кто заключилъ договоръ съ владѣльцемъ деревни относительно колонизаціи, и получилъ такъ называемую колонизаціонную привилегію, содержащую условія поселенія, а затѣмъ выписывалъ колонистовъ. Званіе солтыса было ему вознагражденіемъ

за этотъ трудъ. Кромѣ того, онъ получалъ еще два или три лана, свободныхъ отъ оброка, 1/6 податей колонистовъ, подати съ лавокъ, нерѣдко мельницу, 1/3 доходовъ съ судебнаго вѣдомства, иногда право на охоту и рыбную ловлю. Званіе солтыса было наследственное, права его переходили къ потомкамъ; отсюда— его сильное положеніе въ деревнѣ, независимое ни отъ хозяина, ни отъ поселянъ. Но, очевидно, стоя во главѣ деревни, онъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ ней, защищалъ ея интересы; передъ владѣльцемъ онъ обязанъ единственно военной службой въ случаѣ войны, если этотъ долгъ былъ возложенъ на него колонизаціонной привилегіей (преимущественно въ частныхъ и княжескихъ имѣніяхъ, рѣже въ церковныхъ и монастырскихъ). Солтысъ является представителемъ села, созываетъ общину на вѣче для решенія вопросовъ, касающихся всей деревни. Онъ же творить судъ вмѣстѣ со скамьей старшинъ, т. е. съ семью гласными, выбираемыми имъ же изъ среды поселянъ. Лишь три раза въ годъ приѣзжалъ господинъ деревни (или его замѣститель) на такъ называемые большіе открытые суды. Вотъ основы генеральной колонизаціи. Она ввела съ собой цѣлый рядъ важныхъ реформъ, улучшила положеніе крестьянина, какъ въ правовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, онъ жилъ въ довольствѣ, могъ, если хотѣлъ, покинуть деревню, лишь бы сдалъ свою усадьбу въ хорошемъ состояніи; что сберегъ, то принадлежало ему. Не слѣдуетъ однако думать, что вся Польша была такимъ образомъ колонизована, хотя почти всѣ деревни носятъ на себѣ слѣды герман-

ской колонизації. Хотя фланандцы, а затѣмъ и нѣмцы, прибыли въ Польшу въ довольно большомъ количествѣ, но вскорѣ въ польской средѣ они ополчились, слились съ населеніемъ. Важнѣе нежели приливъ иностранцевъ, исчезающихъ, несмотря на свою многочисленность, въ общей массѣ населенія— было внесеніе въ Польшу новыхъ принциповъ, послужившихъ основой для дальнѣйшихъ преобразованій.

Колонизація иностранцевъ послужила лишь толчкомъ, вызвавшимъ колонизаціонное движение. За ней послѣдовала колонизація поляковъ, постепенное подчиненіе польскихъ деревень германскимъ законамъ, организація населенія въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ по нѣмецкому образцу и пр. Однако, большинство деревень приняло только хозяйственную сторону колонизаціи: желѣзный плугъ, трехполье, оброчную систему и пр., оставивъ у себя польскіе законы. Жители такихъ поселеній находились въ менѣе зависимомъ положеніи, но несли болѣе тяжелый оброкъ, въ особенности относительно барщины; подвергались суду своего хозяина, какъ верховной власти, солтысовъ у нихъ не было. Несмотря однако на эти ограниченія (на что до сихъ поръ почти не обращали вниманія), колонизація составляетъ громадный шагъ впередъ. Она открыла новую эпоху экономического развитія, она повліяла на поднятіе законнаго положенія крестьянъ въ Польшѣ на нѣсколько, быть можетъ, столѣтій.

Города. Колонизація деревень окончательно вно-

сить въ Польшу вмѣсто натурального хо-
зяйства—денежное. До сихъ поръ, каждый жилъ тѣмъ,
что самъ извлекалъ изъ своего хозяйства, и лишь боль-
шія имѣнія (князей, церкви, вельможъ), проводили въ
хозяйственныхъ цѣляхъ раздѣленіе труда между людьми,
сидящими на ихъ землѣ. Рынки были известны уже
и раньше, около церквей и гродовъ, но въ смыслѣ об-
мѣна товаровъ большого значенія не имѣютъ. Коло-
низація вводитъ деньги и обмѣнъ, какъ основы эко-
номической жизни. Колонизацію деревни долженъ
быть дополнить и завершить городъ, въ которомъ
этотъ обмѣнъ могъ бы постоянно производиться, гдѣ
крестьянское населеніе могло бы запасаться нужными
ему предметами, которыхъ оно въ своемъ хозяйствѣ
не находитъ, направляя всю свою дѣятельность въ
одну только сторону—на обработку земли. И вотъ, возни-
каютъ города. Понемногу, въ XIII и XIV вѣкѣ число
ихъ увеличивается. Они появляются въ формѣ совер-
шенно законченныхъ организаций. Польша не развивала
городовъ постепенно изъ первобытныхъ формъ, какими
являются подгороды, базары и пр., но, почувствовавъ
потребность въ нихъ, переняла съ Запада формы, уже
выработанныя тамъ ранѣе. Первоначально, города
Польши населены иностранцами, нѣмцами, и этотъ гер-
манскій элементъ существуетъ довольно долго, успѣшно
борется съ полонизаціей, такъ какъ дальнѣйшія сноше-
нія съ Западомъ и постоянный приливъ нѣмцевъ удер-
живаются здѣсь традицію сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ,
гдѣ эта объединенность иностранцевъ отсутствовала.

Образцомъ, по которому организуются польские
города, служитъ Магдебургъ.

Одни города подражали ему непосредственно, другие слѣдовали примѣру Сроды въ Силезіи¹⁾ или Холмна²⁾ въ Пруссіи. Но и эти два города организовались по образцу Магдебурга, хотя, напримѣръ, Срова — лишь косвенно, взявъ права свои отъ Галли, которая переняла ихъ изъ Магдебурга. Позднѣе, когда въ Польшѣ возникло больше городовъ — болѣе ранніе изъ нихъ служили образцомъ для новыхъ. Законы, которымъ эти города подчинялись, назывались «Магдебургскимъ, Средзскимъ³⁾ или Холмнинскимъ⁴⁾ правомъ».

Образъ возникновенія городовъ, иначе говоря ихъ основаніе — напоминаетъ основаніе деревень, очевидно съ тою разницей, которую влекутъ за собой различные задачи и цѣли города.

Сначала опредѣляли рынокъ, какъ главную площадь города, отъ него проводили улицы, число которыхъ зависѣло отъ предполагаемой величины города. Каждый обыватель получалъ такъ называемый агеа (дворъ—Hof), т. е. площадь, на которой можно было построить домъ. Въ Краковѣ такой единицей площади считалось 36 локтей ($10^3/7$ сажени) въ ширину и 72 л. ($20^4/7$ саж.) въ длину. Съ этой «агеа» собиралась годовая земельная подать (census terrestris), кромѣ которой горожанинъ не несъ больше никакихъ повинностей относительно владѣтеля города. Владѣльцемъ этимъ могъ быть князь, церковь, или свѣтскій панъ, въ зависимости отъ того, на чьей землѣ городъ былъ построенъ. Самые древніе — королевскіе города, и этихъ было больше всѣхъ; затѣмъ уже появляются и

¹⁾ Srody. ²⁾ Chelmlna. ³⁾ Sredzkie. ⁴⁾ Chelmińskie.

частные. Нѣкоторые маленькие городки имѣютъ характеръ полуземледѣльческій: тогда, рядомъ съ городскими единицами площади (агеа) встрѣчаются въ нихъ и ланы.

Населеніе города совершенно свободно, чтд составляло необходимое условіе, въ особенности для торговли. Позднѣе, когда города были уже приведены въ порядокъ, стали обращать больше вниманія на притокъ тѣхъ, которые желали получить права гражданства (*jus civile*) и на ихъ способности. Требовали предъявленія свидѣтельства о хорошемъ рожденіи, т. е. законномъ происхожденіи, иногда требовали отъ пришельца, чтобы онъ до опредѣленного срока пріобрѣлъ землю, или женился. Однако, съ самаго начала стали отличать среди жителей извѣстные слои: во главѣ— патриціевъ, т. е. преимущественно древня фамиліи первыхъ поселянъ, купцовъ и нѣкоторыхъ зажиточныхъ ремесленниковъ; за ними слѣдовалъ ремесленный классъ, и наконецъ толпа, лишенная всякаго участія въ дѣлахъ городского управлениія. Во главѣ города стоялъ войтъ; онъ соотвѣтствуетъ деревенскому солтысу. Онъ былъ колонизаторомъ; въ его рукахъ находился документъ, содержащій условія основанія города. За это онъ получалъ извѣстное число дворищъ, не платящихъ податей, часть судебныхъ штрафовъ и пр. — И это званіе было наслѣдственнымъ. Войтъ стоялъ во главѣ городского суда, состоящаго чаще всего изъ семи членовъ (гласныхъ), ежегодно избираемыхъ совѣтомъ преимущественно изъ среды ремесленниковъ. Вскорѣ, наряду съ войтомъ и судомъ, возникаетъ дума, происхожденіе которой совершенно не

выяснено. Городская дума является представительствомъ города; въ составъ ея входятъ члены самыхъ знатныхъ семействъ—патриціи. Обыкновенно ежегодно выбиралась новая дума, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ право это имѣлъ владѣлецъ города съ самого начала, или получалъ его позднѣе (въ формѣ наказанія войта, напр. въ Краковѣ,—вслѣдствіе бунта войта Альберта).

Дума представляетъ городъ съ внѣшней стороны, хлопочетъ объ его привилегіяхъ, издаетъ обязательные для жителей законы, такъ назыв. «вилькири», распоряжается городомъ, его доходами и расходами. Ремесла организуются въ цехи. Послѣдніе появляются уже въ теченіе этой эпохи, хотя еще не въ полномъ своемъ развитіи. Строй ихъ также основанъ на нѣмецкихъ образцахъ, заимствованныхъ прямо изъ-за границы. Цехъ—это обязательный союзъ людей, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Ремесла, имѣющія немногихъ мастеровъ, не объединяются въ цехи. Во главѣ цеха стоитъ «цехмистръ», избираемый ежегодно цехомъ. Болѣе важные вопросы решаются на цеховыхъ сходкахъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ мастера. Мастера, это—всѣ тѣ, которые самостоятельно ведутъ ремесло. Но прежде чѣмъ стать мастеромъ, ремесленникъ долженъ сперва пройти курсъ обученія въ видѣ ученика, а затѣмъ, доказавъ свое искусство посредствомъ такъ называемаго «meister-stück», можетъ работать какъ товарищъ. Цехъ заботится о своихъ членахъ, о томъ, чтобы товаръ былъ прочный, доброкачественный; что же касается взаимныхъ отношеній ремесленниковъ между собой, то цехъ смотрить

за тѣмъ, чтобы одинъ членъ не вредилъ другому. Согласно съ принципомъ этой соціальной опеки, цехъ издастъ правила, опредѣляющія сколько у мастера можетъ быть учениковъ, товарищей (подмастерья), сколько заказовъ онъ можетъ принимать, чтобы одинъ не подрывалъ другого, не отбивалъ бы у него заказчиковъ, или подмастерьевъ и т. п. Основой цехового строя является правило, чтобы каждый членъ имѣлъ обезпеченный, хотя скромный заработокъ.

Организованные такимъ образомъ города развиваются съ самаго начала очень быстро и наряду съ колонизаціей деревень составляютъ основу блестящаго экономического состоянія Польши въ XIII вѣкѣ. Первой ихъ задачей является снабженіе рынка товарами, въ которыхъ могутъ нуждаться окрестныя деревни. Эту задачу выполняютъ отчасти цехи, посредствомъ своихъ продуктовъ, отчасти же купцы, привозя изъ-за границы издѣлія, какихъ нѣтъ въ Польшѣ, а взамѣнъ вывозящіе за границу излишекъ мѣстныхъ производствъ. Но, кромѣ того, города, въ особенности большиe, воспользовались своимъ торговымъ опытомъ и устройствомъ торговыхъ отношеній, чтобы въ теченіе XIII вѣка забрать въ свои руки посредничество въ транзитной торговлѣ черезъ Польшу: изъ Венгрии вывозятъ въ большомъ количествѣ мѣдь и желѣзо на всемирные рынки Фландріи, отчасти въ Силезію и Восточную Германію, входятъ въ сношенія въ Востокомъ, съ итальянскими колоніями на Черномъ морѣ, чтобы оттуда вывозить шелкъ и коренъя не только въ Польшу, Силезію и Пруссію, но даже въ центральную Германію (до Нюрнберга) и на Фландрійскіе

рынки. Наоборотъ, изъ Фландріи и Силезіи привозятъ въ Польшу, на Востокъ и въ Венгрію огромныя партии сукна. Если снабженіе мѣстныхъ рынковъ составляло сильную основу сбыта, то эта обширная транзитная торговля обогатила такие значительные города, какъ Лембергъ и Краковъ, и придала много блеска всей эпохѣ развитія городовъ въ Польшѣ.

Евреи. Евреи встрѣчаются пока въ небольшомъ количествѣ только по городамъ, да и то самымъ большимъ, гдѣ образуютъ особыя гмины. Существуютъ они въ Польшѣ уже издавна, однако ихъ законное положеніе не было точно опредѣлено до привиллегіи 1264 г., изданной въ пользу евреевъ въ Великопольшѣ княземъ Болеславомъ Набожнымъ.

Привиллегія эта основывается на западно-европейскихъ образцахъ и принадлежитъ къ чешско-австрійской группѣ, отъ которой почти не отличается. Она вносить въ Польшу взгляды на евреевъ, выработанные уже давнымъ давно на западѣ Европы. Евреи находятся въ положеніи рабовъ князя (*servi cameræ*), ему непосредственно подчиняются, иногда, при замѣстительствѣ князя,—воеводѣ, суду которого они и подвергаются въ случаѣ надобности. Однако, споры между евреями решаются въ гминѣ въ чисто еврейскомъ судебнѣмъ вѣдомствѣ. Привиллегія опредѣляетъ ихъ права относительно христіанского населенія, защищаетъ евреевъ, запрещаетъ нарушать еврейскія кладбища, школы и пр. Привиллегія эта, изданная для одной только области, становится основаніемъ для привиллегій Казиміра Великаго, относящихся къ

1344, 1364 и 1367 г.г. Казиміръ Великій распространяетъ эту привилегію на всѣхъ евреевъ въ государстввѣ, въ формѣ подтверждения Болеславовой привилегіи, или же, развивая ее еще далъше.

Привилегіи эти составляютъ основу законнаго положенія евреевъ въ Польшѣ относительно прочихъ слоевъ общества.

Евреи занимаются почти исключительно лихвой, т. е. отдачей денегъ въ долгъ за большиe проценты, чтѣ христіанскому населенію было запрещено по церковному уставу.

Государственный строй подвергается въ теченіе этого периода преобразованію, кото-

рое отчасти, съ виѣшней стороны, держалось очень долго, до самаго паденія Польского государства. Характерной чертой этого преобразованія является постепенное ограниченіе верховной власти въ пользу силъ, вышедшихъ изъ общества, или точнѣе всѣхъ тѣхъ, которые изъ орудій князя превратились въ представителей привилегированныхъ сословій. Такъ, общественное развитіе тѣсно связано съ развитиемъ государственныхъ формъ, какъ это наблюдается, впрочемъ, всегда и вездѣ. Но вслѣдствіе устраниенія прежнихъ властей возникли, и не могли не возникнуть, другія. Онѣ появляются уже въ теченіе этой эпохи, но пока не всѣ. Моментомъ ихъ полнаго развитія является 1370 годъ, годъ смерти Казиміра Великаго. Въ данномъ случаѣ перемѣна династіи не ограничивается смѣной одной фамиліи другою; годъ этотъ важенъ не только въ политической исторіи, онъ имѣеть

огромное вліяніе и на государственный строй. Оба эти года, 1370 и 1374, сливаясь между собой, замыкаютъ этотъ періодъ.

**Княжеская
власть.**

Княжеская власть остается въ рукахъ Пястовъ. Она продолжаетъ быть абсолютной властью, хотя привилегіи стѣсняютъ ее все болѣе и болѣе, навязывая ей точно опредѣленныя границы. Но, все-таки, это—еще высшая власть надъ обществомъ, хотя послѣднее и добивается понемногу нѣкоторыхъ правъ; но власть князей происходитъ не отъ общества; она у нихъ была и раньше, до появленія правъ общества; это—власть наследственная, данная князьямъ Божьей милостью—*Dei gratia*, какъ они пишутъ въ документахъ. Одни Пясты имѣютъ право на престолъ, хотя кругъ привилегированныхъ группъ растетъ въ эту эпоху. Какъ и раньше, только сыновья и внуки имѣютъ право добиваться участія въ наследствѣ послѣ отца, или дѣда. Мужскіе родственники имѣютъ, по-прежнему, исключительно ипотечное право наследства, равное для всѣхъ, несмотря на степень родства. О величинѣ надѣловъ, если дѣло касалось наследниковъ въ прямой линіи, о призваніи къ наследству—полному или части его, постороннихъ родственниковъ, рѣшаетъ, прежде всего, воля умирающаго. Если она не объявлена, то вопросъ решался договоромъ между заинтересованными лицами, путемъ взаимнаго соглашенія, или же посредствомъ суда родныхъ или вельможъ; причемъ нерѣдко и борьба была неизбѣжна.

Уже въ продолженіи этого періода ходять слухи объ избраніи князей народомъ. Но этого не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ произвольнаго избранія обществомъ правителя. Въ данномъ случаѣ, выборы замѣняютъ лишь необъявленную волю того, послѣ кого осталось наслѣдство; это только указаніе на извѣстную личность непремѣнно изъ среды тѣхъ, которые уже имѣютъ ипотечное право на престолъ. Слѣдовательно это не есть право свободнаго избранія главы государства, такъ какъ нельзя выступить за предѣлы рода Пястовъ. Перемѣна заключалась въ томъ, что увеличивается привилегированный классъ; кромѣ того, уже съ XIII-го вѣка (первоначально въ нѣкоторыхъ силезскихъ линіяхъ, а потомъ и въ мазовецкихъ) начинаетъ вырабатываться признаніе правъ родства и за женщиной: женщины изъ рода Пястовъ пока исключены изъ среды наслѣдниковъ, но ихъ потомки, а слѣдовательно родственники Пястовъ по женской линіи уже могутъ претендовать на престолъ, теперь они получаютъ такое же ипотечное право, какимъ пользуются члены боковой мужской линіи. Каждаго изъ нихъ умирающей князь можетъ назначить наслѣдникомъ, но не обязанъ. Онъ также вовсе не связанъ и степенью родства. Права всѣхъ родственниковъ равносильны, такъ что наслѣдникомъ можетъ стать болѣе далекій родственникъ по женской линіи, помимо болѣе близкаго по мужской. Признаніе родственныхъ правъ за женщиной все шире и шире распространяется, въ особенности въ теченіе XIV-го вѣка. Такимъ образомъ въ Польшу попадаютъ чужестранныя династіи: сначала чешская линія Пржемыслава, затѣмъ Андегавен-

скій домъ. Передача престола Казиміромъ В.—Людовику венгерскому не нарушила вовсе правъ Пястовъ, оставалась въ предѣлахъ принятыхъ и существующихъ обычаевъ.

Въ началѣ этого періода теряются слѣды учрежденія сеніората. Принципъ раздѣла, основанный на законно-приватныхъ отношеніяхъ Пястовъ къ власти и государству, благодаря стеченію обстоятельствъ доводитъ до раздѣловъ, продлившихся довольно долгое время. Раздѣлы были основаны обыкновенно на естественныхъ различіяхъ между помѣстьями, не успѣвшими тѣсно сплотиться. Отчасти же они были случайны, искусственны, и тогда легче нарушались. Число раздѣленныхъ участковъ растетъ въ теченіе XIII столѣтія, даже еще въ XIV вѣкѣ прибываютъ новые. Первоначально понятіе польского государства выражалось титуломъ князей, которые называли себя всѣ князьями Польши—«dux Poloniae». Но уже въ первой половинѣ XIII столѣтія титулъ этотъ замѣняется титуломъ князя удѣльного, а именно—Краковскаго, Лэнчицкаго, Куявскаго и пр. Съ этихъ поръ Польшу объединяетъ лишь церковная нераздѣльность, образуемая Гнѣзненской архиепархіей.

Только подъ конецъ XIII столѣтія вновь обнаруживается стремление къ единодержавію, выраженное коронаціей Пржемыслава II (1275 г.), Вацлава II (1300 г.), а затѣмъ, Локѣтка (1320 г.) и Казиміра Великаго (1333 г.). Теперь уже коронація имѣеть не только виѣшнее значеніе, какъ прежде, но и внутреннее, какъ символъ единодержавія. Но само название «королевства»—вслѣдствіе коронаціи Пржемы-

слава II, бывшаго лишь княземъ Великопольши, является понятиемъ болѣе ограниченнымъ, заключая въ своихъ предѣлахъ только Великопольшу. Rex Poloniae—это король Великопольскій, хотя, начиная съ Локѣтка, коронація происходитъ въ Краковѣ. И несмотря на то, что уже во времена Казиміра Великаго начинаетъ понемногу вырабатываться болѣе широкое понятіе королевства, какъ цѣлой Польши, слѣдѣтъ этого все-таки удержался съ тѣхъ поръ на-всегда: «rex Poloniae, dux Cracoviae, Sandomiriae» и т. д.—называетъ себя король польскій; недостаетъ титуля князя Великопольши, такъ какъ онъ обозна-чался именно первымъ титуломъ—королевскимъ. И насколько дѣло касается внутреннихъ отношеній, то взглядь такого рода вполнѣ правиленъ. Обыкновенно, дѣятельность Локѣтка и Казиміра Вел. понимаютъ ошибочно: они вовсе не объединили всѣхъ удѣловъ; нѣтъ у нихъ Мазовша; гораздо позднѣе, къ ихъ владѣніямъ примыкаютъ отдѣльныя части Куявъ, а Лэнчица, Сѣрадзъ, Добжынь—въ то время, имѣютъ, пока, собственныхъ князей. Всего важнѣе для пони-манія тогдашняго строя,—это то, что, кроме всего другого, соединеніе удѣловъ носило чисто механиче-скій характеръ. На послѣднее обстоятельство слѣ-дуетъ обратить особое вниманіе, чего до сихъ поръ не дѣжалось. Король—все равно, Локѣтокъ или Ка-зиміръ,—является королемъ Великопольши, княземъ Краковско-Сандомирскимъ въ Малой Польшѣ, Лэнчиц-кимъ въ Лэнчицкой землѣ и пр. Кромѣ личности го-сударя, удѣлы эти еще не связаны ничѣмъ; соб-ственно говоря—онъ, государь, объединяетъ ихъ въ

своихъ рукахъ. Нѣтъ никакихъ общихъ законовъ, общихъ сѣѣзовъ, общихъ должностей. Попросту говоря, нѣтъ еще понятія Польскаго государства. Только при Казимирѣ Великомъ понемногу удѣлы начинаютъ объединяться. Окончательно же они объединились лишь послѣ смерти Казиміра, и даже вслѣдствіе этой смерти. Она была цементомъ польскаго государства.

Организація властей остается первона-
Должности. чально такой, какою была раньше. Каждый князь имѣлъ свой дворъ съ воеводой во главѣ, наряду съ кастелянами, сидящими по гродамъ. Но уже въ началѣ XIII вѣка замѣчается стремленіе со стороны этихъ сановниковъ удержать за собой должность, несмотря на то, что данная область перестаетъ управляться своимъ особымъ княземъ, вслѣдствіе соединенія съ другой. Тутъ дѣло касалось равнымъ образомъ вопроса о власти и значеніи, какъ и о томъ надѣлѣ, который по праву принадлежалъ каждой изъ должностей. Чѣмъ значительнѣе была естественная разница между соединяемыми областями, тѣмъ легче эти отдѣльные должности могли удержаться, въ особенности если князь объединялъ области мирнымъ путемъ: тогда, очевидно, онъ не могъ желать вооружать противъ себя сановниковъ, посредствомъ низложенія ихъ съ должности. Въ теченіе XIII вѣка правило о томъ, что должности въ присоединяемыхъ областяхъ остаются, прививается все сильнѣе. Иногда, участокъ земли лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составлялъ отдѣльное княже-

ство, и этого было довольно, чтобы тамъ оставалась цѣлая іерархія съ воеводой во главѣ. Такимъ образомъ, князь имѣетъ уже не одного воеводу, подкоморьяго, судью и пр., а столько этихъ сановниковъ, сколько областей объединилось подъ его властью. Теперь—это ужъ не придворныя должности, а должности, тѣсно связанныя съ понятіемъ области. И какъ первоначально сановниковъ этихъ опредѣляли въ зависимости отъ князя,—напримѣръ, воевода Лешка, подкоморій Конрада и т. д., такъ теперь ихъ начинаютъ называть по названію областей, а именно: краковскими, куявскими и проч. Словомъ, придворная іерархія замѣняется земскою. Сановники, происходящіе изъ знатнѣйшихъ фамилій области, защищаются прежде всего ея интересы, а не княжескіе. Позднѣе отъ названія верхнихъ сановниковъ—воеводъ стали называть и владѣнія, подчиненные всей іерархіи съ воеводой во главѣ—воеводствомъ. Въ Малой Польшѣ уже въ началѣ XIII вѣка утверждаются двѣ іерархіи, а слѣдовательно образуются два воеводства: Краковское и Сандомирское. Въ Великопольшѣ въ половинѣ XIII столѣтія возникаютъ окончательно три воеводства: Познанское, Гнѣзденское и Калишское, но позднѣе два послѣднихъ сливаются въ одно Калишское. Куявское считается съ 1231 г., Лэнчицкое съ 1232 г., Сѣрадзкое возникло въ 1264 г. Вслѣдствіе раздѣла, изъ Куявіа въ 1267 г. выдѣляются два воеводства: Иновроцлавское и Добжинское; послѣднее въ XIV вѣкѣ утратило воеводу, и поэтому продолжаетъ существовать подъ названіемъ «Добжинской земли». Кроме того, въ XIV вѣкѣ

существуетъ еще, нѣкоторое время, Гнѣвковское воеводство, которое однако вскорѣ исчезло, примкнувъ къ Иновроцлавскому.

Но не всякое воеводство имѣло одно и то же число должностей. Ихъ бывало тѣмъ больше, чѣмъ больше известная область существовала самостоятельно. Въ исключительныхъ случаяхъ, нѣкоторыя должности были общими для нѣсколькихъ областей: напримѣръ, должность канцлера въ Великой и Малой Польшѣ. Компетенція этихъ должностей осталась такою же, какъ мы ее опредѣлили раньше. Очевидно, это преобразованіе придворныхъ должностей не могло остаться безъ вліянія на ихъ дальнѣйшую судьбу. Эта организація отжила. Князья почувствовали недостатокъ въ такихъ властяхъ, которыя бы прямо отъ нихъ зависѣли, особенно когда, вслѣдствіе объединенія областей, государь не могъ уже, какъ раньше, всѣмъ лично самъ заниматься. Въ концѣ XIII вѣка появляются признаки введенія новаго учрежденія, но въ полной мѣрѣ создаются его только чешскіе Пржемысловичи. Это такъ называемые старости. Чехи ставятъ старосту для каждой области отдельно. Такъ, для Кракова (1290) сначала ставится одинъ староста, который послѣ присоединенія Сандомирской земли распространилъ свою власть и на эту землю. Послѣ объединенія другихъ частей Польши (1300) ставятся особые старости для Великопольши, Лэнчицы, Сѣрадза, Куява и Поморья. Послѣ ухода чеховъ (1306 г.) исчезаютъ и старости. Но вскорѣ (послѣ 1310 г.) должность эта возстановляется. Однако говорить о подражаніи чешскимъ порядкамъ—

нельзя; должность эта была необходима при новомъ устройствѣ отношеній, возникшемъ вслѣдствіе упраздненія прежнихъ должностей.

Если области (за исключеніемъ Малой Польши) принадлежали Локѣтку и Казимиру Великому, то каждая изъ нихъ получала своего старосту: такъ, имѣли своихъ старость—Великопольша (по принципу, одного для обоихъ воеводствъ), Лэнчица, Сѣрадзъ, Куявы брестскіе, Куявы иновроцлавскіе, и Добжаны, и даже временно Накельская земля, составлявшая, впрочемъ, часть Великопольши. Эти старости играютъ роль намѣстниковъ короля, въ предѣлахъ общихъ постановленій, какъ въ области управлениія страной, такъ и въ военномъ и судебномъ вѣдомствѣ. При нихъ земская іерархія отошла на задній планъ, въ особенности воевода почти совершенно потерялъ свое значеніе; ему осталось лишь судопроизводство надъ евреями и первенствующее мѣсто среди прочихъ земскихъ должностей. Подкоморій удержалъ за собой дѣятельность межевого судьи; другія должности—хорунжихъ, кравчихъ, стольниковъ и пр. остались титулами безъ значенія. Королевскими сановниками являются теперь старости. Но не надо забывать, что старость нѣть въ Малопольшѣ, гдѣ король обыкновенно пребываетъ лично; не будучи въ состояніи и тутъ справиться съ обязанностями, онъ былъ принужденъ расширить власть уже существующихъ должностей (судьи, подсудка), или же создавать новые должности поменьше, имѣющія цѣлью помочь королю, и исполняющія часть обязанностей, лежащихъ въ другихъ областяхъ на старостахъ. Отсюда

въ Малой Польшѣ, во времена Локйтка и Казимира, появляются такъ называемые палачи (*iustictionarii*) какъ судьи въ дѣлахъ уголовныхъ, которыхъ нѣть въ другихъ мѣстностяхъ, такъ какъ тамъ уголовныя дѣла вѣдали старосты. Наряду съ придворными подобные же измѣненія претерпѣваютъ и кастелянскія должности.

Кастелянства, раньше довольно измѣнчивыя, теперь въ теченіе XIII вѣка утверждаютъ, но костенѣютъ. Кастелянъ все чаще и чаще ввѣряетъ свои обязанности въ руки назначенныхъ имъ кастелянскихъ чиновниковъ: кастелянскихъ «влодарей» (приказчиковъ) и судей. Въ дѣлахъ военныхъ его замѣщаетъ назначаемый княземъ «войскій» (*tribunus*). Такимъ образомъ, и это учрежденіе начинаетъ клониться къ упадку. И кастелянъ перестаетъ быть оплотомъ князя, а начинаетъ больше заботиться о своемъ положеніи въ ряду чиновниковъ и также превращается въ земскаго чиновника. Въ первыя десятилѣтія XIV-го столѣтія и эта область претерпѣваетъ перемѣну строя: часть имѣній каждого кастелянства перешла въ собственность кастеляна, въ формѣ его жалованія, которое онъ бралъ до тѣхъ поръ изъ доходовъ кастелянства безъ точнаго счета, а все прочее отнималъ король. Такіе договоры заключалъ король съ каждымъ кастеляномъ въ отдѣльности: отнятые у нихъ владѣнія государь отдавалъ старостѣ каждой области, пользуясь, такимъ образомъ, существованіемъ этой должности, чтобы организовать вновь хозяйственную администрацію страны. Въ каждой области староста вступалъ во владѣніе всѣми королевскими помѣстьями, изъ коихъ

лишь нѣкоторыя стали раздаваться монархами въ формѣ аренды, чаще всего въ видѣ залога. Староста держалъ королевскія имѣнія «въ вѣрныхъ рукахъ», какъ говорилось тогда, т. е. долженъ былъ давать королю отчетъ въ доходахъ, или брать ихъ въ формѣ аренды, т. е. платить постоянную годовую подать, въ теченіе того времени, на которое онъ эти имѣнія по договору получилъ, или же, наконецъ, брать ихъ въ видѣ залога, за извѣстную сумму, выдаваемую королю сполна, съ тѣмъ условиемъ, что пока король не вернетъ ее старостѣ, тотъ имѣеть право пользоваться всѣми доходами области безотчетно. Во всѣхъ вышеуомянутыхъ случаяхъ староста обязанъ былъ давать королю станцію, е. е. содержать короля со дворомъ во время ихъ пребыванія въ данной области. Размѣры этой обязанности опредѣлялись обычаемъ. Подъ конецъ своего правленія, кажется, около 1368 года, Казимиръ Вел. издалъ уставъ, опредѣляющій положеніе старостъ, насколько тѣ держали имѣнія «въ вѣрныхъ рукахъ». Такъ какъ староста долженъ былъ частью доходовъ покрывать расходы, вызываемые его должностю, то, очевидно, онъ легко могъ уменьшить въ свою пользу удѣль короля. Теперь опредѣлили—какіе доходы идутъ въ пользу монарха, а какіе въ пользу старости. Казнѣ, главнымъ образомъ, были предоставлены подати, а старостѣ доходы «in natura», изъ которыхъ онъ долженъ былъ покрывать станціи. Тогда преобладала, кажется, система раздачи областей въ вѣрныя руки, или въ аренду, но появляется и залогъ и начинаетъ все болѣе распространяться. Это соединеніе общественной дѣятельности — замѣстительства

короля съ хозяйственной администрацией имѣній, со-
ставляетъ характерную черту развитія должности ста-
ростъ. Оно вредно вліяетъ на выборъ старосты: не
тотъ становился старостой, кто имѣлъ соотвѣтствую-
щія данныя для хорошаго исполненія должности, но
тотъ, кто больше давалъ, кто предлагалъ высшую
подать или закладную сумму. Въ то время еще не
чувствовались вредныя послѣдствія этого смѣшенія
законно-общественныхъ и законно-частныхъ обязан-
ностей, но причины общественнаго зла лежали именно
въ этомъ смѣшеніи. Внутренняя администрація ко-
ролевскихъ имѣній, управляемыхъ старостами, зави-
сѣла отъ старостъ, которые, въ свою очередь, отда-
вали эти имѣнія въ аренду, или «въ вѣрныя руки».

Такъ какъ, одновременно съ имѣніями, старосты
управляли также и городами, бывшими въ рукахъ
кастелянъ не только центрами администраціи, но и
крѣпостями, то старосты назначали въ нихъ по своей
волѣ военныхъ намѣстниковъ—бургграфовъ. Такимъ
образомъ всѣ гроды въ предѣлахъ области находи-
лись подъ властью старосты, который управлялъ ими
при посредствѣ своихъ бургграфовъ.

Иначе сформировались отношенія въ Малой Польшѣ.
Когда кастелянства подверглись постепенному разло-
женію, здѣсь не оказалось старостъ, которымъ можно
было бы ввѣрить кастелянскую власть; надо было
создать новыя должности, до сихъ поръ неизвѣстныя.
Администрацію имѣній короля во всей Малой Польшѣ,
т. е. въ Краковской и Сандомирской областяхъ, взяли
въ свои руки особые управляющіе, а вскорѣ уже при
Локѣткѣ — одинъ, такъ называемый краковскій на-

мѣстникъ, который отдавалъ управлениe отдѣльныхъ участковъ этихъ имѣній въ руки такъ называемыхъ подручныхъ. Имѣнія эти — намѣстничества, какъ по томъ говорили, держалъ онъ «въ вѣрныхъ рукахъ». Кажется, что ни въ аренду, ни подъ залогъ никогда этихъ имѣній не отдавали. Однако, военной администраціи гродовъ намѣстникъ не получилъ. Для этого ввели новую должность — бургграфовъ, назначаемыхъ королемъ по одному въ каждый гродъ. Ихъ слѣдуетъ отличать отъ бургграфовъ другихъ областей, такъ какъ тѣ были лишь служителями старости, эти же — чиновниками короля. Такимъ образомъ, въ Малой Польшѣ, кромѣ палачей, были еще намѣстникъ и королевскіе бургграфы, но въ ней, до самой смерти Казимира Вел., не было старости.

Должность старости образовалась на почвѣ разлагающихся земскихъ учрежденій и кастелянствъ. Уже въ теченіе этого периода нѣкоторыя земскія должностія начинаютъ превращаться въ придворныя, или государственные (понятія эти пока тождественны) и возникаютъ новые, раньше неизвѣстные должности, какъ исключительно придворныя. Къ первымъ принадлежать: канцлеръ и подканцлеръ краковскій и краковскій казнохранитель, начинающіе уже распространять свою дѣятельность за предѣлы Малой Польши; ко вторымъ — маршаль, являющійся при Казимирѣ Вел. гофмейстеромъ, и кухмистеръ. Но это лишь начало этихъ новыхъ властей.

Таковы были задачи и кругъ дѣйствій
 Вѣче. указанныхъ выше должностей, таково ихъ
 развитіе. Однако, кромѣ этой стороны дѣятельности
 должностныхъ лицъ слѣдуетъ принять во вниманіе и
 другую, т. е. ихъ значеніе, какъ сановниковъ. Это
 относится, прежде всего, — собственно говоря, пока
 исключительно,—къ земскимъ должностямъ, и нахо-
 дится въ связи съ эволюціей, которой всѣ онъ под-
 вергаются, превращаясь изъ должностей придворныхъ
 въ земскія. Государь Польши былъ во времена пер-
 выхъ Пястовъ—когда ему удалось окончательно по-
 бѣдить значеніе родовъ,—государемъ абсолютнымъ. Но,
 очевидно, онъ принужденъ былъ опираться на по-
 мощь, оказываемую ему нѣкоторыми изъ членовъ об-
 щества, тѣсно съ нимъ связанными; будучи даже
 самодержавнымъ государемъ, князь долженъ былъ съ
 ними считаться, какъ съ опорой власти. Пока дер-
 жалась фактически нераздѣльность страны, государь
 былъ достаточно силенъ, чтобы не допустить санов-
 никовъ до болѣе сильного вліянія на себя. Но Польша
 распадается,—слѣдовательно, князья представляютъ
 изъ себя меньшую силу по отношенію въ вельможамъ,
 притомъ развитіе отношеній послѣднихъ къ землѣ
 придаетъ имъ болѣе сильное положеніе. Такъ же и въ
 столкновеніяхъ между князьями изъ-за сеніората, или
 областей, значеніе вельможъ растетъ; они начинаютъ
 наконецъ получать привилегіи, организоваться на
 основаніи родства и гербовъ. Они становятся все
 сильнѣе, все могущественнѣе, все болѣе и болѣе со-
 блюдаются свои интересы, не всегда сходные съ инте-
 ресами верховной власти.

Усилившись въ теченіе областного периода, они еще болѣе начинаютъ отдѣлять себя отъ князей. Формой, въ которой проявляется это стремленіе, является вѣче. Подъ словомъ «вѣче» разумѣлся вообще съѣздъ. Во времена раздѣловъ каждый почти князь имѣлъ своихъ чиновниковъ, при своемъ дворѣ, такъ что до половины XIII вѣка о вѣчахъ или съѣздахъ говорится исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда собирались князья со своими дворами. Но разъ земскія должностіи становятся все чаще и чаще, лишь почетными; разъ, что быть можетъ даже важнѣе, области начинаютъ объединяться, князь, желая узнатъ мнѣніе своихъ чиновниковъ долженъ былъ специально созывать ихъ, прибывая въ данную область. Вотъ—собственное вѣче (*colloquia*). Оно собирается отъ времени до времени, въ случаѣ надобности. На вѣчѣ обсуждаются всѣ важнѣйшіе общественные вопросы, на вѣчѣ князь рѣшаетъ серьезныя судебныя дѣла. Хотя нѣтъ еще законныхъ ограниченій, которыя заставили бы князя руководиться совѣтами вѣча, однако онъ уже такъ зависитъ отъ своихъ вельможъ, что не можетъ, буквально, безъ нихъ обойтись. Когда же появляются старости, то наряду съ королемъ, который попрежнему пріѣзжаетъ въ области на вѣче, и старосты созываются вѣча, но главнымъ образомъ для суда и кромѣ судебныхъ дѣлъ рѣшаются лишь менѣе важные мѣстные вопросы. Одно слѣдуетъ отмѣтить: вѣча эти происходятъ въ каждой области въ отдѣльности; единственно Великопольша, т. е. воеводства: Познанское и Калишское, и Малая Польша, т. е. воеводства Краковское и Сандомирское—имѣютъ общее вѣче, по-

тому что воеводства Малой и Великой Польши, находясь долго подъ властью однихъ и тѣхъ же князей, тѣснѣе объединились между собой. Впрочемъ, каждая область управляетъ сама, или съ королемъ, или со старостой, какъ его назытникомъ, во главѣ. О какихъ-нибудь съѣздахъ цѣлой Польши или нѣсколькихъ даже областей, еще нѣть и рѣчи. Каждая область живетъ исключительно собственной жизнью, другія ей почти что чужды. Сознаніе единства лишь только вырабатывается, а потому и не могло быть общихъ совѣтовъ, разъ не было общихъ вопросовъ.

Войско. Среди отраслей государственной администраціи, обыкновенно, выдѣляются и обсуждаются каждое въ отдѣльности три вѣдомства: военное, казенное и судебное. Однако, въ теченіе этого періода, вѣдомства эти оставались тѣсно связанными съ другими, о чёмъ мы уже неоднократно упоминали раньше. Обязанность военной службы продолжаетъ тяготѣть на «*milites*». Каждый изъ нихъ обязанъ явиться на войну безъ всякихъ ограниченій, по призыву князя, какъ въ случаѣ оборонительной войны, такъ и наступательной. Въ зависимости отъ своего имущества, онъ долженъ имѣть соответственное вооруженіе, лучше или хуже, и даже вооруженную свиту, составленную иногда изъ нѣсколькихъ людей. Дальше, прибываетъ новая вооруженная сила, въ лицѣ сотыsovъ деревень, основанныхъ по германскому закону, которые до тѣхъ поръ должны были лишь сопровождать въ походъ своего господина только въ случаѣ огромной потребности, когда призывали къ оружію все

зависимое население. Въ иммунитетныхъ привилегіяхъ это право князя было сильно ограничено. Походъ велся подъ предводительствомъ князя, отчасти же его замѣстителемъ (по его точному приказу)—воеводой. Со времени появления старостъ призыва рыцарства къ войнѣ, по приказу князя, принадлежитъ уже имъ, равнымъ образомъ, какъ и предводительство походомъ, если дѣло касалось частнаго похода, т. е. одной области, а не общаго, подъ предводительствомъ короля. Въ случаѣ внезапной потребности староста могъ созвать рыцарство, даже не обращаясь къ королю. Наряду съ рыцарствомъ военную опору составляютъ также и бурги, состоящіе подъ властью кастеляновъ, а затѣмъ старостъ, и, отчасти, въ Малой Польшѣ—бургграфовъ. Для ремонта бурговъ, для постройки новыхъ, староста могъ призывать населеніе церковныхъ и рыцарскихъ имѣній. Но и тутъ, относительно церкви, право это было ограничено или вовсе устранино иммунитетными привилегіями, но оно продолжало существовать относительно рыцарскихъ имѣній.

Казначейство. Основой княжеской казны были доходы съ имѣній, управляемыхъ на основаніи кастелянского, а позднѣе старостинского и намѣстническаго строя. Рядомъ съ этимъ князья получаютъ еще доходы съ таможни, которая имѣеть первобытный характеръ мыта, и лишь въ теченіе XIII и XIV вѣка начинаетъ подраздѣляться на мыть и собственно таможенную пошлину, взимаемую не только на границахъ, но и внутри страны, особенно на пересѣченіи путей и въ торговыхъ центрахъ. Наконецъ, въ Краковской землѣ значитель-

ные доходы даютъ соляныя копи, которыми шире стали пользоваться съ половины XIII вѣка. Точно организовалъ ихъ Казимиръ Вел. въ 1368 году. Однако, пока существовало естественное хозяйство, казна князя содержала лишь драгоцѣнности (сокровищница) и документы (т. е. archiwum). Завѣдываніе сокровищницей и archiwum принадлежало казначею. Небольшимъ капиталомъ завѣдывалъ монетчикъ. Только послѣ реорганизаціи бурговаго строя, что было тѣсно связано съ вопросомъ замѣны натурального хозяйства денежнымъ, въ казну начинаютъ поступать большія количества монеты, хотя еще нѣтъ и рѣчи о нераздѣльности казны, такъ какъ старости, получавшіе доходы съ областей, выдавали деньги въ видѣ ассигнацій, не переводя ихъ въ казну. Однако, значеніе послѣдней возрастаетъ. Krakовскій казначей, какъ казначей той области, гдѣ обыкновенно пребываетъ король, начинаетъ выдѣляться изъ среды другихъ казначеевъ, которые исчезаютъ, или по крайней мѣрѣ теряютъ свои вѣдомства. Теперь его начинаютъ звать придворнымъ казнохранителемъ. Расходы идутъ, главнымъ образомъ, на содержаніе княжескаго двора, насколько этихъ расходовъ не покроютъ станціи старостъ. Другая издержка это—постройка бурговъ и въ особенностіи при Казимирѣ Вел. великолѣпныхъ замковъ, костеловъ и т. д. Войско не стоитъ ничего, также нѣтъ никакихъ расходовъ на администрацію государства, ибо чиновники получаютъ жалованіе землею. Очевидно, нѣтъ еще никакой разницы между королевской и государственной казной. Существуетъ лишь одна нераздѣльная казна, такъ же какъ и понятіе о королѣ сливаются пока съ понятіемъ о государствѣ.

Относительно судебного вѣдомства слѣдуетъ

Суды. отличать судопроизводство надъ дворянствомъ и судопроизводство надъ крестьянскимъ и городскимъ населеніемъ. Уже въ предшествующей эпохѣ выработалось правило, что milites подчиняются лишь суду князя, или замѣстителя послѣдняго—воеводы. Надъ «milites»—кастеляны, какъ это неоднократно говорилось,—никакой судебнай власти не имѣли. Князь производилъ судъ въ той области, въ которой находится, въ своемъ дворцѣ, въ присутствіи своихъ чиновниковъ. Но болѣе важные вопросы, въ особенностіи касающіеся земли, рѣшаются обыкновенно, главнымъ образомъ въ XIII-мъ столѣтіи, вѣче. Судья, отчасти подсудокъ, только помогаютъ князю формально вести судъ; приговоръ зависитъ отъ князя. Когда въ XIV-мъ вѣкѣ появляются старосты, то, наряду съ королевскими судами, производимыми столько разъ, сколько разъ король посыпалъ данную область—уже и старосты судятъ въ тѣхъ же предѣлахъ, что и король, а слѣдовательно, или въ присутствіи тѣхъ, которые состоятъ при старостѣ, или же на вѣчѣ, когда староста созывается всѣхъ сановниковъ области. Такіе вѣчевые суды производятся нерегулярно, а когда ихъ староста созоветъ. Но уже въ половинѣ XIV-го вѣка староста не въ состояніи заѣдать на всѣхъ судахъ лично, поэтому онъ предсталяетъ себѣ лишь предсѣдательство на вѣчахъ и уголовныя дѣла, другіе же вопросы отдаетъ рѣшенію суды и подсудка, которые обсуждаютъ ихъ на обыкновенныхъ судахъ, такъ называемыхъ «рочкахъ». Еще при Казимирѣ Великомъ начинаютъ опредѣляться по-

стоянныи дни и мѣста, въ которыхъ судья и подсудокъ производятъ «рочки». Въ каждой области, такимъ образомъ, находится одинъ судья и одинъ подсудокъ, и они обѣзжаютъ область, являясь въ извѣстные дни въ опредѣленныи мѣстности. Такимъ путемъ начинаетъ утверждаться раздѣлъ на уѣзды, донынѣ совершенно неизвѣстный.

Нѣсколько иначе развивалось это дѣло въ Малой Польшѣ. Тутъ судья и подсудокъ пріобрѣли раньше нѣкоторую самостоятельность, такъ какъ король, болѣе чѣмъ староста, занятый государственными вопросами, тѣмъ менѣе имѣлъ времени для занятій по судебному вѣдомству. Однако важнѣйшія дѣла предоставлялись всегда королю. Но съ 1362 года и тутъ начинаютъ появляться вѣча безъ участія короля. Разница между этими вѣчами заключается въ томъ, что нѣтъ на нихъ старость (такъ какъ вообще они въ Малой Польшѣ не существуютъ), а засѣдаютъ въ главѣ вѣча знатнѣйшіе земскіе сановники: воевода, кастеляны и пр., хотя, впрочемъ, составъ ихъ точно не былъ опредѣленъ. Вѣча эти совмѣстили дѣятельность короля относительно важнѣйшихъ вопросовъ, хотя и здѣсь король, насколько ему позволяло время, продолжалъ производить суды. Вѣча малопольскія отличаются отъ прочихъ областныхъ тѣмъ, что сразу, по ихъ установлѣніи, имъ отвели постоянныи мѣста (Краковъ, Сандомиръ, Вислица, Радомъ, Люблинъ) и извѣстные дни въ году (трижды въ годъ), въ которые они должны были собираться. Точное опредѣленіе мѣстъ производства «рочекъ», на которыхъ засѣдалъ судья и подсудокъ, времени ихъ созыва, и наконецъ распределеніе уѣздовъ совершается и

здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ, а можетъ быть было и раньше. Во всей Польшѣ одинъ вопросъ не подлежалъ этимъ судамъ, это—межевые споры. Послѣдніе решались въ каждой области областнымъ подкомориѣмъ.

Судебную власть надъ несвободнымъ населенiemъ имѣлъ съ самаго начала исключительно господинъ послѣдняго: рыцарь (*shiles*) въ своихъ имѣніяхъ, церковь въ своихъ, и лишь въ королевскихъ владѣніяхъ—кастелянъ. Судебному вѣдомству кастеляновъ подчинялось и свободное населеніе, осѣдлое на чужой землѣ, рыцарской, церковной и королевской. Однако иммунитетная привилегія отдали церкви, а впослѣдствіи и милесамъ, также судебную власть и надъ свободными, живущими въ ихъ имѣніяхъ, что значительно способствовало сліянію этихъ двухъ слоевъ въ одинъ. Еще быстрѣе исчезла разница между ними въ кастелянствахъ, ибо здѣсь кастелянъ имѣлъ, хотя и по различнымъ законамъ, судебную власть и надъ свободнымъ и надъ несвободнымъ населеніемъ. Значитъ, уже тогда въ Польшѣ вполнѣ выработалась вотчинная подсудность. Это положеніе дѣла измѣнила германская колонизація, но только относительно тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ утвердилось германское право, другія же деревни остались при своемъ прежнемъ судебнѣмъ строѣ, т. е. при вотчинной подсудности. Въ колонизованныхъ же деревняхъ возникаетъ для каждой изъ нихъ въ отдѣльности особый судъ старшинъ съ солтысомъ во главѣ, обсуждающій гражданскія и уголовныя дѣла по нѣмецкимъ законамъ. Тоже и въ городахъ, гдѣ судебное вѣдомство накоится въ рукахъ войта и суда старшинъ, съ ко-

торымъ, однако, относительно бесспорныхъ вопросъ, начинаетъ соперничать городской совѣтъ. Такимъ путемъ добилось городское населеніе, подобно части земледѣльческаго, своего собственнаго суда. Суды эти собирались отъ времени до времени не въ определенные сроки, а трижды въ годъ; кромѣ того, собирались такъ называемые большиe открытые (гласные) суды, на которыхъ засѣдалъ самъ владѣлецъ, или его замѣститель.

Рядомъ съ этими судами возникли еще вслѣдствіе колонизаціи и другіе, а именно, такъ называемые «удѣльные суды солтысовъ». Если дѣло касалось солтыса (или войта) и его правъ на эту должность, то эти вопросы могъ рѣшать только его господинъ, вмѣстѣ съ судомъ, составленнымъ изъ семи солтысовъ. Это потому, что на отношеніе солтыса къ владѣльцу смотрѣли какъ на ленное отношеніе, а ленному господину было позволено судить солтыса единственno въ присутствіи суда, составленнаго изъ равныхъ ему людей. Такой судъ созывался владѣльцемъ въ случаѣ надобности, путемъ приглашенія своихъ, или чужихъ солтысовъ, такъ какъ рѣдко у него было соотвѣтственное число своихъ. Въ XIV-мъ вѣкѣ стали возникать въ болѣе обширныхъ владѣніяхъ такие постоянные суды.

Отъ этихъ судовъ слѣдуетъ отличить такъ называемые высшиe суды германскаго права. Такими судами считались тѣ, которые на основаніи обычая или же приказа владѣльца давали другимъ судамъ правовые совѣты, или приговоры—«ортили». Вотъ эти—то ленные суды и были одновременно высшими судами, ибо къ нимъ охотно обращались за совѣтомъ

городскіе и деревенскіе суды старшинъ. Однако, въ особо важныхъ вопросахъ ссылались еще въ XIV-мъ вѣкѣ на Магдебургъ. Только Казимиръ Великій предпринялъ широкій планъ учрежденія суда, который замѣстилъ бы всѣ эти мелкіе суды, распространить бы свою власть на значительное пространство государства, хотя бы на всю Малую Польшу (въ Великопольшѣ ленные суды не были известны). Въ 1356 г. онъ основываетъ высшій судъ германскаго права въ краковскомъ замкѣ и преобразовываетъ его еще въ 1365 г. Этотъ судъ имѣлъ цѣлью быть леннымъ судомъ для солтысовъ, и въ то же время высшимъ, который давалъ бы судебные совѣты, устранивъ такимъ путемъ обращеніе за ортилями въ Магдебургъ. Но король имѣлъ право сдать этому суду полную власть только относительно своихъ владѣній. Поэтому, онъ вступилъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми крупными монастырями Малой Польши, и они признали власть этого суда относительно и своихъ помѣстій. Надъ этимъ судомъ, состоящимъ изъ старшинъ, выбираемыхъ среди солтысовъ королевскихъ и монастырскихъ имѣній, король поставилъ такъ называемый судъ шести городовъ, задачей которого было собираться въ случаѣ нужды, въ качествѣ высшаго судебнаго мѣста. Старшинъ въ этотъ судъ выбирали малопольскіе города въ числѣ шести; отсюда его название. Оба эти суда дѣйствительно вступили въ свои обязанности; однако надежды короля не вполнѣ осуществились. Еще въ XIV-мъ вѣкѣ возникаютъ новые высшіе и ленные суды въ частныхъ (церковныхъ) имѣніяхъ и за ортилями продолжаютъ посыпать въ Магдебургъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТИЙ.

**Характери-
стика основъ-
развитія
Польши.** Общество организовавшись на основаній привиллегій, создало сословія. Періодъ этотъ, начиная съ Кошицкой привиллегіи—сословная эпоха; ее можно назвать эпохой равновѣсія сословій. Хотя всѣ сословія и не считаются равными между собой, однако, каждое имѣетъ свои собственные привиллегіи, свою особую область дѣятельности, въ предѣлахъ которой свободно можетъ двигаться, жить и развиваться. Но въ исторіи нѣтъ и не должно быть безусловнаго застоя. Если сравнительно прочныя формы остаются долго безъ замѣтныхъ перемѣнъ, то это уже обозначаетъ шагъ назадъ. Польша же тогда дѣйствительно живеть, развивается, дѣйствительно подвигается впередъ. Равновѣсіе сословій, считая съ конца приблизительно XV-го вѣка, начинаетъ колебаться, какъ оно уже раньше поколебалось на западѣ Европы, который, будучи культурно старше въ смыслѣ общественнаго и политическаго развитія, опредѣлилъ Польшу больше чѣмъ на столѣтіе. Но въ Польшѣ

обстоятельства, среди которыхъ происходитъ это раз-
витіе, иныя, нежели на Западѣ. Опоздавъ, мы стара-
лись сравняться съ Западомъ и все болѣе и болѣе
къ нему приближались. Быть можетъ, это не всегда
было хорошо, но вообще такую эволюцію слѣдуетъ
считать полезной. Тогда какъ народы западной Ев-
ропы принуждены были сами разрѣшать задачи жиз-
ни, вытекающія изъ хода исторіи, основательно и
послѣдовательно создавать и развивать правовыя
установленія, способныя удовлетворить эти потребно-
сти, мы въ это время, при появленіі у насъ тѣхъ-
же нуждъ и жизненныхъ вопросовъ, могли почти
безъ труда и усилій пользоваться примѣромъ Запада,
вмѣсто того чтобы самостоятельно творить, мы могли
прямо переносить къ себѣ уже созданныя ранѣе
установленія. Такимъ образомъ, мы избѣжали труд-
наго периода созданія учрежденій. Если на Западѣ
между появленіемъ нужды и ея окончательнымъ удо-
влетвореніемъ протекало довольно много времени, у
насъ эти два момента стояли ближе другъ къ другу,
и потребность удовлетворялась гораздо быстрѣе. Та-
кимъ образомъ, говоря о государственной организа-
ціи, мы переняли въ началѣ нашей исторіи строй
франконскаго двора, какъ основу строя централь-
ныхъ властей. По франконскимъ образцамъ, изъ ко-
торыхъ самые ранніе касались временъ Карла Вели-
каго (*capitulare de villis*), организовалась система го-
родовъ (бурговъ), какъ главный фундаментъ госу-
дарственной организаціи. Деревни мы также не раз-
вивали послѣдовательно: съ Запада мы взяли схему,
и хотя не вдругъ, но все-таки въ теченіе короткаго

сравнительно промежутка времени достигли полного экономического преобразования Польши, въ особенности, когда наряду съ колонизацией деревень, на нашей почвѣ привился и городской строй, уже окончательно выработанный на Западѣ. Такихъ примѣровъ можно привести много. Кромѣ этихъ, быть можетъ, характерныхъ и яркихъ, мы подвигались впередъ не постепенно, шагъ за шагомъ, но скачками, иногда даже черезчуръ рѣзкими. Это имѣло и свои дурныя стороны. Впрочемъ, заимствование учрежденій съ Запада не происходило у насъ механически. Учрежденія, задача которыхъ—быть формой содержанія жизни, должны приоровиться къ этому содержанію; въ противномъ случаѣ, сила жизни разорветъ ихъ, уничтожить, хотя, быть можетъ, послѣ упорной и вредной борьбы, или же форма эта, черезчуръ сильная, неподатливая убьетъ, или по крайней мѣрѣ изуродуетъ жизнь. Между тѣмъ формы, привитыя въ Польшѣ, обнаруживаются чрезвычайную жизненность, къ нимъ легко привыкаютъ; этому очевидно способствовали условия тогдашней польской жизни, когда вѣрно оцѣнивались потребности и удачно подбирались формы для ихъ удовлетворенія.

Любопытно однако—не было ли въ этомъ одной отрицательной черты? Не былъ ли этотъ процессъ черезчуръ стремителенъ? Въ первое время учрежденія, привитыя у насъ, дѣйствуютъ отлично, а это «первое время»—иногда цѣлыхъ столѣтія въ жизни народовъ. Но потомъ относительно нѣсколькихъ учрежденій, напримѣръ колонизація деревень и городовъ (учрежденій первостепенной важности въ раз-

витії государства) наблюдается, что они превосходно привились сначала, но потомъ не развиваются, какъ бы этого можно было ожидать. Деревня, какъ ее завели колонисты, городъ, какъ его преобразовали изъ предмѣстья, въ своихъ главныхъ основныхъ чертахъ остаются безъ измѣненія; перемѣнамъ подвергаются лишь украшенія, детали, а существенное содержаніе какъ-то мертвѣеть, понемногу окаменѣваетъ. Мы не съумѣли преобразовать этихъ формъ быта, разить ихъ дальше, приоровитъ къ условіямъ измѣненной жизни, или замѣнить другими, болѣе новыми, болѣе подходящими. Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли были желательны эти прыжки впередъ, эти подражанія иностраннымъ образцамъ? Не лучше-ли было медленное, но постоянное развитіе собственныхъ польскихъ элементовъ, хотя бы мы даже и оставались далеко позади Европы.

На это трудно отвѣтить, ибо неизвѣстно, какъ бы развивались наши родные элементы. На одно лишь слѣдуетъ обратить вниманіе—мы сразу вступили въ область культурной жизни Европы. Случилось это въ силу факта, который выше всякихъ разсужденій. Наше географическое положеніе способствовало поддержанію сношеній съ Европой. У насъ не было ни китайской стѣны, ни глубокихъ морей, которыя отрѣзали бы насъ отъ міра, защищали бы отъ его вліянія, сдѣлали бы возможной совершенно изолированную жизнь, выработку всего извнутри себя и постепенное совершенствованіе своихъ формъ. Неизвѣстно также, хватило ли бы у насъ на это энергіи. И разъ мы принуждены были жить жизнью

западной Европы, то необходимо было стараться догнать ее, сравняться съ ней.—Это быть может было дурно, быть можетъ, мы ее догнали слишкомъ скоро, но такъ сложились обстоятельства. Словомъ, такъ случилось, и иначе случиться не могло.

Общественный Приведенные выше замѣчанія касаются строй. Дворянъ также и вопроса объ общественномъ раз-

ство. Витіи, въ особенности развитія отношеній классовъ между собой и положенія дворянъ относительно городовъ, крестьянъ и государя. У нась дворянство возникаетъ позже, чѣмъ на Западѣ, хотя тѣмъ же путемъ, но окончательная его организація совпала съ періодомъ, сравнительно болѣе раннимъ (говоря о степени общаго развитія), нежели въ другихъ странахъ Европы. Въ то время, когда распространялись гербы, понятіе о родѣ еще существовало, но уже замѣтно слабѣло. Вслѣдствіе принятія гербовъ, понятіе это, благодаря гербовой общности, вновь воскресло. Усилилась также и родовая солидарность. Въ составъ дворянства вошли цѣлые роды, а не отдѣльные семьи, какъ на Западѣ, гдѣ эпоха гербовъ наступаетъ послѣ окончательного паденія всѣхъ родовыхъ узъ. Такимъ образомъ, права и привилегіи, сопровождающія титулъ дворянина, выпадаютъ и на долю тѣхъ экономически и общественно слабыхъ элементовъ, единственной опорой которыхъ была при надлежность къ извѣстному роду. Поэтому-то у нась и неѣтъ разницы въ степеняхъ дворянства, какъ это встрѣчается въ другихъ странахъ, и дворянъ у нась сравнительно гораздо больше, или несоразмѣрно много, въ чёмъ и теперь легко убѣдиться.

Въ продолженіи этого периода дворянское сословіе уже замыкается, и замыкается все тѣснѣ и тѣснѣ.

Замкнутость эта проявляется главнымъ образомъ въ видѣ порицанія и очищенія дворянскаго происхожденія, что впрочемъ встрѣчается и нѣсколько раньше, но въ это именно время находитъ наибольшее примѣненіе. Дворянское сословіе получаетъ все болѣе правъ и привилегій, и хлопочетъ о томъ, чтобы оно одно могло ими пользоваться, чтобы не допустить къ этимъ правамъ людей не призванныхъ, не-дворянъ. Но отношенія между дворянами еще не вполнѣ установлены, не всѣ сомнѣнія разрѣшены; поэтому, каждого, относительно кого возникаютъ спорные вопросы, можно укорять въ недворянскомъ происхожденіи; можно «порицать» его дворянство, и тогда онъ долженъ «очиститься», доказать, что принадлежитъ действительно къ дворянскому сословію. Доказательство это совершалось двояко. Въ Велико-Польшѣ призывались въ судъ по два члена (т. н. «гербовыхъ стрыйца») изъ трехъ родовъ: отца, матери и бабушки, достовѣрныхъ дворянъ, которые свидѣтельствовали подъ присягой, что заподозрѣнныи—брать ихъ и одногербовникъ, т. е. имѣетъ тотъ же гербъ и ту же прокламацію, какъ и они. Въ Малой Польшѣ доказательство производилось посредствомъ допроса шести свидѣтелей изъ рода отца; однако и здѣсь уже въ началѣ XV-го вѣка привилась великопольская система свидѣтельствованія членами трехъ родовъ.

Такимъ путемъ, понемногу, опредѣлились границы дворянства. Уже въ половинѣ XV вѣка порицанія и

очищенія почти совершенно исчезаютъ, такъ какъ въ нихъ больше не нуждались. Неполное дворянство, «влодыки», приблизительно въ то-же время гибнутъ, такъ что и слѣда отъ нихъ не остается. Дворянство перестало формироваться. Кто хотѣлъ войти въ его составъ, тотъ имѣлъ два способа: усыновленіе родомъ и нобилитацио (пожалованіе).

Усыновленіе, т. е. принятіе въ родъ и въ гербъ, зависѣло отъ согласія рода. Въ XIV и XV вѣкѣ это былъ господствующій способъ полученія дворянства. Нобилитацио, т. е. возведеніе въ дворянство королемъ, встрѣчающееся съ XV вѣка все чаще и чаще, была первоначально тоже видомъ усыновленія: король давалъ нобилизуемому свой гербъ, т. е. отчасти принималъ его въ свой родъ; но гербъ этотъ даваль онъ, какъ говорилось, «поврежденнымъ», т. е. безъ какой-нибудь части (напримѣръ, Ягайлоны давали такъ называемый «польскій погонъ»—руку съ мечемъ — очевидно часть литовскаго герба, изображающаго рыцаря съ мечемъ). Но уже при послѣдніхъ Ягеллонахъ обычай этотъ исчезаетъ, и короли начинаютъ при нобилитацио давать произвольный гербъ. Появляющейся при этихъ короляхъ въ XV вѣкѣ «индигенатъ» (право дворянства) былъ только признаніемъ польскимъ дворяниномъ того, кто уже заранѣе принадлежалъ къ иностранному дворянству. Но подъ этой формой нерѣдко скрывалась нобилитацио.

Итакъ, къ дворянству принадлежать тѣ, у которыхъ есть гербъ. Въ теченіе этого же периода окончательно изглаживается связь дворянскаго титула съ владѣніемъ землей. Дворянство безземельное—голь, одарди,

какъ его тоже звали, могло пользоваться не всѣми правами, хотя и причислялось къ дворянскому сословію. Дворянство съ этихъ порь даетъ право принадлежности къ роду,—оно переходитъ путемъ наследства, несмотря на отношеніе къ землѣ, изъ которой оно выросло. Внѣшнимъ признакомъ является гербъ; уже въ концѣ XV вѣка перестаютъ отличать гербъ отъ прокламаціи; прокламація погибаетъ, зато появляются фамиліи, сперва въ Великопольшѣ (уже въ первой половинѣ XV вѣка), позже въ Малой Польшѣ и на Руси. Фамиліи происходятъ обыкновенно отъ имѣній, въ формѣ прилагательныхъ на «скій» и «цкій». Первоначально онѣ измѣнчивы: иногда одинъ человѣкъ носитъ по очереди нѣсколько фамилій, если мѣняетъ мѣстожительство. Но затѣмъ фамиліи быстро устанавливаются. Очевидно, разные члены рода принимаютъ различные фамиліи, иногда даже братья называютъ себя различно. Остается общий гербъ, напоминающій прежнее родовое единство, хотя нерѣдко къ одному и тому же гербу относится нѣсколько десятковъ и даже больше семействъ.

Въ общественномъ строѣ дворянство, такъ рѣзко выдѣленное изъ другихъ сословій, еще раньше пріобрѣло значительныя привилегіи. Въ эту эпоху появляются новые, весьма сильные факторы, способствующіе ихъ дальнѣйшему блестящему расширенію: смерть Казимира Великаго, переходъ престола къ Людовику, избрание Ядвиги, а затѣмъ восшествіе на престолъ династіи Ягайлы,—все это въ огромной степени ускоряетъ развитіе дворянскихъ правъ и привилегій. Эти новыя династіи измѣняютъ положе-

женіе общества и въ особенности дворянъ. Казиміръ Великій, какъ и его предшественники, выводилъ свою власть изъ тьмы и мрака прошлаго: она существовала съ незапамятныхъ временъ и господствовала надъ обществомъ. Но уже Людовикъ, хотя и основывалъ свое право на корону на распоряженіи Казимира Великаго, хотя былъ родственникомъ послѣдняго, и получалъ власть на основаніи этого родства, однако, чтобы подчинить себѣ общество, чтобы не встрѣтить противодѣйствія, долженъ былъ обеспечить права и привилегіи дворянъ, посредствомъ Будзинской привилегії, данной въ 1355 году.—Это были лишь общія гарантіи, общее обезпеченіе. Получивъ престолъ, онъ уже не былъ принужденъ давать новыя свободы. Если бы у него были мужскіе потомки, то они уже по закону наследовали бы ему на Вавель¹⁾. Но у него ихъ не было. Надо было заключать съ обществомъ договоръ, чтобы приобрѣсти права для дочери. И дальше опять—избраніе мужа этой дочери—новые договоры, Ядвиги не оставляетъ потомства. Права потомковъ Ягайлы—непрочны; опять торги, опять привилегіи. Первая—Кошицкая въ 1374 году, дальше Краковская и Корчинская въ 1386, Петроковская въ 1388, Брестская (1425 г.), Едльненская (1430 г.) и Краковская (1433 г.). При этомъ дворянство прежде всего освобождается отъ всякихъ налоговъ, за исключеніемъ двухъ грошей съ лана, предоставленныхъ королю по Кошицкой привилегії, получаетъ огромныя льготы

¹⁾ Вавель—холмъ въ Краковѣ, соотвѣтствующій московскому Кремлю.

Пер.

относительно военной повинности, которую дворяне обязаны нести, лишь въ случаѣ обороноительной войны; при наступательной же войнѣ дворяне получаютъ вознагражденіе по пяти гропей отъ штыка—(привиллгіи 1386 и 1388 года). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, въ видѣ принципа, что дворянина безъ суда заключать въ тюрьму нельзѧ (*neminem captivabimus nisi jure victum*).

Вотъ главныя привиллгіи, не считая многочисленныхъ другихъ, менѣе важныхъ. Когда интересы государства начинаютъ требовать болѣе частыхъ войнъ и большихъ податей, дворянство, защищаемое привиллгіями, идетъ на войну, платить подати, хотя и не должно дѣлать этого, но взамѣнъ требуетъ все болѣе и больше правъ и получаетъ чрезвычайную привиллгію 1422 года, Церквицкую 1453 года, великие Нѣшавскіе статуты въ 1454 году, наконецъ—уставы 1493 и 1496 годовъ и цѣлый рядъ концессій при Александрѣ, Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ.

Избирательное право и право опредѣленія податей—сильное оружіе въ рукахъ дворянства, которое и умѣетъ имъ пользоваться. Оно устанавливаетъ свои права все шире, все тверже. Первоначально привиллгіи издавались въ пользу сильнѣйшихъ,—понемногу и дворянство безъ титуловъ, безъ значенія, сѣрая, но многочисленная толпа добивается признанія и власти. Уже со времени Нѣшавскихъ статутовъ—теченіе это весьма сильно, а при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ—еще усиливается въ программѣ такъ называемой «экзекуціи правъ». Теченіе это вполнѣ объяснимо постояннымъ стремленіемъ къ

распространенію правъ на самые широкіе круги общества. Оно находитъ себѣ опору въ образованіи изъ всѣхъ дворянъ одной нераздѣльной равноправной массы. Это развивается и укрѣпляется скачками, особенно съ 1374 года, послѣ смерти Ягайлы. Права, за которыя въ другихъ случаяхъ дворянство должно было долго бороться, въ Польшѣ пріобрѣтаются быстро, благодаря способствующимъ тому обстоятельствамъ. Достаточно для примѣра взять Мазовіе, гдѣ даже въ XVI вѣкѣ у дворянства нѣть тѣхъ правъ, которыя получили польскіе дворяне по Кошицкой и по другимъ привиллегіямъ.

Духовенство. Первенствующимъ сословіемъ наряду съ дворянствомъ выступаетъ тѣсно съ нимъ связанное духовенство. Высшіе церковные саны и раньше всегда занимали члены рыцарского класса. Въ теченіе данного періода стремленіе это идетъ дальше, требуетъ законодательного обеспеченія дворянству мѣста въ церкви. Уже въ 1414 году Янъ XXIII издаетъ буллу для Гнѣзна, Познани и Кракова, о томъ, что доступъ къ капитулу имѣютъ лишь дворяне, или тѣ, которые получили ученую степень. Въ XV вѣкѣ предписанія эти еще, кажется, въ точности не исполнялись. Напоминаетъ о нихъ конституція 1496 г., предоставляющая плебеямъ лишь пять мѣстъ въ капитулѣ, да и то только имѣющимъ ученые званія (два для докторовъ законовѣдѣнія, два для докторовъ теологіи и одно для доктора медицины, или «magistra artium»). Но такъ какъ подобныя одностороннія постановленія не могли считаться обя-

зательными, не получивъ подтверждениѧ со стороны церкви, то позаботились и объ этомъ. Юлій II въ буллѣ 1505 г., изданной для Гнѣзинскаго капитула, и Левъ X въ 1515 г.—для капитуловъ всѣхъ гнѣзен-скихъ областей, дополненной впослѣдствіи буллой Павла III, стали на ту же точку зрѣнія, что и конституція 1496 года. И относительно аббатствъ—конституції (1538, 1539 и 1550 гг.) постановили, что въ санъ члена капитула можно возводить только дворянъ. Тѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, связались оба эти сословія, тѣмъ прочнѣе стало положеніе дворянства въ дѣлахъ Церкви.

Очевидно, дворянство и духовенство, имѣя общій интересъ—удержать свое привилегированное положеніе относительно прочихъ сословій, нерѣдко вступали между собой въ крупные союзы. Король, если о немъ шла рѣчъ, требовалъ лишь признанія своего вліянія на выборъ епископовъ, ибо они—высшіе сановники государства. Уже Казимиръ Великій пытался вліять посредствомъ капитала на замѣщеніе епархій, предлагая своихъ кандидатовъ. Того же принципа придерживаются и Ягайлоны, такъ что уже со второй половины XV вѣка выборъ начальника епархіи фактически зависѣлъ всецѣло отъ короля, а выборы, совершаемые капитуломъ, были простой формальностью. Съ другой стороны, дворянство часто вступало и въ споры съ духовнымъ сословіемъ. Оно стремилось къ тому, чтобы имѣнія церкви, т. е. «мертвые руки» не увеличивались въ ущербъ дворянству. Дѣйствительно, конституція 1510 г. запретила записывать по духовному завѣщанію недвижимое имущество въ пользу

церкви. Но несмотря на борьбу, весьма ожесточенную, какъ при Сигизмундѣ-Августѣ, дворянству не удалось ограничить свободу церкви въ смыслѣ податей и военной службы. Церковь не платила податей, кромѣ лановаго оброка, нѣсколько превышающаго двугрошевую подать дворянъ. Если дворяне согласились на какую нибудь подать, то и духовенство обыкновенно давало известную денежную сумму, но лишь въ формѣ добровольнаго пожертвованія (*subsidiump charitativum*). Освобожденіе отъ военной повинности церковь сохранила въ полной мѣрѣ.

Еще болѣе ожесточенные столкновенія происходили со времени Казимира Великаго изъ-за десятинаго налога. Относятся они, главнымъ образомъ, къ первой половинѣ XV вѣка. Въ Малопольшѣ завершилъ ихъ договоръ 1437 г., заключенный благодаря стараніямъ Олесницкаго. Споры эти возобновились въ XVI вѣкѣ, но и тогда церковь осталась побѣдительницей. Зато она должна была уступить относительно судебной власти. Область вопросовъ, подчиненныхъ церковному суду, была очень обширна и удерживалась въ этихъ предѣлахъ долгое время, а именно до XVI вѣка, несмотря на противодѣйствіе со стороны дворянства, особенно относительно подчиненія церковному суду чисто свѣтскихъ вопросовъ. Когда въ 1532 г. былъ составленъ планъ свода законовъ, такъ называемая корректура, права церкви опредѣлялись почти въ тѣхъ же широкихъ границахъ, какія были и раньше на практикѣ. Корректура, однако, осталась проектомъ, и компетенцію церкви на тѣхъ же основаніяхъ, очевидно, лишь одностороннимъ образомъ

опредѣлилъ петроковскій синодъ въ 1542 г. Постановленія синода были приняты годомъ позже (1543) конституціей петроковскаго сейма, сила которой продолжалась лишь одинъ годъ. Вскорѣ вопросъ о судебнай власти церкви сталъ во главѣ программы, такъ называемой «экзекуціи правъ» при Сигизмундѣ-Августѣ. Стали требовать ограниченія этой власти, а затѣмъ—(1557 г.) полнаго ея уничтоженія. Въ концѣ концовъ, сеймы 1562—1563 и 1565 г.г. прервали эти споры, отнявъ у духовнаго суда права, данныхыя ему съ 1433 г. старостами; церковные суды, лишенныя опоры со стороны короля, потеряли свое прежнее высокое значеніе, удержавъ власть исключительно въ вопросахъ чисто церковнаго характера.

Другія вѣроисповѣданія. Ограничения, которымъ подверглась церковь въ теченіе этого периода, не касаются однако вопроса о положеніи, занимаемомъ въ государствѣ католической религіей. Это—господствующая религія; ее одну признаетъ государство. Хотя прямо это не утверждалось, но въ этомъ и не было надобности, пока въ Польшу въ болѣе широкой мѣрѣ не начали врываться ученія, противныя католицизму. Противъ гуситизма король издаетъ такъ называемый «Вѣлюньскій эдиктъ» въ 1424 г. Исповѣданіе гуситскихъ принциповъ считается преступленіемъ; судоизвѣстие по дѣламъ вѣры отдается въ руки духовенства, которое постановляетъ приговоры, государство ихъ исполняетъ. Но гуситизмъ не укоренился глубоко. Сильнѣе напираетъ на Польшу въ XVI вѣкѣ волна религіозныхъ «новинокъ». Ученіе Лютера рас-

пространяется весьма быстро. И тутъ государство становится на точку зрења исключительности католической церкви. Щѣлый рядъ эдиктовъ и приказовъ королевскихъ съ 1520 (торунскій эдиктъ) 1522, 1523, 1534, 1540 (два эдикта), 1543 (два эдикта), 1550, 1551 (два), 1556 (три)—запрещаетъ проповѣдь лютеранского ученія, выездъ за границу въ центры ереси, распространеніе журналовъ и пр. Судъ надъ тѣми, кого подозрѣваютъ въ ереси, производитъ духовенство. Но сильное распространеніе новыхъ вѣроисповѣданій дѣлаетъ острое гоненіе на нихъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что и клиръ не отличался большимъ усердіемъ. На сеймахъ стали требовать, чтобы у епископовъ была отнята судебная власть въ дѣлахъ вѣры. Они сами добровольно въ 1551 г. отказались отъ этой власти на одинъ годъ. Въ 1557 г. король, кажется, предоставилъ вопросы, касающіеся вѣры, своимъ судамъ, но эдиктъ этотъ, вѣроятно, остался неисполненнымъ. Отмѣна дѣйствія духовныхъ судовъ по постановленіямъ сеймовъ 1562, 1563 и 1565 г.г. устранила этотъ вопросъ, но не имѣла непосредственного вліянія на законное положеніе некатоликовъ. Еще въ 1564 г. король издаетъ такъ называемые «Парчевскіе эдикты» противъ протестантовъ, которые, однако, вскорѣ самъ объявилъ направленными исключительно противъ арианъ. Въ сеймъ 1570 г. лютеране, кальвінисты и Братья чешскіе (объединенные такъ называемымъ сандомирскимъ консенсомъ 1570 г.) внесли свои исповѣданія, но не добились признанія свободы вѣроисповѣданія. До конца этого периода единственно католицизмъ признается государствомъ, исповѣданіе

же другихъ религій въ принципѣ считается недозволеннымъ, преступлениемъ, хотя на практикѣ вполнѣ терпимо; даже иногда, отдельныя королевскія привилегіи берутъ подъ свое покровительство сбороища и кладбища протестантовъ. (Напр. для Кракова въ 1569 и 1572 г.г.).

Колебание равновѣсія сословий. Если дворянство и духовенство могли вслѣдствіе исключительныхъ условій развитія польского государства получить срав-

нительно раньше значительныя привилегіи относительно государственной власти, то и по отношенію къ другимъ слоямъ общества имъ не трудно было пріобрѣсти превосходство, такъ какъ тутъ, въ свою очередь, другія, тоже исключительные условія способствовали иному, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сформированію взаимныхъ отношеній. Периодъ этотъ предстavляетъ собою, особенно въ XIV и XV вѣкахъ,—эпоху полнаго равновѣсія сословій; поэтому мы и назвали его сословнымъ. Хотя классы между собой не равны, но каждый изъ нихъ, какъ сказано выше, могъ свободно жить въ предѣлахъ своихъ правъ и привилегій. Понемногу уже въ XV столѣтіи равновѣсіе это начинаетъ колебаться, что довольно сильно чувствуется въ концѣ этого вѣка, при послѣднихъ Ягайлонахъ,—часто даже очень рѣзко, хотя болѣе въ постановленіяхъ, въ судебныхъ мѣрахъ, чѣмъ на практикѣ, по разнымъ причинамъ гораздо болѣе снисходительной. Только послѣ безкоролевья по Сигизмунду Августу побѣда переходитъ на сторону дворянства въ ущербъ низшихъ классовъ: начинается эпоха гос-

подства дворянъ. Это и составляетъ границу периода, обнимающаго эпоху равновѣсія и постепеннаго подрыванія послѣдняго. Случилось это просто вслѣдствіе условій развитія. При томъ порядкѣ, въ какомъ развивалась Польша, другіе результаты не могли и получиться. Треніе между сословіями происходитъ всюду, гдѣ существуютъ сословія. Польша въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія, не является особенностью. Исходъ могъ зависѣть только отъ взаимнаго отношенія выступающихъ силъ. Тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два фактора: силу королевской власти, стоявшей выше борющихся сословій, и силу этихъ заинтересованныхъ сословій, т. е. въ особенности силу низшихъ классовъ, которые должны держать себя оборонительно. Интересы королевской власти естественно заключались въ томъ, чтобы не допустить господства одного сословія, ибо въ такомъ случаѣ это сословіе становилось слишкомъ опаснымъ для самой королевской власти. Раздоромъ между сословіями королевская власть на Западѣ умѣла пользоваться для усиленія своихъ правъ. Но въ Польшѣ власть короля была для этого слишкомъ слаба, а слабой она должна была быть, ибо такъ сложились обстоятельства. Мы указывали на то, какъ сильно вліяли на ослабленіе власти короля принципъ избирательности, ненормально быстрое развитіе дворянства и пр., а въ XVI вѣкѣ не доставало и другихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ другихъ государствахъ: не было религіозныхъ войнъ, римскаго права и т. д.— что могло бы помочь королямъ сохранить ту силу, какая у нихъ была раньше. Но этого не слѣдуетъ

считать бѣдствіемъ. Периодъ абсолютизма не былъ необходимъ для развитія Польши; не онъ одинъ могъ подвинуть ее впередъ. Тѣ же результаты, которыхъ иностранныя державы добивались путемъ абсолютизма, Польша могла пріобрѣсти посредствомъ дальнѣйшаго развитія общественныхъ правъ. Гораздо болѣе важнымъ и вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ былъ другой факторъ, имѣющій рѣшающее влияніе на дальнѣйшій ходъ развитія: недостатокъ силъ въ тѣхъ слояхъ общества, права которыхъ находились въ опасности. И не потому въ Польшѣ перевѣсь склонился такъ сильно на сторону дворянъ въ ущербъ низшимъ классамъ, что дворянство было болѣе агрессивно, а потому, что королевская власть была слишкомъ слаба, чтобы прійти въ помощь низшимъ сословіямъ (что также является слѣдствиемъ условій развитія), а, главнымъ образомъ, что эти низшіе классы не могли и не умѣли сопротивляться, были слишкомъ слабы, слабѣе сравнительно, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ что даже государь, гораздо сильнѣе польскаго короля, не могъ бы основательно опереться на эти классы, чтобы защищать ихъ противъ дворянства. Все это касается главнымъ образомъ мѣщанскаго класса, какъ главнаго представителя подавляемой массы. Къ этой слабости городовъ и деревень присоединился цѣлый рядъ другихъ факторовъ, существующихъ глубоко въ самой жизни народа,—факторовъ, прежде всего, экономическихъ. Въ оцѣнкѣ этого развитія слѣдуетъ обратить особое вниманіе на эти факторы, подчеркнуть ихъ сильно, ибо это поможетъ выяснить процедуру борьбы, ея результаты, указ-

жеть—почему такъ должно было случиться. Стоить посвятить этому вопросу больше вниманія, такъ какъ это одинъ изъ самыхъ важныхъ въ исторіи Польского государства не только для одного данного периода, но для оцѣнки и характеристики всего развитія Польши. Иначе представится это развитіе, иначе выступятъ его отдѣльныя стадіи, и Польша перестанетъ быть образцомъ какого-то чудовищного строя, какимъ его считали и свои, и чужie. Она станетъ въ рядъ западно-европейскихъ державъ, какъ государство, выросшее изъ той же западной культуры. Только основныя условия были иные, а потому и слѣдствія получились другія.

Крестьяне. Элементы, занесенные германской колонизацией, действовали долго и очень сильно. Хотя лишь часть деревень получила наряду съ техническими и экономическими выгодами, сопровождающими эту колонизацію, и нѣкоторые законные свободы, происходящія изъ внутренняго самоуправления, вытекающаго изъ колонизаціонной привилегіи, однако и на остальные деревни легъ отпечатокъ этихъ отклоненій. И онъ поднялись въ техническомъ смыслѣ (обработка земли) на высшую ступень. Хотя тяжести лежали на нихъ попрежнему большія, хотя удержалась зависимость отъ господина, отсутствіе самоуправления, патrimonialное судопроизводство, но все-таки положеніе крестьянина стало несравненно легче противъ прежняго, оно могло считаться даже вполнѣ хорошимъ, ибо при лучшемъ воздѣлываніи почвы, при обиліи земли, которую можно было еще брать въ

аренду, при определенномъ оброкѣ, мужику оставалось еще многое. Но условия жизни измѣнялись. Въ теченіе XV в. появляются слѣды новыхъ стремлений, довольно сильно выступающихъ въ концѣ этого столѣтія и въ слѣдующемъ вѣкѣ. До сихъ поръ хозяйственная система опиралась, главнымъ образомъ, на оброкахъ и податяхъ. Хозяинъ деревни удовлетворялся этимъ, самъ воздѣлывалъ около своей усадьбы небольшой участокъ земли. Онъ пока не былъ землевладѣльцемъ, но исключительно рыцаремъ. Но начинается новый періодъ: появляются рекрутскія войска — рыцарская повинность теряетъ свое значеніе. Дворянинъ превращается въ землевладѣльца. Оброкъ — главный источникъ его средствъ — не можетъ удовлетворить его, и къ тому же этотъ оброкъ представляеть все меныше и меныше значенія, такъ какъ его уже точно опредѣляютъ, да и деньги, какъ это всюду случается, теряютъ свою прежнюю стоимость. Кромѣ того — съ XV вѣка образъ жизни становится роскошнѣе, на что вліяетъ съ одной стороны развитіе политическихъ и торговыхъ отношеній, съ другой — съ конца XV в. усиливающееся вліяніе Возрожденія. Дворянинъ видитъ усиленіе своихъ доходовъ въ увеличеніи податей крестьянъ, оправдываемомъ, отчасти, отношеніемъ оброка къ деньгамъ, и въ развитіи своего хозяйства. Послѣднее можетъ развиваться, такъ какъ уже существуетъ сбытъ для его продуктовъ. Прежде всего возрастааетъ количество населенія: въ особенности города весьма успѣшно заселяются, а городъ, это вѣдь главный пунктъ сбыта деревенскихъ продуктовъ, особенно хлѣба. Этотъ факторъ дѣйствуетъ уже въ

XV вѣкѣ. Позднѣе въ XVI в. появляется и другой— вывозъ хлѣба на Западъ. Обыкновенно, фактъ этотъ соединяютъ съ занятіемъ Данцига вслѣдствіе торунскаго трактата 1446 г. Это вполнѣ несправедливо. Фактъ чисто политической не могъ повлечь за собой экономическихъ послѣдствій. Европа не нуждалась пока въ хлѣбѣ Польши, такъ что послѣдняя не могла его вывозить. Вывозъ хлѣба, о которомъ свидѣтельствуютъ относительно XV и XVI в.в. данцигскіе регистры и таможенные польскія книги — еще весьма незначителенъ. Онъ усиливается только въ царствованіе Сигизмунда I и еще болѣе при Сигизмундѣ-Августѣ, хотя все еще далекъ отъ тѣхъ размѣровъ, которые принялъ впослѣдствіи, и которые несправедливо относятъ уже къ этой эпохѣ. Правда, факторъ этотъ, хотя позже и сравнительно слабѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ, началъ дѣйствовать уже въ эту эпоху. Возможность продажи продуктовъ является причиной того, что дворянство не только пытается поднять оброкъ, но—еще въ большей мѣрѣ—старается найти рабочую силу, чтобы самымъ выгоднымъ для себя образомъ использовать ее, чтобы съ ея помощью превратить свои помѣстья, состоящія изъ пастбищъ, паренины и пустошей—въ пахотную землю, и затѣмъ, воздѣлывать ее. Начинаютъ появляться мызы и успѣшно развиваются, хотя вовсе не такъ быстро, какъ это обыкновенно говорятъ. Сперва перемѣны эти замѣчаются въ западной части Польши, болѣе развитой въ экономическомъ отношеніи, и откуда вывозъ можетъ производиться удобнѣе. Понемногу онъ подвигаются все далѣе и далѣе на

востокъ. Чтобы, однако, имѣть возможность отмѣтить условія, въ которыхъ находились крестьяне, а главнымъ образомъ, чтобы имѣть право пользоваться населеніемъ для мызного труда, а только въ немъ можно было найти эту силу, надо было сначала законно ограничить это населеніе. И дѣйствительно, начиная съ конца XV в. встрѣчаемъ такія ограниченія. Они весьма значительны. Но слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что въ жизнь ограниченія эти проводились только тогда, когда въ нихъ нуждались, что, слѣдовательно, въ теченіе данной эпохи ограничительныя мѣры еще не вполнѣ примѣнялись, такъ что пока судьба крестьянина представляется гораздо менѣе тяжелой, чѣмъ можно и слѣдовало бы предполагать по письменнымъ ограничительнымъ актамъ. Прежде всего заботились о томъ, чтобы прикрѣпить населеніе къ деревнѣ, чтобы оно не могло бѣжать въ случаѣ увеличенія тягостей. Бѣжать же оно могло, ибо мѣста для него было много въ восточныхъ областяхъ Польши и на Руси, гдѣ условія сбыта были выгоднѣе, и гдѣ требовалось даже больше рабочихъ рукъ, и такимъ образомъ ограничивать возможность оставленія крестьяниномъ деревни безъ позволенія господина. Уже въ 1493 г. въ подобномъ духѣ выражается сеймовая конституція. Важнѣе, однако, были ограниченія конституціи 1496 г., усиленные еще впослѣдствіи въ 1501, 1505, 1510 и 1511 годахъ. Со временемъ этихъ конституцій, ни крестьянинъ, ни его дѣти, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, не могли удаляться изъ деревни безъ согласія хозяина, и хозяинъ, очевидно, не давалъ его, если нуждался въ

трудъ этихъ людей. Въ случаѣ незаконнаго бѣгства крестьянина изъ деревни, уже и раньше можно было возвратить его судомъ. Но процессъ былъ продолжителенъ, много стоилъ и не всегда приводилъ къ цѣли. А потому и эту процедуру упростили и облегчили въ конституціяхъ 1496 и 1538 г. Въ Мазовецкой области понемногу уничтожили (1563, 1565 и 1577 г.г.) такъ называемое поручительство за мужика, т. е. обеспеченіе, которое за бѣглеца давалъ тотъ, у кого онъ скрывался, что очевидно облегчало бѣгство, и являлось для дворянства весьма нежелательнымъ поощреніемъ свободного передвиженія деревенскаго населенія. Такимъ образомъ, послѣднее очутилось прикованнымъ къ землѣ; возможность ухода мужика изъ деревни отдана въ руки ея владѣльца. Наряду съ этимъ дворянство старается отрѣзать вліяніе всякихъ другихъ факторовъ на отношеніе крестьянина къ господину. Такъ, сначала въ 1496 и 1501 г.г., оно устранило право призывать крестьянъ въ городской или гродскій судъ по тѣмъ немногимъ дѣламъ, въ которыхъ это дозволялось, а Сигизмундъ I, начиная съ 1518 г., отказался, посредствомъ нѣсколькихъ указовъ, имѣющихъ рѣшающую силу, отъ права рассматривать дѣла крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, деревенское населеніе было вполнѣ подчинено власти господъ, такъ какъ съ этихъ поръ не допускались уже апелляціи ни въ какую высшую инстанцію суда. Единственно въ королевскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, впрочемъ, весьма обширныхъ, но гораздо менѣе населенныхъ чѣмъ дворянскія, удержалось въ случаѣ притѣсненія право жалобы на владѣльца, по-

СТАН. КУПШЕВА.

7

даваемой въ церковныхъ владѣніяхъ въ епископскій, въ королевскихъ—въ ассесорскій судъ.

Когда были узаконены такимъ путемъ ограничения крестьянскаго населенія съ внешней стороны, принялись въ свою очередь за уничтоженіе его внутренней автономіи. Это совершилось посредствомъ скупки солтыствъ на основаніи Вартскаго (1423 г.) устава, по которому владѣлецъ деревни имѣлъ право устранить взбунтовавшагося солтыса, уплативъ ему предварительно стоимость его земли. Еще въ XV вѣкѣ постановленіе это не имѣло въ жизни большого значенія. Зато, при послѣднихъ Ягайлонахъ имъ пользуются въ полной мѣрѣ, въ особенности церковь, у которой больше было солтыствъ, нежели въ частныхъ имѣніяхъ. Въ концѣ данной эпохи въ частныхъ владѣніяхъ уже почти нѣтъ совсѣмъ солтыствъ, а въ церковныхъ — ихъ весьма немного. Власть постепенно переходила въ руки владѣльца деревни, который, такимъ образомъ, не только увеличивалъ свои владѣнія, присоединяя къ нимъ лишній участокъ земли, но назначая на мѣсто наследственнаго и защищающаго интересы деревни солтыса—своего человѣка, временнаго солтыса, котораго могъ устранить въ любую минуту, онъ получалъ сильное влияніе на администрацію деревни, на всѣ ея внутреннія дѣла. Деревенскій судъ, — это теперь лишь по имени судъ старшинъ. Приговоръ зависитъ дѣйствительно только отъ владѣльца имѣнія, который является высшей судебной инстанціей.

Солтысы удержались единственно въ королевскихъ помѣстьяхъ. Но и тутъ отношенія подверглись значи-

тельнымъ измѣненіямъ. Въ XVI вѣкѣ на солтыство смотрятъ даже въ королевскихъ имѣніяхъ какъ на аренду въ другихъ владѣніяхъ короля; положеніе о томъ, что король имѣеть, когда только захочетъ, право выкупить заложенную имъ землю, или, какъ чаще случалось на практикѣ, позволить выкупить ее кому-нибудь другому, кто платилъ выкупную сумму и получалъ во владѣніе выкупленную землю, примѣнили и къ солтыствамъ. Конституція 1563 г., подтвердила въ общей мѣрѣ, хотя только между прочимъ, что всѣ солтыства продаются. И король позволялъ покупать ихъ, выдавалъ на это особыя привилегіи, преимущественно мелкимъ дворянамъ, которые, принадлежа до сихъ поръ обыкновенно къ голышамъ, охотно брали богатыя солтыства.

Итакъ, вмѣсто наследственныхъ солтысовъ, происходящихъ изъ крестьянской среды, появляются теперь все чаще и чаще солтысы-дворяне; они, опасаясь, что ихъ снова скупятъ, стараются извлечь побольше пользы изъ своего солтыства, а сами, связанные интересами сословія, соединяются очевидно съ дворянствомъ противъ крестьянъ, которые, такимъ образомъ, и тутъ теряютъ опору, какую имъ раньше давали солтысы.

Королевскія имѣнія потеряли общую судьбу. Дворянство, ограничивъ крестьянъ, отнявъ у нихъ возможность законнаго противодѣйствія, достигнувъ перевѣса и во внутреннемъ строѣ деревни, могло отмѣнить произвольно налоги и обязанности, могло пользоваться ими для достиженія своихъ экономическихъ выгодъ. И оно начинаетъ увеличивать подати кре-

стяянъ, пользуясь тѣмъ, что этого можно было легко достичнуть въ деревняхъ, не получившихъ колонизаціонной привиллегіи. Но и въ колонизаціонныхъ селеніяхъ, при отсутствії всякихъ средствъ защиты крестьянина противъ владѣльца, тактика дворянства не могла натолкнуться на болѣе сильное сопротивленіе. Вопросъ объ увеличеніи оброка не выступаетъ однако слишкомъ сильно и, вообще, имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ о барщинѣ. Уже въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ положенія, изданныя именно въ этомъ направленіи.

Такъ, въ 1421 г. одинъ изъ мазовецкихъ статутовъ постановляетъ какъ обязательную барщину одинъ день въ недѣлю съ лана. Такого же рода постановленіе даетъ въ 1477 г. красноставскій сеймикъ для земли Холмской; въ 1518 г. съ разрѣшеніемъ короля принимаетъ то же правило Вѣлюньская область. Наконецъ, Торунскій статутъ въ 1520 г. и Быдгоскій въ концѣ того же года вводятъ, въ видѣ общебязательной мѣры, чтобы крестьянинъ во всѣхъ имѣніяхъ, какъ дворянскихъ, такъ равнымъ образомъ церковныхъ и королевскихъ, давалъ въ недѣлю одинъ день барщины съ лана, въ случаѣ если онъ отягченъ уже болѣе значительной баршиной. Этотъ уставъ приводится чаще всего, какъ самое яркое проявленіе стремленія дворянства къ ухудшенію положенія крестьянъ. Однако, по этому поводу слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько важныхъ замѣчаній. Во-первыхъ, число тѣхъ, которыхъ касался этотъ уставъ, было вовсе невелико, ибо надо помнить, что лишь часть деревень имѣла колонизаціонную привиллегію и, слѣдовательно, сопро-

вождающую ее полную или почти полную свободу отъ барщины въ то время, какъ большая часть деревень, хотя къ нимъ примѣнили трехпольную систему, не пользовалась привилегіями и продолжала нести тяжелый оброкъ въ пользу владѣльцевъ. Торунскій статутъ ухудшалъ положеніе лишь части деревень, главнымъ образомъ, королевскихъ, среди которыхъ было большое число колоній и меныше барщины, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ того, громадную роль въ оцѣнкѣ этого статута играетъ то обстоятельство, что барщина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она существовала до статута, равнялась двумъ или тремъ днямъ въ недѣлю, слѣдовательно, та барщина, которую вводилъ Торунскій статутъ, какъ обязывающую привилегированную часть деревень, была сравнительно ниже всѣхъ остальныхъ. И даже въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ статутъ былъ отчасти выгоденъ для крестьянъ. Уже тотъ фактъ, что, желая усилить барщину, свели ее до одного только дня въ недѣлю, долженъ былъ сдерживающе повліять на тѣхъ помѣщиковъ, которые пытались бы въ своихъ владѣніяхъ увеличить уже и раньше большую барщину. Когда же, при ростѣ мызного промысла и усиленіи вывозки хлѣба, отъ крестьянъ начали требовать все большей и большей барщины, послѣдніе стали ссыпаться на вышеупомянутый статутъ, защищаясь тѣмъ, что къ большей барщинѣ они не обязаны. И въ продолженіи нѣкотораго времени аргументомъ этимъ пользовались дѣйствительно успѣшно, но уже въ концѣ правленія Сигизмунда-Августа и это не помогаетъ. Вопросъ этотъ стали рѣшать помимо статута, и даже

въ королевскихъ имѣніяхъ ввели барщину по обычаю другихъ деревень,— по крайней мѣрѣ одинъ день въ недѣлю съ поллана, т. е. вдвое больше барщины, установленной статутомъ.

Несмотря, однако, на ухудшениѳ положенія крестьянъ въ XVI в., оно пока еще сносно. Крестьянинъ продолжаетъ все-таки быть хозяиномъ, несущимъ лишь извѣстныя обязанности, правда болѣе тяжелыя чѣмъ прежде, но онъ довольно зажиточенъ; хотя болѣе крупныя хозяйствства начинаютъ распадаться, однако перевѣшиваютъ участки, по крайней мѣрѣ, полулавновые, и даже полные ланы еще многочисленны. Въ такихъ условіяхъ крестьянинъ нетолько извлекаетъ изъ почвы средства, необходимыя для существованія, но у него еще кое-что остается.

Слѣдующая эпоха приносить уже измѣненія, окончательно превратившія крестьянина изъ свободнаго земледѣльца-хозяина въ земледѣльца-работника,—въ принадлежность имѣнія.

Города. Тоже и относительно городовъ. Въ теченіе разматриваемаго нами періода они удерживаютъ еще свое положеніе, свои права и привилегіи, но силы городской организаціи до того уже подорваны, что позднѣйшее ея паденіе является простымъ результатомъ факторовъ, развившихся гораздо раньше. Внутренній строй городовъ остается въ принципѣ такимъ же, какимъ былъ донынѣ. Но появляются понемногу важныя преобразованія. Города стремятся къ удержанію полной свободы относительно выбора думы,—того органа, который съ внѣшней сто-

роны является представителемъ города, съ внутренней же—управляеть имъ. Не вполнѣ однако это удавалось. Даже самые большиe города подвергаются притѣсненіямъ, а избирательное право попадаетъ отчасти или всецѣло въ руки короля, иногда его замѣстителей, т. е. обыкновенно старость. Въ крайнемъ случаѣ города, экономически болѣе сильные, добивались превращенія думы, назначеннай королемъ, изъ ежегодно назначаемой въ пожизненную. Однако, это не оказалось выгоднымъ для городовъ, такъ какъ пожизненная дума больше заботилась о своей пользѣ, нежели обѣ интересахъ города. Суды старшинъ остались въ своей области такимъ же, какими были раньше. Но появляется и совершенно новый элементъ въ городахъ въ теченіе главнымъ образомъ XVI вѣка, а именно: «*communitas*»—простонародіе, которое выбираетъ своихъ представителей среди цехмистровъ, отчасти же среди купцовъ, чаще всего по двадцати и до сорока человѣкъ. Они являются чѣмъ-то вродѣ контроля надъ финансовой, главнымъ образомъ, дѣятельностью думы, имѣютъ право голоса и въ другихъ, болѣе важныхъ вопросахъ, рѣшать которые можетъ дума только послѣ предварительного совѣщанія съ ними. Въ мелкихъ городахъ такое представительство простонародія не образовалось, и лишь суды старшихъ получили нѣкоторое значеніе въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ. Такжে и должность войта удержалась лишь нарицательно. Значеніе ея и достоинства погибли окончательно. Немногіе большиe города (Краковъ, Познань и пр.) сумѣли скупить войтовства, такъ что дѣятельность войтовъ перешла тамъ къ думѣ, которая

сь этихъ поръ назначаетъ войтовъ, обыкновенно ежегодно, но единственно для судопроизводства. Въ другихъ городахъ войтовства были выкуплены городовладѣльцами, или старостами, которые, такимъ путемъ, укрѣпили на нихъ свое вліяніе.

Въ немногихъ же городахъ войты переходятъ на эту должность какъ на источникъ средствъ, не заботясь вовсе объ ея обязанностяхъ, исполняемыхъ помощниками войта, назначенными послѣднимъ и совершенно отъ него зависящими. Стой этотъ, весьма жизненный въ XV в., уже въ XVI столѣтіи начинаетъ отживать и вырождаться. Постепенно исчезаетъ сознаніе долга относительно города, усиливается частная жизнь и внѣшнее вліяніе. Подобное же явленіе наблюдалось и въ ремеслахъ. Цехи развиваются весьма успѣшно въ XIV и XV вѣкѣ; въ XVI-мъ число ихъ увеличивается еще. Пока они удерживаются въ первобытныхъ предѣлахъ, до тѣхъ поръ процвѣтаютъ и ремесла; но въ XVI вѣкѣ и въ этой области замѣчается упадокъ. Начинаютъ отдавать преимущество лицамъ, принадлежащимъ къ цеховымъ семействамъ, другимъ же, посредствомъ высокой платы, дѣлаютъ невозможнымъ вступленіе въ цехъ и пр. Итакъ, вместо прогресса и тутъ понемногу обнаруживается паденіе, хотя его послѣдствія еще незамѣтны.

Таковы внутреннія черты постепенного вырожденія, относящагося однако въ общемъ не раньше, какъ къ XVI вѣку. XV вѣкъ—это эпоха высшаго расцвѣта городовъ. Послѣ этихъ блестящихъ годовъ сравнительно быстро наступаетъ періодъ паденія, и уже въ XVI вѣкѣ города теряютъ свое значеніе; это слѣдуетъ

приписать, не говоря о внутреннемъ разложении учреждений, во-первыхъ, тому экономическому кризису въ торговлѣ, который совпадаетъ съ концомъ XV вѣка и началомъ XVI вѣка, а отчасти и особому состоянию городовъ, которые сами лишились своего значенія, не понимая сколько они на этомъ теряютъ. Въ концѣ XV столѣтія, вслѣдствіе паденія Константино-поля и итальянскихъ колоній на Черномъ морѣ, прекратилась транзитная торговля, которая велась черезъ Польшу между Востокомъ и Западомъ. Кромѣ того, вслѣдствіе открытия нового пути въ Индію восточные товары стали привозиться въ Польшу черезъ Данцигъ. Также и транзитная торговля изъ Венгрии прекращается почти совсѣмъ. Въ концѣ концовъ польские города теряютъ свое прежнее торговое посредничество. Дѣло сводится къ привозу и экспорту, который теперь, а въ особенности экспортъ, ускользаетъ изъ рукъ городского мѣщанства. Это приписываютъ обыкновенно умышленной таможенной политикѣ дворянства, которое само освободило себя отъ таможенной пошлины, переложивъ ее всю на городъ. Но этотъ взглядъ несправедливъ и по крайней мѣрѣ неточенъ. То, что вывозъ перешелъ въ руки дворянъ, не есть исключительно слѣдствіе сознательныхъ дѣйствій и не отъ одной таможни зависитъ; явленіе это лежитъ глубже, въ самомъ характерѣ вывоза. Въ транзитной торговлѣ могъ принимать участіе только купецъ. Онъ одинъ могъ вывозить, если дѣло касалось олова или соли; онъ же исключительно могъ вывозить товары далеко за границы Польши, во Фландрію или въ Кафту. Но съ XVI вѣка изъ Польши начинаютъ вы-

возить другой товаръ: хлѣбъ и скотъ. Такіе продукты могъ вывозить прямо земледѣлецъ безъ посредничества купцовъ, ибо получалъ ихъ изъ своего хозяйства, да и рынки не находились такъ далеко, чтобы нужно было искать посредниковъ: для скота рынками являлись города Силезіи, для хлѣба—Данцигъ. Эти обстоятельства способствовали устраниеню посредничества купцовъ. Вопросъ о таможенной подати является уже второстепеннымъ. Но и его слѣдуетъ поставить иначе. Дѣйствительно, дворянство, въ силу Нѣшавскихъ привилегій (1454 г.) освобождается отъ таможенного налога, что подтверждаютъ и расширяютъ конституціи 1496, 1504, 1511, 1538 и 1550 г. Но первоначально дѣло касалось лишь таможенной льготы дворянства относительно мѣстнаго рынка, т. е. ближайшаго городка. Еще нельзя было предвидѣть того, что вслѣдствіе измѣненія отношеній, льгота эта можетъ принять иные размѣры, гораздо болѣе широкіе, найти примѣненіе къ вывозу и ко ввозу. Къ тому же, въ средніе вѣка, почти всѣ города, занимавшіеся серьеznо торговлей, пользовались полной таможенной свободой, такъ что дворянскія льготы вовсе имъ не вредили. Однако, начиная съ 1507 г. появляется въ Польшѣ новая пошлина, тогда лишь установленная, а именно пограничнаa. Отъ этихъ новыхъ пошлинъ города не были освобождены; привилегіи ихъ не касались, но дворянство было отъ нихъ свободно. И только съ этихъ поръ дворянство имѣетъ преимущество сравнительно съ городами, но лишь въ случаѣ вывоза продуктовъ своего хозяйства (если это не были продукты приобрѣтаемые въ торговыхъ цѣляхъ), или ввоза това-

ровъ для личнаго употребленія. Это экономически ослабляетъ города весьма замѣтно и сильно подрываєтъ блестящее до того положеніе городовъ въ торговлѣ; города начинаютъ терять свое значеніе и въ смыслѣ промышленныхъ центровъ. Усиленный вывозъ увеличиваетъ въ свою очередь и привозъ. Донынѣ цехи имѣли обезпеченный сбытъ продуктовъ на мѣстѣ,—теперь все усиливающійся импортъ цеховыхъ производствъ изъ-за границы подрываетъ цехи. Причину этого слѣдуетъ искать съ одной стороны въ разстройствѣ цеховъ, которые не развиваются, а, наоборотъ, падаютъ, съ другой же—въ недостаточной охранѣ торговли. Но и этотъ вопросъ о защите торговли слѣдуетъ поставить иначе. Обыкновенно, какъ причину, предполагаютъ враждебную дѣятельность дворянства, которая должна была выражаться въ уставѣ о складахъ, въ 1565 г.—въ прейскурантахъ и таксахъ товаровъ и въ таможенныхъ привилегіяхъ дворянства. О послѣднихъ мы уже говорили. Что касается торговой политики дворянъ, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что она была совершенно такая же, какъ и повсюду, и вовсе не стремилась умышленно къ подавленію городовъ, а имѣла въ виду единственно пользу дворянства, безъ сопровождающаго ее ущерба городовъ, и это вполнѣ понятно, при сословномъ положеніи правъ и привилегій. Уставъ 1565 г., по-скольку онъ утвердилъ такъ называемое право склада, т. е. ограниченіе купцовъ, своихъ и чужихъ, въ свободномъ развозѣ товаровъ, въ пользу нѣкоторыхъ привилегированныхъ рынковъ, по-стольку же былъ выразителемъ стремленія городовъ, признавалъ вполнѣ ихъ

требованія и раньше полученные привилегії. Запрещая мѣстнымъ купцамъ вывозить собственные товары и привозить иностранные и позволяя дѣлать это иностранцамъ, уставъ этотъ являлся результатомъ экономическихъ воззрѣній, быть можетъ невѣрныхъ, но неимѣющихъ въ виду гибели городовъ. Кроме того уставъ этотъ вовсе не имѣлъ, повидимому, практическаго значенія. Вреднѣе были прейскуранты. Уже статуты Вартскіе (1423 г.) и Нѣшавскіе (1454 г.), а за ними цѣлый рядъ конституцій поручаютъ воеводамъ наложеніе таксы на товары, очевидно въ пользу дворянъ. Особенно въ XVI вѣкѣ усердно занимаются этимъ вопросомъ. Воеводы устанавливаютъ цѣны для товаровъ мѣстныхъ и привозныхъ, ибо только при Сигизмундѣ I издавались для послѣднихъ общія таксы для всего государства. Въ 1565 г. всѣ раннѣе объявленные предписанія были объединены и изданы, съ предоставлениемъ воеводѣ полной власти относительно всѣхъ товаровъ, кроме хлѣба, который таксѣ не подчинялся. Прейскуранты могли быть невыгодными для городовъ, но были ли они таковыми? Дѣйствительно ли они повредили мѣщанству? Это— вопросы, на которые за время послѣднихъ Ягайлоновъ нельзя съ уверенностью отвѣтить утвердительно. Нѣть доказательствъ того, чтобы прейскуранты эти уже тогда были черезчуръ тягостны. Надо обратить вниманіе и на то, что они были результатомъ извѣстныхъ экономическихъ воззрѣній, обычныхъ въ городской жизни. Тогда городамъ не чуждо было мнѣніе, что прейскуранты истекали изъ ошибочнаго пониманія эволюціи въ цѣнахъ, претерпѣваемой всей Европой, которой въ

Польшѣ правильно истолковать не умѣли. Итакъ, не въ политикѣ доброжелательства къ дворянству слѣдуетъ искать причину паденія городовъ; они были въ XVI вѣкѣ подорваны переворотомъ, происшедшемъ въ торговыхъ отношеніяхъ; города не были достаточно сильны для борьбы съ другими сословіями, въ особенности потому, что и король былъ не въ силахъ прійти имъ на помощь. Къ тому же,—и это надо помнить—они сами отреклись отъ своихъ правъ, не умѣли пользоваться случаемъ, чтобы упрочить за собой вліяніе на государственную жизнь. Города Польши вплоть до XVI вѣка, особенно болѣе значительные, были населены нѣмцами, которые ополячились только при послѣднихъ Ягайлонахъ. Такіе города не чувствовали связи между ними и государствомъ, не интересовались его судьбой. А положеніе нѣсколькихъ главнѣйшихъ городовъ рѣшало судьбу всѣхъ прочихъ. Они совершенно добровольно отказывались въ XV вѣкѣ отъ участія въ сеймахъ, лишь бы ихъ не отягощали черезземѣрно сравнительно съ дворянствомъ; для нихъ было совершенно безразлично—позовутъ ли ихъ на сеймъ или нѣтъ. Такъ поступаетъ напримѣръ Краковъ. Когда же въ XVI вѣкѣ города поняли—Краковъ первый—все значеніе участія въ сеймахъ, было уже поздно. Предшествующее развитіе и усиленное положеніе дворянъ, экономическое ослабленіе городовъ повліяли на то, что мѣста въ сеймахъ они добиться не могли; слѣдовательно, города, очевидно, не вліяли и не могли вліять на экономическую политику дворянского сословія, не могли противодѣйствовать рѣшеніямъ, для нихъ, можетъ быть, и не враждебнымъ.

но во всякомъ случаѣ невыгоднымъ, и, что всего важнѣе, не могли указать, какимъ образомъ слѣдовало бы ихъ поддерживать. Въ нашей политикѣ меныше ошибокъ найдется въ положительныхъ законахъ о городахъ, чѣмъ въ недостаткѣ этихъ законовъ. Дворянское сословіе завладѣло сеймами и заботилось, какъ всякое сословіе, только о своей пользѣ. Оно не вело торговой политики, такъ какъ не понимало ея, дворянство она не интересовала, а никого другого, кто бы на этотъ вопросъ обратилъ вниманіе, не было. Въ особенности отсутствіе таможенной политики чувствовалось весьма сильно. Таможенные пошлины были дурны не потому, что были невыгодны для городовъ, а потому, что пошлины эти были только фискальны, не имѣли торгового значенія, не защищали мѣстной промышленности отъ заграничной. Вслѣдствіе этого, иностранная промышленность подорвала польскіе цехи. Въ первое время, отчасти, купцы, но и цехи не были въ состояніи справиться съ иностраннымъ соперничествомъ. Не доставало пониманія экономическихъ потребностей города въ сеймѣ, гдѣ—по собственной же винѣ городовъ—не было вовсе ихъ представителя

Внѣ сословной организації стоять, какъ Евреи. и раньше, евреи. Основой ихъ свободъ продолжаютъ быть королевскія привилегіи. Въ 1453 г. евреи получаютъ подтвержденіе двухъ главныхъ привилегій, а именно: Казимировской (1367 г.) и второй безъ числа, приписываемой Казимиру Великому—поддѣльной. Въ Нѣшавскихъ статутахъ 1454 г. король взялъ ихъ обратно, но послѣдующіе короли продол-

жаютъ подтверждать ихъ, хотя въ жизни поддѣльная привилегія Казимира Великаго въ особенности не имѣла большого значенія. Въ XVI вѣкѣ евреи начинаютъ добиваться и отдѣльныхъ привилегій, для отдѣльныхъ гминъ. Въ своемъ внутреннемъ строѣ они остаются совершенно свободными. Еврейскія общины, находящіяся донынѣ лишь по большимъ городамъ, въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI становятся многочисленнѣе вслѣдствіе сильнаго наплыва евреевъ, которые въ это время бѣгутъ отъ преслѣдованія изъ Германіи въ Польшу. Но пока, до конца этого периода, они сидятъ исключительно въ городахъ; по деревнямъ ихъ еще нѣтъ. Еврейская гмина, составляющая отдѣльный еврейскій городъ, имѣетъ собственную организацію, а слѣдовательно и своихъ собственныхъ избираемыхъ чиновниковъ, по различнымъ дѣламъ гмины (*kollegia* — завѣдывающихъ, *parnassim* — начальниковъ, *raschim* — имѣющихъ надзоръ надъ мѣрами и вѣсами; — *memunium* — судей, «даяновъ» и пр.). Надзоръ исполняютъ воеводы сами, или посредствомъ своихъ помощниковъ, подвоеводій. Но надзоръ этотъ пока еще очень слабъ. Отношеніе свое и своихъ подчиненныхъ (подвоеводій, судья, подсудокъ и писарь, котораго тоже назначаетъ воевода изъ среды христианъ) къ евреямъ, съ начала XVI вѣка, опредѣляютъ воеводы въ такъ называемыхъ воеводскихъ ординаціяхъ. Только при послѣднихъ Ягайлонахъ (въ XVI вѣкѣ) появляется неизвѣстная до того времени власть: главный сеніоратъ, отдѣльный для Велико-Польши, отдѣльный для Мало-Польши. Сеніорами назначалъ король евреевъ; задачей ихъ было посред-

ничество между королемъ и евреями, въ особенности въ дѣлахъ финансовыхъ, а за то сеніоры получили извѣстныя права надзора надъ гминами. Учрежденіе это, однако, среди евреевъ не пользуется популярностью и уже въ концѣ этой эпохи исчезаетъ. Кромѣ того, наряду со своими отношеніями къ государству, евреи должны были опредѣлить свое положеніе относительно городовъ. Такіе договоры съ городами, обозначающіе предѣлы торговли и ремесла для еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ, появляются въ концѣ XV вѣка. Тогда только евреи, возрастаю численно и не будучи въ состояніи прокормиться лихомѣствомъ, принуждены были приняться за другіе способы заработка. Города не очень доброжелательно смотрѣли на эту возникающую конкуренцію. Вытекающія отсюда столкновенія рѣшались именно такими договорами, которые обыкновенно евреямъ приходилось дорого оплачивать.

Государственный строй. На ряду съ перемѣнами, наблюдаемыми въ развитіи общественной организаціи

Польши въ продолженіи этой эпохи, стоитъ эволюція въ пониманіи и устройствѣ государства. Только послѣ смерти Казиміра Великаго государство начало вырабатываться, какъ одно цѣлое, объединяющее всѣ отдельныя его части и замѣняющее прежній свободный союзъ, который ихъ связывалъ. Это произошло не вдругъ, а развивалось долго, вплоть до люблинскаго сейма 1569 г. и его постановленій. Хотя и этотъ сеймъ еще не вполнѣ довершилъ преобразованіе Польши въ единое цѣлое, но по крайней мѣрѣ

части Польши были действительно связаны, и связь эта была сильна и осталась почти безъ измѣненій чуть-ли не до самаго конца существованія польского государства. Отдѣльныя составныя части Польши, находясь подъ властью иностранца Людовика Венгерскаго, очевидно имѣли общіе интересы и должны были ради этихъ интересовъ соединиться. Теперь онъ неоднократно выступаютъ сообща, вмѣстѣ заботятся объ удовлетвореніи своихъ потребностей. Но еще болѣе объединяетъ ихъ впослѣдствіи отсутствие короля послѣ Людовика. Предоставленныя самимъ себѣ, безъ правителя, онъ должны были искать формъ сплоченія, чтобы обезпечить себя общими силами, и сообща защищать свои требованія. Формой этой является конфедерация, т. е. союзъ, основанный на общности интересовъ, имѣющій гражданско-правовой характеръ и общественно-правовые цѣли. И дальше, при Ягайлѣ, въ вопросахъ объ избирательной системѣ, въ XV вѣкѣ, это сознаніе единства усиливалось. Возрастаетъ и число общихъ интересовъ. Появляется сеймъ, обнимающій уже всѣ области, замѣняющій такимъ образомъ ранѣе существовавшія областныя вѣча, образуются общія должности, какъ центральныя для всего государства; хотя существуютъ еще и такія отрасли строя, въ которыхъ сохраняются провинціализмы, какъ напр. въ судебнѣмъ вѣдомствѣ въ отрасли гражданскаго права и т. д. Однако, это объединеніе областей въ одно цѣлое не обняло всей Польши. Польское государство состояло пока, собственно говоря, только изъ тѣхъ частей, которыя уже заранѣе значительное время находились подъ однимъ правленіемъ,

СТАН. КУТШЕВА.

и которые, вслѣдствіе этого, имѣли уже больше общихъ интересовъ. Это—Малопольша (или воеводства: Краковское, Сандомирское и съ 1474 г. Люблинское, выдѣленное изъ предыдущаго), Великопольша, (т. е. воеводства: Познанское, Калишское и земля Накельская, все тѣснѣ и тѣснѣ соединяющаяся съ Калишской областью) Лэнчинца, Сѣрадзъ, Куявы (т. е. воеводство Брестское, въ 1384—1394 г. остающееся въ рукахъ одного изъ мазовецкихъ князей, и воеводство Иновроцлавское, находящееся въ 1370—1396 гг. преимущественно во власти Каська Щетинскаго, а потомъ Владислава Опольскаго) и Добржынь, подчиненный Каську въ 1370—1404, а потомъ женѣ его Маргаритѣ, Владиславу Опольскому и наконецъ крестоносцамъ. Эти только земли составляли собственно польское государство, къ нимъ только относятся земскія привилегіи, и лишь онѣ принимали участіе въ сеймахъ.

Инкорпораціи и Кромѣ указанныхъ областей, къ Польшѣ принадлежали или присоединились въ теніи.

Ченіе этого періода, еще довольно значительныя территоріи, связь между которыми почти отсутствовала. Онѣ не пользовались привилегіями, не принимали участія въ сеймахъ и т. д. У нихъ были свои особыя привилегіи, свои сѣѣзды (хотя не у всѣхъ), собственная администрація, иногда различная отъ польской, другое судебное право. Только съ течениемъ времени, онѣ, позже или раньше, входили въ составъ Польского государства. Обыкновенно, подготовкой къ такому присоединенію служило введеніе въ эти территоріи учрежденій по польскому образцу

(главнымъ образомъ организація должностей), ибо рѣдко случалось, чтобы послѣ присоединенія къ Польшѣ такой области, ее допускали сразу до полной тѣсной общности. Акты, включающіе эти территории въ предѣлы Польши, уже офиціальнымъ образомъ назывались жалованными грамотами польского права, инкорпораціями, или уніями, хотя опредѣленія эти не всегда достаточно вѣрны и точны. Болѣе всѣхъ соотвѣтствующимъ является выраженіе «инкорпорація», унія выражаетъ неполное включеніе, проводимое только частью, при чемъ присоединяемая территорія сохра-няла еще отчасти свои особенности.

При такихъ инкорпораціяхъ и уніяхъ необходимо было опредѣлить и решить слѣдующіе вопросы: 1) обѣ общественныхъ правахъ и привилегіяхъ, 2) обѣ участіи въ общихъ съѣздахъ или сеймахъ, 3) обѣ организаціи должностей и 4) обѣ организаціи судовъ, съ установленіемъ материальнаго права, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго, и порядка судопроизводства. Главнымъ является вопросъ о привилегіяхъ. Территоріи, присоединяемыя къ Польшѣ, пользовались, въ общемъ, меньшими привилегіями или даже вовсе ихъ не получали. При инкорпораціи обыкновенно распространяли на нихъ польскія привилегіи, а слѣдовательно уравнивали общество этихъ областей, первымъ дѣломъ, дворянство, такъ какъ именно въ немъ и его привилегіяхъ было дѣло съ польскимъ дворянствомъ. Это именно составляетъ отличительную черту консолидациіи Польского государства, въ то время какъ въ другихъ государствахъ, наоборотъ, сѣѣпленіе свершалось обратнымъ путемъ, чрезъ ограниченіе вак-

нѣйшихъ привилегій въ данныхъ областяхъ и усиленіе королевской власти. То, что Польша пошла по иному направленію, вытекаетъ изъ всего ея развитія и изъ той силы, какой достигло общество, т. е. въ данномъ случаѣ дворянство, по отношенію къ королю. Въ этомъ именно и заключается большее значеніе уніи и инкорпораціи, которая такъ высоко ставятъ политические историки, особенно прежней, сентиментальной эпохи. Участіе въ сеймахъ являлось, очевидно, необходимымъ слѣдствіемъ сліянія. Парламентскаго устройства не было въ этихъ областяхъ—это касается главнымъ образомъ сеймиковъ,—при инкорпораціи же его вводили искусственно. Искусственно также создавались часто должности по польскому образцу, т. е. вводились земскія должности, такъ какъ безъ этого невозможно было установить положенія этихъ областей въ сеймахъ, куда призывали именно высшихъ земскихъ чиновниковъ: воеводъ и кастеляновъ. Что касается судебнаго права, то или оставляли то, которое тамъ существовало раньше, или же данныя территории принимали польское судебное право, что случалось очень часто. Таковы общія условия инкорпораціи. Въ жизни, конечно, наблюдаются неоднократно значительныя отступленія. Ихъ стоитъ прослѣдить по очереди: 1) Княжество Сilesкое. Уже при Казимирѣ Великомъ Польшѣ принадлежитъ земля Веховская. Она получаетъ польскіе законы въ 1422 г. и становится частью Великопольши. Велюнь, имѣющій послѣ Казимира Великаго довольно продолжительное время собственнаго владѣтеля, возвращается къ Польшѣ

только во время Ягайлы. Польские законы Велюнь получились въ XV вѣкѣ, неизвѣстно въ точности когда. Освятимъ Польша пріобрѣла въ 1457 г., Заторъ въ 1494 г., при чёмъ первое время тамъ продолжали править князья Пясты. Инкорпорація проводилась въ сеймахъ 1562—1563 и 1563—1564 г.г. Унія была полная. Образовался особый сеймикъ, ввелось польское судебное право, принятое уже заранѣе отдельными земцами. 2) Мазовіе вступило въ ленные отношения съ Польшой посредствомъ актовъ 1351, 1355 и 1359 гг. Но послѣ Казимира Великаго связь эта порвалась и вновь возникаетъ только съ 1425 г. Польские короли, основываясь на своей власти, постепенно, по частямъ, включаютъ Мазовіе въ предѣлы короны. Въ 1462 г. присоединилась земля Равская и Гостынская, въ 1476-мъ Сохачевская, въ 1496—Плоцкая. Польские законы получили Гостынь и Сохачевъ, при включеніи, Рава въ 1494, Плоцкъ по актамъ 1502, 1504 и 1505 г.г. Инкорпорація была полная (земли эти приняли и судебное право) и привилась здѣсь тѣмъ легче, что въ основѣ тѣхъ и другихъ учрежденій лежали одни и тѣ же начала. Иначе случалось съ остальной частью Мазовіи. Ее присоединили послѣ смерти послѣднихъ Пястовъ въ 1524 и 1526 г. Отношеніе къ Польшѣ установилось только въ 1529 г. посредствомъ варшавского договора и петроковской привилегіи, подтвердившей этотъ договоръ. Здѣсь дворянство сравняли въ привилегіяхъ съ польскимъ, воеводъ, кастеляновъ ввели въ польской сенатъ, организовали сеймики. Земскія должности существовали тутъ уже и раньше. Однако

Мазовії предствали особе судебное право съ собственной судебной организаціей. Въ 1532 г. право это собрано въ отдельный сводъ съ цѣлью защи-
тить его отъ польскихъ вліяній. (I мазовецкій ста-
тутъ или такъ называемый Сводъ Пражмовскаго),
въ 1540 г. было издано второе уложеніе, явившееся
смягченіемъ первого (II мазовецкій статутъ, или Сводъ
Горынскаго). Но уже вскорѣ мазовшане стали пере-
нимать отчасти польские законы. Наконецъ, въ на-
чалѣ слѣдующаго периода, въ 1577 г., они приняли
польское право, за исключениемъ нѣкоторыхъ пред-
писаній, называемыхъ «мазовецкими экспентами».
3) Пруссія формально присоединилась къ Польшѣ
актомъ 1454 г., хотя только война и торунскій миръ
1466 г. опредѣлили границы той части территории,
которая примкнула къ Польшѣ. Гораздо большая по
пространству, чѣмъ Силезская область—и съ раз-
личнымъ отъ послѣдняго прошлымъ, Пруссія сохра-
няетъ дольше и въ большей степени свою самостоя-
тельность. У ней особая привилегіи, собственный
сеймъ, въ составъ котораго входятъ воеводы, касте-
ляны, подкоморы и депутаты болѣе крупныхъ го-
родовъ, представляя изъ себя сенатъ, а начиная съ
1526 г. также и депутаты, выбираемые на сеймикахъ,
введенныхъ по польскому примѣру дворянствомъ, и
представители городовъ болѣе мелкихъ. Земскія дол-
жности были установлены, слѣдя Польшѣ, уже въ
1454 г., а затѣмъ преобразованы окончательно въ
1468 г., образовавъ три воеводства: Поморское, Маль-
борское и Хелминское. Относительно судебнаго права,
у нихъ оно было до 1476 г. другое, чѣмъ въ Польшѣ,

а съ 1476 г. все дворянство пользуется хелминскимъ (а слѣдовательно германскимъ) правомъ. Уже при Сигизмундѣ I, а еще болѣе при Сигизмундѣ-Августѣ въ Польшѣ стали требовать болѣе тѣснаго общенія Пруссіи съ Польшей. Пруссія защищалась долго и очень упорно, хотя и тамъ находились приверженцы болѣе тѣсной унії. Окончательно вопросъ этотъ былъ рѣшенъ королемъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г., постановившемъ, что прусскіе документы по ихъ особенному характеру не имѣютъ законнаго значенія. Собственно говоря, унія совершилась только въ томъ смыслѣ, что воеводы и кастеляны Пруссіи вступили въ Польскій сенатъ, а послы въ польскую палату. Пруссія, однако, удержала за собой свои особыя привилегіи, отчасти подати, прусскій сеймъ тоже сохранился, и остался весьма самостоятельнымъ относительно польского сейма. Осталась также собственная казна, которою завѣдывалъ прусскій казначей, а въ первое время даже и особое судебное право.

4) Русь.—Казимиръ Великій уже съ 1340 г. имѣть извѣстную верховную власть надъ Русью Червонной, а съ 1352-го владѣеть ею, какъ землей, ему только подчиненной. Она и удержалась за Польшей съ короткимъ, сравнительно, перерывомъ венгерского правленія, послѣ смерти Людовика. Русь состояла изъ земель Львовской, Галицкой (къ которой принадлежали тоже Трембовельскій и Коломыйскій уѣзды), Пржемыскай, Саноцкай, земля Холмская, тогда еще не входящая въ составъ Червонной Руси, и земля Белзская, которую, однако, Ягайло отдалъ въ ленное владѣніе мазовецкимъ князьямъ. Раньше

уже занятое, Подолье имѣеть собственныхъ князей (Корытовичей) и ленниковъ (Спытэкъ изъ Мельштына) и также, только съ конца XIV вѣка, непосредственно подчиняется королю. Управляютъ этими областями старосты; населеніе не пользуется земскими привилегіями и управляетъ русскими законами. Только вслѣдствіе обязательствъ, которыя принялъ на себя Ягайло, по Krakовской (1340) и Едельненской привилегіямъ (1433), Варненчикъ далъ окончательно этимъ землямъ польские законы. Итакъ, создались земскія іерархіи (воеводства русское и польское, наряду съ особой землей Холмской, которую лишь въ XVI вѣкѣ присоединили къ русскому воеводству), воеводъ и кастеляновъ причислили къ польскому сейму, распространили польскія привилегіи и на Русь. Ввели также и польское судебное право. Белзъ удержался подъ мазовецкой властью до 1462 г. и тогда уже получилъ много польско-мазовецкихъ организацій. Послѣ включенія его въ предѣлы Польши, онъ тотчасъ получилъ и польскіе законы. 5) Литва. Важнѣе всѣхъ было отношеніе къ Литвѣ. Оно сформировалось иначе, благодаря большему значенію этой обширной территории и большей ея самостоятельности,—что можетъ быть важнѣе всего—потому, что у Литвы была своя, да еще наследственная династія. Способомъ присоединенія Литвы въ 1386 г. была инкорпорація, по примѣру прочихъ. Однако, исторические факты яняются причиной того, что во главѣ Литвы становится отдѣльный великий князь, хотя и подчиненный власти польского короля, т. е. высшаго литовскаго князя. Поль

ша же, въ свою очередь, помнила, что Ягайлоны имѣютъ наследственное право на Литву, и что поэтому послѣдняя могла всегда отдѣлиться. Чтобы, слѣдовательно, обеспечить полное слияніе Польши и Литвы происходитъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ уній: въ 1401 г. (виленская), 1413 (городельская) въ 1499 (виленская) и 1504 (мельницкая). Уніи эти решаютъ, въ видѣ правилъ, общій выборъ короля. Единственно мельницкая унія пытается скрѣпить эти узы нѣсколько тѣснѣе, что ей впрочемъ не удается. Зато, Литва понемногу уподобляется Польшѣ во внутреннемъ устройствѣ. Бояре, отвѣчающіе польскимъ милесамъ XIII-го вѣка, получаютъ уже въ 1387 г. первыя привилегіи, а потомъ цѣлый рядъ льготъ по примѣру Польши. Въ 1413 г. въ Городлѣ бояре принимаютъ польскую гербовую организацію путемъ усыновленія ихъ польскими семействами. Тогда же появляются первыя земскія должности, по примѣру Польши воеводства и кастелянства въ Вильнѣ и Трокахъ. Единственно право участія въ велиокняжескомъ совѣтѣ подвигается нѣсколько инымъ путемъ, благодаря положенію князей, которыхъ тамъ такъ много, и иному положенію бояръ. Во второй половинѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка уравненіе это слабѣетъ, но возобновляется вновь при Сигизмундѣ-Августѣ, который, съ цѣлью облегчить унію, старался поскорѣе ввести въ Литвѣ польскую организацію, какъ относительно образованія должностей (вводя цѣлую земскую систему), такъ и относительно сеймового строя. Установленіемъ отношеній къ Литвѣ занимается также цѣлый рядъ сеймовъ: петроковскій

1562—1563, варшавскій 1563—1564, парчевскій 1564 и, наконецъ, люблинскій 1569. Главныя основы рѣшены уже на сеймѣ 1564 г. — Однако, литовцы вскорѣ отъ нихъ отступили, такъ что въ 1569 г. надо было всѣ эти вопросы решать съзнова. Отъ 1564 г. осталось лишь одно: отреченіе короля отъ всякаго права наслѣдованія въ Литвѣ, такъ какъ принципъ наследственности не могъ ужиться съ избирательной системой Польши. Въ 1569 г., какъ и раньше, поляки стремились къ полной инкорпораціи Литвы, какъ и относительно прочихъ территорій. Это однако не удалось. Включены были только воеводства: подлѣсское, волынское, брацлавское и кіевское, уже въ полномъ смыслѣ слова, какъ относительно привилегій, такъ и устройства. Единственно, относительно судебнаго права, въ предѣлахъ Волыни, Брацлавля и Кіева остался обязательнымъ Литовскій статутъ, такъ называемый второй, съ 1566 г. известный подъ названіемъ волынского (первый былъ изданъ въ 1522 г. и действовалъ съ 1529-го по 1566 г.). Только Подлѣсье приняло и судебное польское право (которое, между прочимъ, примѣнялось тамъ еще до унії). Что касается прочихъ, пока еще литовскихъ территорій, то между ними и Польшей дѣло окончилось уніей, т. е. неполной инкорпораціей. Была объявлена нераздѣльность страны, общность монарха, котораго намѣревались избирать сообща, и общіе сеймы, образовавшіеся такимъ образомъ, что къ участію въ нихъ призывали всѣхъ тѣхъ, которые имѣли право засѣдать въ польскомъ сенатѣ, т. е. епископовъ, ми-

нистровъ, воеводъ и кастеляновъ, а также представителей сеймиковъ, незадолго до того введенныхъ въ Литвѣ по польскому образцу. Земскія должности и ранѣе были въ Литвѣ почти такія же, какъ въ Польшѣ. Зато оставили (и это была уступка со стороны поляковъ) — особыя центральныя должности — министерства, устроенные по образцу Польши, и вслѣдствіе этого — особую центральную администрацію, особую казну и собственное войско. Осталось также и свое судебное право, сведенное во второмъ литовскомъ статутѣ. Итакъ, Литва получила окончательно въ этой послѣдней, рѣшающей, уніи титулъ равнаго государства, хотя въ болѣе ограниченныхъ, нежели раньше, предѣлахъ. Инкорпорація не удалась. Польское государство съ этихъ поръ является союзомъ двухъ державъ, связанныхъ уніей.—6) Инфлянты. Они подчинились Сигизмунду - Августу въ 1561 г. кромѣ одной части, въ которой удержалось отдѣленное княжество. Король въ первую минуту подтвердилъ права инфлянты, не рѣшая отношенія ихъ къ Польшѣ и отчасти къ Литвѣ. Въ 1566 г. король, въ формѣ привилегіи, включаетъ инфлянты въ предѣлы Литвы, въ видѣ ея составной части. Такое положеніе продолжалось до 1569 г. На люблинскомъ сеймѣ былъ поднятъ и этотъ вопросъ. Инфлянты были признаны общей собственностью Польши и Литвы, что и было закрѣплено присягой пословъ - представителей инфлянты. Собственно говоря, инфлянты такимъ образомъ являются третьей составной частью польско-литовского государства, но включенной въ двѣ главныя. Относительно строя не произошло пока никакихъ

преобразованій. Во главѣ стоялъ намѣстникъ, какъ замѣститель короля. Инфлянтамъ предоставили особыя привилегіи, власти, сеймъ, какъ и особыя законы. Итакъ, цѣлый рядъ актовъ инкорпорацій и уній создалъ и объединилъ польское государство. Вокругъ сердцевины, образуемой собственно польскими областями, сгруппировались всѣ прочія, пріобрѣтенные области, хотя не всѣ онѣ слились въ одно нераздѣльное цѣлое, хотя Пруссія и инфлянты удержали нѣкоторыя особенности, а Литва даже автономію, но, все-таки, узы, опредѣленныя закономъ, сплотились чрезвычайно сильно въ сравненіи съ тѣмъ свободнымъ союзомъ, какимъ были связаны области Польши послѣ смерти Казиміра Великаго.

Въ составъ польской монархіи входили **удѣльные княжества**. Это невсегда были союзы, представляющіе важное значеніе. Князья поморскіе, какъ и молдавскіе и волошскіе, признаютъ себя при Ягайлѣ вассалами Польши, а слѣдовательно признаютъ ея главенство, не связывая себя, однако, никакими особыми обязательствами. Отношенія эти, вполнѣ свободныя, нарушаются относительно Поморья весьма быстро, съ Молдавіей удерживаются еще въ продолженія XV вѣка. Гораздо достойнѣе вниманія мазовецкіе лены. Основываясь на зависимости ихъ, польскіе короли заняли впослѣдствіи все Мазовіе. Въ 1466 г. присоединяется самый важный ленъ. Только часть Пруссіи была включена въ Польшу (королевская Пруссія), остальная часть удержалась за орденомъ, но тотъ дол-

женъ былъ признать себя вассаломъ Польши. Однако онъ постоянно стремится къ порванію этой зависимости, магистры отказываются свидѣтельствовать свою покорность. Польша выступаетъ съ требованіемъ вооруженной подмоги и т. д., но, обыкновенно, нарасно. Только 1525 г. приносить значительныя перемѣны. Послѣдній великий магистръ Альбрехтъ, съ согласія Сигизмунда I, вступаетъ въ феодальное владѣніе Пруссіей, какъ свѣтскій князь. Это такъ называемая секуляризація Пруссіи. По актамъ 1525 г. ленъ долженъ былъ перейти отъ Альбрехта къ его мужскимъ потомкамъ, а въ случаѣ неимѣнія послѣднихъ, къ его тремъ братьямъ и ихъ потомкамъ. При пресѣченіи, однако, этихъ линій, княжеская Пруссія, какъ ее теперь называли, примыкала къ Польшѣ. Но уже при Сигизмундѣ I линія Гогенцоллерновъ (такъ называемая курфиршеская, правящая въ Бранденбургѣ) стала добиваться, чтобы ее допустили къ лену въ случаѣ прекращенія другихъ линій. Попытки эти, постоянно возобновляемыя, долго встрѣчали отпоръ съ польской стороны. Въ концѣ концовъ Сигизмундъ - Августъ уступилъ и въ 1563 году официаль но присоединилъ гогенцоллерновъ къ общій инвеститурѣ, т. е. къ участію въ общей покорности, признавъ за ней такимъ образомъ право наслѣдованія послѣ пресѣченія линіи Анспахской.

Если секуляризація была невыгодна для Польши, создавая на мѣстѣ гибнувшаго ордена — жизненное свѣтское княжество, то, по крайней мѣрѣ при договорахъ 1525 г., имѣлось также въ виду расширение правъ Польши. Прусскій князь получилъ право уча-

стія въ польскихъ сеймахъ, ограниченное однако правомъ голоса въ дѣлахъ исключительно прусскихъ. Въ правѣ участія въ выборахъ короля уже при выборѣ Сигизмунда-Августа ему твердо отказали. Кромѣ того, онъ могъ требовать отъ короля защиты, если дѣло касалось вассальныхъ отношеній. Съ этого момента обязанности и ограниченія стали весьма значительны. Князь не имѣлъ права дѣлить княжество, продавать его частей, отдавать въ залогъ и пр. Въ случаѣ войны, прусскій князь обязанъ быть снабжать Польшу военной силой. Титулъ его былъ: «Князь въ Пруссії» (*dux in Prussia*), тогда какъ польскій король назывался «Прусскимъ княземъ» (*dux Prussiae*). Весьма важны были предписанія, касающіяся споровъ между княземъ и его поданными, подлежавшихъ рѣшенію польского короля. Король могъ оказывать сильное влияніе внутри отдѣленного княжества, и оказывалъ его дѣйствительно. Комиссія, высланная королемъ въ Пруссію въ 1569 г., послѣ смерти князя Альбрехта, устраиваетъ свободно внутреннія отношенія. Также и апелляціи на рѣшенія княжескихъ судебныхъ мѣстъ идутъ на усмотрѣніе короля, что тоже имѣло большое значеніе. Король польскій имѣлъ право давать подданнымъ князя въ Пруссії охранные листы, независимо отъ послѣдняго. Въ 1526 г. король далъ князю право чеканить монету, устанавливать таможенную пошлину, прокладывать новые дороги, право складовъ и пр. Въ общемъ, съ 1525 г. польские короли приобрѣли такое огромное влияніе въ прусскомъ княжествѣ, что послѣднее могло считаться частью Польши.

Наряду съ Пруссіей за Польшой удержался до самого его паденія еще другой ленъ: княжества Курляндія и Семигаллія, образовавшіяся въ 1561 г. при занятіи инфлянтъ—въ пользу послѣдняго магистра инфлянтскаго ордена,—Готарда Кеттлера и его мужскихъ потомковъ. Съ 1569 г. онъ считается общимъ вассаломъ Польши и Литвы. Обязанности были тутъ почти такія, какъ въ Пруссіи, онъ заявляетъ свою покорность, снабжаетъ Польшу военной силой въ случаѣ войны; тяжбы противъ князя и апелляціи изъ княжескаго суда поступаютъ въ судъ короля Польши.

Во главѣ польского государства стоитъ **Королевская** король; однако, королевская власть въ тѣ власті. ченіе этого периода подвергается значительному ограниченію, благодаря измѣненіямъ въ основныхъ законахъ его правленія. Пясты были монархами наслѣдственными, права ихъ на престолъ происходили отъ нихъ самихъ. На этомъ основаніи, Людовикъ Венгерскій, какъ родственникъ Казимира Великаго, взялъ власть послѣ его смерти въ свои руки. Еслибы онъ оставилъ мужскихъ потомковъ, то они послѣ него имѣли бы право на престолъ,—право, котораго никто не могъ оспаривать. Но у Людовика сыновей не было. А такъ какъ право наслѣдства за женщинами въ Польшѣ не признавалось, то Людовикъ долженъ былъ получить согласіе общества на подобное нововведеніе. Такимъ образомъ, въ Польшѣ дѣло доходитъ до формального избранія короля. Вопреки Кошицкой привилегіи (1375 г.), за дочерьми Людовика было признано право на престолъ. Послѣ его смерти одна изъ этихъ дѣ-

черей Ядвиги и вступила на польский престолъ. Выборъ Ядвиги былъ уже просто такъ называемый «*praelectio*», т. е. избраніемъ изъ среды лицъ, имѣющихъ право на престолъ, а именно изъ числа дочерей Людовика. Это былъ однако выборъ династіи, а не одного лица. Если-бы у Ядвиги были мужскіе потомки, то права ея перешли бы къ нимъ, они не были бы принуждены добиваться вновь своего избранія. Но Ядвига не оставила сыновей. Что касается Ягайлы, то его положеніе было невполнѣ опредѣленное. Нельзя смотрѣть на него просто какъ на супруга королевы, ибо это понятіе совершенно чуждо тогдашнимъ воззрѣніямъ. Права свои онъ основывалъ на избраніи его въ супруги Ядвиги и на вытекающихъ отсюда правахъ ихъ дѣтей. Итакъ, когда дѣло шло о наслѣдованіи престола его дѣтьми отъ четвертаго брака, то необходимы были выборы, и избраніе сыновей Ягайлы, Владислава и Казимира совершается при его жизни вопреки привилегій (1425, 1430, 1433). Выборъ между ними послѣ смерти Ягайлы—это уже только «*praelectio*». Съ этихъ поръ въ Польшѣ упрочивается избраніе не династіи, а лица. Потомки выбираемыхъ не имѣютъ права на корону, какъ дѣти короля, но должны пріобрѣсти это право путемъ избранія. Итакъ, отъ Варненчика слѣдуетъ считать избираемость королей. Что престолъ удержался за Ягайлонами до самаго пресъченія ихъ династіи, это имѣеть фактическое, но не законное значеніе. Надо было удержать союзъ съ Литвой, который бы распался въ случаѣ выбора посторонняго государя, такъ какъ Ягайлоны удержали право наслѣдства въ Литвѣ. Поэтому - то

и надо было, путемъ избранія, держаться этой династіи.

Кто не имѣеть права участвовать въ выборахъ, кто производитъ ихъ—это зависить отъ развитія общественныхъ правъ. Въ первыхъ выборахъ принимаютъ участіе только вельможи, самые знатные среди дворянства, ибо пока лишь они подготовлены къ общественной и государственной жизни. Но уже при избраніи сыновей Ягайлы кругъ избирателей расширяется не только потому, что въ то время въ сеймахъ начинаетъ дѣйствовать дворянство, но и оттого, что Ягайла старается укрѣпить выборъ рѣшенный на съѣздѣ—согласіемъ воеводскаго дворянства, въ формѣ предъявляемыхъ воеводами документовъ съ печатями двухъ членовъ изъ каждого осѣдлого рода въ воеводствѣ. Позднѣйшіе выборы совершаются лишь на общихъ съѣздахъ (Варненчикъ, Казимиръ, Янъ Ольбрехтъ, Александръ). Право голоса имѣютъ прежде всего самые знатные, начиная съ примаса и епископовъ, воеводы, кастеляны и прочие засѣдатели сената и кромѣ того представители шляхты въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Затѣмъ, совершеннный выборъ объявляется въ присутствіи собранной шляхты, которая и подтверждаетъ его. Такъ, уже тогда каждый шляхтичъ имѣлъ право участвовать въ избраніи короля. Единственно Сигизмундъ-Августъ былъ избранъ на простомъ сеймѣ (1529—1530), обеспечивъ въ будущемъ право всего дворянства на личное участіе въ избраніи короля. При Сигизмундѣ-Августѣ, когда исчезла надежда на наслѣдника, въ сеймахъ неоднократно подымались (1558—1559, 1569, 1572) проекты,

СТАН. КУТШЕВА.

9

им'ющею цілью організацію безкоролев'я. Однако, не одинъ изъ нихъ не осуществился. Только путемъ практики выработались предписанія, опредѣляющія съ этихъ поръ «*interregnum*». Послѣ избранія короля въ Краковѣ происходила коронація короля. Совершалъ ее гнѣздинскій архіепископъ, по строго опредѣленнымъ обрядамъ. Со дня коронаціи начиналось собственно правленіе новаго монарха. Первымъ его дѣйствіемъ является общее подтвержденіе законовъ, что осуществляется впервые при избраніи Варненчика.

Власть короля первоначально была очень велика, но уже въ теченіе этого періода подвергается ограниченіямъ, хотя еще не столь значительнымъ, какъ впослѣдствії. Точно опредѣлить кругъ дѣйствій короля невозможно. Онъ является законодателемъ, издаетъ эдикты, статуты, мандаты, универсалы. Правда, онъ обращается за совѣтомъ къ вельможамъ—сенату, но совѣтъ этотъ, въ продолженіи всего XV вѣка, не связываетъ его въ правовомъ отношеніи. Онъ слѣдуетъ ему, но не обязанъ слѣдовать. Мельницкая привилегія 1501 г., дающая сенату большія права въ ущербъ королевской власти, была впослѣдствіи признана не обязательной. Во всякомъ случаѣ, королю нельзя нарушать законовъ и привилегій. Ясно выражаетъ это конституція 1505 г., известная подъ названіемъ «*Nihil novi*», и она дѣйствительно не ввела «ничего нового». Она послужила, однако, при двухъ послѣдніхъ Ягайлонахъ, точкой опоры для расширенія власти сейма по всѣмъ почти вопросамъ, требующимъ законодательного пересмотра. Король обладаетъ высшей исполнительной властью, но пожизненность долж-

ностей, а затѣмъ ихъ самостоятельность значительно ограничиваются короля. Онъ же является высшимъ судьей, источникомъ закона, высшимъ военачальникомъ, хотя самъ все рѣже и рѣже командуетъ войсками. Но несмотря на то, что власть его основана на избраніи народа, все-таки, онъ—король «Божьей милостью», и не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за свои поступки.

Должности. Власть свою исполняетъ король при помощи чиновниковъ, сейма и сеймиковъ. Изъ должностей, которыхъ создались уже раньше, вслѣдствіе государственныхъ нуждъ возникаютъ новые. Земскія должности преимущественно принадлежали къ первой группѣ; хотя онѣ и потеряли свое прежнее значеніе, все-таки ихъ вводятъ даже въ ново-пріобрѣтенныхъ или инкорпорированныхъ территоріяхъ. Число ихъ растетъ. Въ 1434 г. образовались воеводства Русское и Подольское съ земскими должностями и, кромѣ того, послѣднія были введены въ Холмской землѣ. Въ 1454 г. онѣ были установлены въ Пруссіи, но въ 1468 г. ихъ отмѣнили, образовавъ три воеводства: Поморское, Мальборгское и Хельминское. Въ 1474 г. изъ Сандомирского воеводства выдѣлилось Люблинское. Въ Мазавецкой области земскія должности существовали и раньше, но послѣ присоединенія Мазовша вопросъ о власти воеводъ былъ упорядоченъ и окончательно было образовано одно воеводство для земель: Гостынской, Равской и Сохачевской, одно для Плоцкой и одно для прочихъ земель Мазовша (Мазовецкое воеводство). Белаская

земля уже при ея инкорпораціи составляла особое воеводство; также и Литва, когда ее унієй соединили съ Польшой, имѣла свои воеводства и земскія должности, причемъ Польша получила воеводства: Волынское, Брацлавское, Подлѣсское и Кіевское, а за Литвой остались: Віленское, Троцкое, Смоленское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Брестское, Мстиславское и Минское.

Въ каждомъ воеводствѣ былъ очевидно отдѣльный воевода. Кастеляновъ бывало по-нѣскольку въ тѣхъ областяхъ, где должностъ эта развивалась послѣдовательно. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, где кастелянства создавались искусственно, должностъ эта тѣсно связывалась въ одну цѣпь съ другими, образуя въ воеводствѣ одного только кастеляна, слѣдующаго сейчасъ за воеводой (Пруссія, Литва, русскія области, за исключеніемъ Червонной Руси). Только въ Червонной Руси каждая область имѣла своего кастеляна. Прочія земскія должности (подкоморій, судья, виночерпій и т. д.) находились какъ въ прежнихъ, такъ и въ большей части новыхъ воеводствъ, только по одной. Лишь въ Мазовії каждая земля имѣла издавна свою собственную іерархію (собственно въ Мазовії—10 іерархій, Савское воеводство—3); подобнымъ же образомъ организовали земскія должности, вводя ихъ въ Червонной Руси (пять іерархій). Но не вездѣ число этихъ должностей было одно и то же. Нѣкоторые областныя должности исчезаютъ уже въ теченіе этого периода (канцлеры, казнохранители), хотя не всюду, въ другихъ число ихъ еще растетъ. Въ Пруссіи ввели ихъ меныше, въ Литвѣ существуютъ чиновники, неизвѣст-

ные въ другихъ областяхъ (маршалы уѣздовъ, городничie и т. д.). На эти должности (подкоморiй, судья, подсудокъ, писарь) назначаетъ самъ король изъ числа четырехъ кандидатовъ, представленныхъ дворянствомъ. Въ Литвѣ двое воеводъ избираемы, какъ и хорунжie. Но и тутъ между областями существуютъ известныя различія (напр. въ Пруссіи). Задачи земскихъ должностей весьма незначительны. Это скорѣе—саны. Воевода ведеть къ королю всеобщее ополченіе своего воеводства, собираемое по уѣзdamъ подъ предводительствомъ кастеляновъ. Кромѣ того, воевода удерживаетъ за собой власть надъ евреями, а въ XV вѣкѣ получаетъ надзоръ надъ мѣрами и вѣсами по городамъ и право опредѣленія цѣнъ на товары. По возникновеніи сеймиковъ, онъ занимаетъ въ нихъ первое мѣсто. Кастелянъ, кромѣ вышеупомянутыхъ военныхъ обязанностей, не имѣетъ никакихъ другихъ. Зато, эти двѣ должности даютъ доступъ въ сенатъ; поэтому ихъ очень высоко цѣнятъ и называютъ «сенаторскими». Подкоморiй продолжаетъ производить судь въ межевыхъ спорахъ; въ земскихъ судахъ засѣдаетъ судья, подсудокъ и писарь. Прочie члены лишь почетные. И даже тѣ, у которыхъ есть определенное дѣло, замѣщаются обыкновенно помощниками, которыхъ сами же и назначаютъ: воевода—подвоеводу, судья и посудокъ—судебныхъ приставовъ, также и подкоморiй.

Собственно управлениe страной остается въ рукахъ старостъ, они удерживаются въ тѣхъ же областяхъ и предѣлахъ территорiи и власти, какъ и раньше, т. е. въ границахъ всей области. Подобнымъ же путемъ

сложилась эта должность при введеніи или преобразованіи (если она уже существовала) въ новоприсоединяемыхъ территоріяхъ, въ областяхъ Силезіи, Пруссіи, Руси и Литвы. Въ Пруссіи должность старосты слилась съ воеводскимъ саномъ; то же самое было обыкновенно и въ Литвѣ. Только Червонная Русь получила большее число старостъ. Старостѣ принадлежить администрація страны, онъ исполняетъ всякия повелѣнія короля. Поэтому-то и зовутъ старосту «плечемъ короля». Военную власть онъ теряетъ въ томъ смыслѣ, что уже съ конца XIV вѣка единственно король имѣеть право созывать всеобщее ополченіе. Дальше, подъ властью старосты остаются бурги, какъ крѣпости, и администрація королевскихъ имѣній, лежащихъ въ его области. Однако, въ теченіе этого времени короли все чаще и чаще отрываютъ части имѣній, даже съ бургами, отдавая ихъ въ такъ называемую аренду, такъ что, въ концѣ концовъ, у старостъ остается сравнительно немного помѣстій, превращающихся въ имѣнія, составляющія ихъ жалованіе. Самая сильная, сравнительно, власть старосты удержалась въ области старостинскаго или городского суда, которая въ теченіе этого периода еще болѣе расширяется. Инымъ путемъ подвигалось развитіе должности старосты въ Мазовії, гдѣ ея до смерти Казимира великаго не было даже вовсе. Вскорѣ послѣ смерти этого монарха, староста появляется и тутъ, но въ совершенно другой формѣ. Тутъ не установили по одному старостѣ въ цѣлой области или воеводствѣ. Каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣленную власть. Только въ предѣлахъ своего уѣзда, вмѣщающаго иногда два или

три земскихъ судебныхъ уѣзда, староста былъ исполнителемъ всѣхъ порученій короля. Но что касается прочихъ вѣдомствъ, то онъ долженъ былъ добиваться права участія въ нихъ, такъ какъ всѣ эти вѣдомства принадлежали уже раньше другимъ должностямъ. Однако, старосты съумѣли подчинить себѣ судебную власть въ ущербъ земскимъ судамъ, отчасти потому, что подчинили своей власти палачей. Въ XV вѣкѣ палачи являются исключительно чиновниками старосты, имъ назначаемыми, и въ концѣ этого периода совершенно исчезаютъ. Военной власти староста не получилъ. Каждый староста получаетъ какой-нибудь гродъ, отъ которого и беретъ свое название. Бургграфы этихъ гродовъ подпали также подъ начальство старостъ и, подобно палачамъ, являются съ этихъ поръ или чиновниками по администраціи града, или совершенно исчезаютъ. Только бургграфы Краковскаго замка остались сановниками лично королевскими, назначаемыми королемъ; число ихъ постепенно, въ теченіе XVI вѣка, возрастаетъ до десяти. Въ видѣ вознагражденія, староста получалъ опредѣленные денежные доходы (съ таможни), или нѣсколько деревень. Староста не получилъ также и администраціи королевскихъ имѣній, такъ какъ она находилась въ рукахъ краковскаго намѣстника, продолжавшаго исполнять свою должность.

Со временемъ надѣль этотъ увеличился, а такъ какъ въ другихъ областяхъ уменьшилось пространство владѣній, подчиненныхъ старостѣ, то уже въ XVI вѣкѣ между всѣми надѣлами изгладилась почти всякая разница.

Малопольскихъ старость можно назвать правильнѣе гродскими, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ въ своей власти только гродъ, а всѣхъ прочихъ—областными, такъ какъ каждый изъ нихъ управляетъ цѣлою областью. Названія эти однако съ XVI вѣка получаютъ другое значеніе: гродскими зовутъ собственныхъ старость (всѣхъ) въ отличіе отъ негродскихъ—тенутаріевъ; название областныхъ носятъ лишь нѣкоторые: великопольскій, русскій,—вслѣдствіе большихъ размѣровъ ихъ власти, и краковскій, только по аналогии съ первыми.

Въ теченіе этой же эпохи возникаютъ и формируются центральныя должности, коронныя и надворныя. Названія коронныхъ и надворныхъ имѣютъ значеніе только номенклатурное, не вліяя вовсе на основу и задачи этихъ должностей, и не могутъ быть отождествлены съ выраженіями: государственные и придворные. Да и не было даже существенной разницы между государственной и придворной дѣятельностью. Отличаются только министры, т. е. члены сената, отъ всѣхъ прочихъ должностныхъ лицъ.

Среди этихъ должностей уже въ XV вѣкѣ выдвигается на первое мѣсто должность маршала. Возникла она, какъ выше сказано, въ половинѣ XIV столѣтія, а задачей ея, вѣроятно, былъ первоначально надзоръ за конюшнями, а потомъ и за всѣмъ дворцомъ. Изъ того же титула произошла впослѣдствіи, тоже въ началѣ XV столѣтія, роль маршала, какъ церемониймейстера, идущаго впереди короля съ тростью,—аттрибутомъ его власти, какъ предсѣдательствующаго въ сенатѣ и пр.

Ему принадлежала администрація двора, слѣдовательно надзоръ и судопроизводство надъ придворными. Въ XV вѣкѣ маршаль назначаетъ цѣны на съѣстные продукты въ той мѣстности, въ которой находится король. Только въ XVI вѣкѣ начинаетъ онъ, въ роли хранителя королевской особы, творить уголовный судъ за нарушеніе спокойствія въ мѣстопребываніи монарха.

Первоначально существуетъ только одинъ маршаль — королевскій, или гофмаршаль (*regis curiae*). Въ концѣ XIV вѣка онъ называетъ себя иногда королевскимъ (*regni*), что, впрочемъ, не имѣло значенія въ смыслѣ его дѣятельности. Послѣдній титулъ установился въ 1409 г., а название придворного перешло съ этого момента къ другому, новосозданному маршалу. Онъ являлся помощникомъ и замѣстителемъ королевскаго маршала; что же касается ихъ дѣятельности, то никакой разницы между ними не было. Должность канцлера и подканцлера (коронныхъ) развилась изъ должностей краковскаго канцлера и подканцлера, какъ раньше было сказано. Сначала краковскій подканцлеръ, выступающій, кажется, въ роли подканцлера и другихъ областей — сталъ называть себя придворнымъ, а затѣмъ и короннымъ подканцлеромъ, что, впрочемъ, не имѣло существеннаго значенія. Вскорѣ послѣ смерти Казиміра Вел., титулъ этотъ окончательно утвердился, а затѣмъ примѣру подканцлера послѣдовалъ краковскій канцлеръ, принявъ сначала титулъ придворного (*aulae curiae*), а потомъ королевскаго канцлера. Областные канцлеры, играющіе неважную роль при жизни Казиміра Вел., послѣ смерти послѣдняго окон-

чательно теряютъ значеніе, и даже титулы ихъ исчезаютъ въ началѣ XV вѣка. Канцлеръ и подканцлеръ являются начальниками королевской канцеляріи. Обязанностью подканцлера было замѣстительство канцлера. Въ XV вѣкѣ между ними устанавливается разница въ томъ, что канцлеръ къ издаваемымъ лично актамъ прилагалъ большую печать, подканцлеръ же, въ случаѣ замѣщенія канцлера, другую, меньшую, хотя сила документовъ была одна и та же. Въ XV в. значение канцеляріи растетъ, она беретъ на себя всю дипломатическую переписку Польши, и канцлеръ постепенно превращается въ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ составляетъ посланія къ монархамъ, получаетъ письма изъ-за границы, принимаетъ иностранныя посольства. Одновременно съ этимъ, онъ расширяетъ предѣлы своей дѣятельности внутри государства, такъ что онъ въ то же время является и министромъ внутреннихъ дѣлъ, ибо черезъ его руки должны пройти и всѣ документы внутри страны. Онъ, слѣдовательно, принимаетъ прошенія, подаваемыя на имя короля, онъ говоритъ въ сеймѣ отъ имени короля и пр. Кругъ дѣйствій канцлера постепенно расширяется. Въ XVI вѣкѣ, при послѣдніихъ Ягайлонахъ, дѣятельность канцлера уже вполнѣ опредѣлена, хотя только путемъ практики. Подканцлеръ продолжаетъ оставаться его замѣстителемъ. Для помощи въ канцеляріи у нихъ есть цѣлый рядъ чиновниковъ, писарей (notarii), изъ которыхъ болѣе значительные называются въ XV в. протонотаріями, а затѣмъ секретарями. Одинъ изъ нихъ, высшій секретарь (supremus secretarius), съ 1504 г. допускается къ служебнымъ тайнамъ и получаетъ особую печать (перстень съ печатью).

Подобнымъ же образомъ перерождается и должность краковскаго казнохранителя, который еще при послѣднихъ Пястахъ начинаетъ называть себя придворнымъ казначеемъ (*curiae tesaurarius*) или вице-казначеемъ (*subtesaurarius*). Другіе казнохранители исчезаютъ, или остаются только пустыми титулами. Лишь въ XV вѣкѣ окончательно устанавливаются для этого единаго чиновника, завѣдующаго казной, титулъ королевскаго казначея (по-латыни *tesaurarius regni*). Помощниками ему служатъ казенные писари. Одинъ изъ нихъ, самый старшій, принимаетъ иногда въ первой половинѣ XV вѣка титулъ вице-казнохранителя, а затѣмъ во второй половинѣ того же столѣтія начинаетъ называть себя придворнымъ вице-казначеемъ (*vicetesaurarius curiae*). Существенной разницы въ ихъ дѣятельности не было: придворный казначей—это замѣститель короннаго, которому онъ обыкновенно помогаетъ, а въ случаѣ отсутствія всецѣло его замѣщаетъ, исполняя всѣ его обязанности. Въ ихъ власти находится управлѣніе казной, полученіе доходовъ, распоряженіе ими и пр. Только въ исключительныхъ обстоятельствахъ въ теченіе этой эпохи бывало, при установлѣніи податей, отдавали ихъ расходованіе особымъ чиновникамъ. Завѣдываніе казной нераздѣльно и въ томъ отношеніи, что казначей выдаетъ средства какъ на государственные расходы, такъ и на содержаніе двора, ибо нѣть еще разницы между казной государственной и королевской, хотя уже извѣстные признаки раздѣленія начинаютъ замѣчаться при Сигизмундѣ I. Казначей попрежнему имѣетъ подъ своей властью казначейство и государственный архивъ.

Гораздо медленнѣе развивается должность гетмана. Предводителемъ войскъ, всеобщаго ополченія, или вновь вводимыхъ рекрутскихъ ротъ, считается по принципу—король. Но онъ все рѣже и рѣже принимаетъ участіе въ войнѣ. Съ 1410 г. появляются донынѣ неизвѣстные замѣстители короля. Характерная ихъ черта заключается въ томъ, что это лишь временные полководцы — на одинъ походъ, послѣ чего власть ихъ отмѣняется. Иногда ихъ бывало по нѣскольку, одновременно назначаемыхъ, или напр. одинъ командаeтъ всеобщимъ ополченіемъ въ одной части государства, другой рекрутскими полками въ другой и т. д. Названіемъ такихъ предводителей служить латинское «capitaneus exercitus», а потомъ «campiductor». Если онъ имѣеть подъ своей властью силы всей Польши, какъ главнокомандующій, то его зовутъ генеральнымъ (capitaneus exercitus, или capiductor generalis). Переимѣна, происшедшая въ образѣ веденія войны, введеніе постоянныхъ рекрутскихъ ротъ служатъ причиной того, что уже въ концѣ правленія Казимира Ягайлона появляется постоянный предводитель войскъ — гетманъ. Должность эта удерживается съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ короткаго периода въ концѣ XV вѣка, уже безпрерывно. Въ 1539 г. гетману этому дали въ помощь второго, получившаго титулъ полевого (capitaneus campester). Это—замѣститель великаго гетмана, какъ впослѣдствіи звали первого предводителя. Задачей гетмана было командованіе войсками, хотя, очевидно, только въ случаѣ отсутствія при арміи короля.

Кромъ этихъ, самыхъ важныхъ должностей, имѣю-
щихъ большое значеніе для всего государства, сущес-
твуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, второстепенныхъ,
главнымъ образомъ, придворнаго характера. Къ нимъ
принадлежатъ должности кухмистера (*magister coquiae regiae*), виночерпія (*pincerna regiae*, потомъ *ro-
cillator*), съ конца XIV вѣка, затѣмъ съ начала
XV вѣка кравчаго (*incisor regni*) нѣсколько позд-
нѣе—наставника (*magister curiae*), превратившагося
въ концѣ XV вѣка въ подкоморія (*succamerarius cu-
riae*) и пр. Названія сами опредѣляютъ эти должностіи—преимущественно придворныя, а часто и только
почетныя.

Таковы были должности. Нѣкоторыя изъ нихъ
нельзя было соединить въ одномъ лицѣ. Такія долж-
ности звались *incompatibles*. Такъ наприм. старо-
ста не можетъ быть воеводой и кастеляномъ въ
своемъ староствѣ, за исключеніемъ краковскаго, а
также и земскімъ судьей. Съ 1504 г. нельзя соеди-
нять должности канцлера съ болѣе значительными и
богатыми епархіями, ни съ саномъ воеводы и касте-
ляна. Начиная съ 1565 г., ни воеводой, ни кастеля-
номъ не можетъ быть коронный маршаль, или каз-
начей. Земскія должностіи раздавались пожизненно;
въ теченіе XV вѣка пожизненность принимается
какъ принципъ и относительно коронныхъ и придвор-
ныхъ должностей, чѣмъ, однако, не мѣшало достигать
высшихъ сановъ; староства только въ XVI вѣкѣ на-
чинаютъ превращаться въ пожизненные. Король, слѣ-
дяя конституціи 1538 года, могъ удалить чиновника
только тогда, если такое наказаніе предвидѣлось въ

конституціяхъ, что и служить подтверждениемъ чрезчуръ большой независимости сановниковъ отъ короля.

**Сеймы и сей- Парламентский строй Польши, оконча-
мики.** тельно выработавшійся въ теченіе этой эпохи, опирается на двухъ совершенно различныхъ между собой факторахъ, которые только въ этотъ періодъ сливаются, образуя полную форму, но слѣдъ этихъ факторовъ остается въ организаціи польского сейма уже навсегда. Сеймъ этотъ состоить впослѣдствіи изъ сената и польской палаты. Складъ его соответствуетъ именно вышеупомянутому развитію. Поэтому необходимо прослѣдить возникновеніе каждой изъ этихъ частей сейма въ отдѣльности. Въ моментъ смерти Казимира Вел. не было еще никакихъ общихъ съѣздовъ, каждая область совѣщалась отдѣльно о своихъ дѣлахъ на особыхъ вѣчахъ. Но уже вскорѣ послѣ 1374 г. мы начинаемъ встрѣчаться съ общими съѣздами. Первоначально они немногочисленны, немного было вообще пока и вопросовъ, касающихся всѣхъ областей. Вопросъ о привилегіяхъ, о престолонаслѣдіи, вотъ—вопросы, ради которыхъ собираются обыкновенно такие общіе съѣзды наряду конечно съ особыми вѣчами для отдѣльныхъ областей. Между областными вѣчами и общими съѣздами стоятъ провинціальные великопольскіе (въ болѣе широкомъ значеніи, т. е. собственно Великопольши, Лэнчица, Сѣрадза и т. д.) и Малопольскіе (т. е. Малой Польши, а потомъ и Сѣрадза). Но главнымъ образомъ съ начала XV вѣка эти общіе съѣзды становятся болѣе

частыми. Тогда уже ихъ опредѣляютъ какъ сеймы. Возрастающее количество вопросовъ общихъ, касающихся всего государства — вотъ одна изъ причинъ этого учащенія съѣзовъ. Вторая — это усиливающееся ограничение королевской власти: король принужденъ чаще обращаться за совѣтомъ къ съѣздамъ даже въ вопросахъ, которые раньше решалъ лично, безъ участія сеймовъ, или вѣчей. Уже въ концѣ правленія Ягайлы почти нѣтъ болѣе ни одного сколько нибудь важнаго дѣла, которое король решился бы решить самостоятельно.

Благодаря тому, что общіе государственные интересы призывали къ жизни неизвѣстные раньше сеймы, отдавая ихъ решенію вопросы, относящіеся ко всѣмъ областямъ, составъ этихъ сеймовъ имѣть характеръ генерального учрежденія. Сеймъ представляеть изъ себя собраніе вѣчей, въ ихъ совокупности. Съѣзы же провинціальные являются объединеніемъ провинціальныхъ вѣчей. Въ составъ какъ вѣчей, такъ и провинціальныхъ съѣзовъ и сеймовъ—входятъ земскіе чиновники. Кто изъ нихъ будетъ засѣдать въ сеймѣ—это, очевидно, зависить отъ короля; кого онъ назначить, ибо хотя фактически сеймы значительно ограничиваются короля, но по закону они являются только совѣтомъ. Но такъ какъ уже и на вѣча король призывалъ знатнѣйшихъ епископовъ, воеводъ и кастеляновъ, то и въ сеймахъ засѣдаются прежде всего епископы, воеводы и кастеляны. И они начинаютъ смотрѣть на свое участіе въ сеймахъ не какъ на обязанность нести свой совѣтъ королю, но какъ на законное свое право решать государственныя дѣла. Ря-

домъ съ ними, король призываетъ въ сеймы и болѣе мелкихъ земскихъ чиновниковъ: подкоморіевъ, хорунжихъ, судей и пр. Участіе послѣднихъ не такъ постоянно и не превратилось въ законъ. Въ совѣщаніяхъ сейма участвовали и министры, т. е. главные изъ коронныхъ и придворныхъ чиновниковъ, которые, какъ ведущіе государственные дѣла, были необходимы въ сеймѣ. Но рядомъ съ тѣми, у которыхъ были титулы, и которые по этимъ титуламъ засѣдали въ сеймахъ, въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ тамъ и простое дворянство. Это — признакъ стремленія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, къ пріобщенію дворянства, даже несановнаго, къ управлению страной. Такое положеніе вещей длится до конца XV вѣка и тогда уже подвергается перемѣнѣ. Возникаетъ польская палата, какъ представительница интересовъ дворянства. Участіе дворянства и мелкихъ чиновниковъ въ сеймѣ становится лишнимъ, и ихъ исключаютъ изъ состава сейма, т. е. изъ сената, какъ называются съ этихъ поръ эту часть сейма, въ отличіе отъ польской палаты. Сенатъ замыкается. Теперь его составляютъ исключительно архіепископы, епископы, воеводы, кастеляны и министры. Какъ министры, удержались въ сенатѣ и тѣ коронные и придворные сановники, которые въ немъ и раньше засѣдали, а именно: коронный и надворный маршалъ, коронные канцлеръ и подканцлеръ и коронный казначай. Другіе не вступили въ сенатъ, въ особенности не могъ попасть туда ни придворный казначай, такъ какъ должность его создалась только во второй половинѣ XV столѣтія, ни гетманы, такъ какъ установление ихъ дѣятельности и значенія совпадаетъ

лишь съ XVI вѣкомъ, т. е. съ эпохой замкнутости сената. Въ началѣ XVI вѣка всѣхъ сенаторовъ было 83. Число это, однако, увеличивается, такъ какъ при инкорпораціяхъ и уніяхъ въ сенатъ допускаются епископы, воеводы и кастеляны включаемыхъ въ предѣлы Польши террорій. Послѣ присоединенія Мазовша число сенаторовъ возрасло до 92, а послѣ уній 1563 и 1569 годовъ до 140. Въ 1569 г. точно установился порядокъ мѣсть въ сенатѣ, при чмъ литовскихъ сенаторовъ перемѣшиали съ коронными.

Совершенно инымъ путемъ возникаетъ палата пословъ. Если первоначально на управление государствомъ оказывають влияніе только вельможи, т.-е. должностныя лица, то потомъ, съ начала XV вѣка въ особенности, начинается движеніе среди дворянства. Длинный рядъ факторовъ вліяетъ на то, чтобы разбудить этотъ элементъ къ политической жизни: гуситизмъ, борьба съ церковью изъ-за десятинъ, вопросъ о престолонаслѣдіи, относительно котораго Ягайло обращается за совѣтомъ ко всему дворянству, и пр. Однако, неѣтъ еще органа, который являлся бы представителемъ дворянства — шляхты. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ дворянство образуетъ конфедерациі, т. е. законно-частные союзы съ законно-общественными цѣлями, таковы, конфедерациі противоцерковныя 1406 и 1407 г., конфедерациі Спѣтка изъ Мельштина 1439 г. и пр. Постепенно дворянство добивается мѣсть въ судебныхъ вѣчахъ, организованныхъ старостами. Вѣча эти решали кромѣ судебныхъ и областные вопросы. Уже въ половинѣ XV вѣка, и даже раньше, такое вѣче распадается.

СТАН. КУТШЕВА.

10

Остается судебное вѣче, какъ учрежденіе чисто судебнное, и наряду съ нимъ являемся изъ него возникшій сеймикъ, какъ собраніе шляхты всего воеводства, для рѣшенія областныхъ дѣлъ. Предсѣдательство переходитъ къ воеводѣ, какъ къ высшему земскому сановнику (на вѣчахъ первымъ лицомъ являлся староста). Такъ развились сеймики въ Великопольши (въ болѣе широкомъ смыслѣ). Малая Польша отличалась болѣе сильнымъ вельможнымъ элементомъ, но въ концѣ концовъ и тутъ, во второй половинѣ XV вѣка, появляются сеймики по примѣру Великопольши. Учрежденія эти вводились и въ ново-присоединяемыхъ къ Польшѣ территоріяхъ. Значеніе сеймиковъ пока не опредѣлилось. Усиливаетъ его и обличаетъ его дальнѣйшее развитіе вопросъ о податяхъ. Дворянство не было обязано платить налоговъ и, если платило, то лишь по добровольному соглашенію. Рѣшеніе сейма, въ которомъ участвуютъ только чиновники, недостаточно, ибо оно не связываетъ всего дворянского общества. Надо выслушать и дворянъ. Первоначально принимались, кажется, за различные способы: вѣроятно пробовали обращаться къ представителямъ родовъ, какъ при избраніи сыновей Ягайлы. Окончательно же воспользовались устройствомъ сеймиковъ, какъ учрежденіемъ, представляющимъ дворянское общество. Съ начала XV вѣка, когда все чаще и чаще возникаютъ вопросы о податяхъ, которыхъ, будучи установлены сеймомъ, должны были подтвердиться отдѣльными сеймиками. И вотъ сеймъ, образуемый только сенатомъ, и сеймики составляютъ теперь одно цѣлое. Во второй половинѣ

XV столѣтія сеймики начинаютъ сноситься съ сеймомъ посредствомъ пословъ, выбираемыхъ изъ ихъ среды. Это лишь облегчало переговоры и не мѣняло общаго положенія вещей, такъ какъ послы служили лишь представителями сеймиковъ и были связаны его порученіями. Понемногу входитъ въ жизнь обычай сеймиковъ постоянно высылать своихъ уполномоченныхъ въ провинціальные съѣзды, а съ 1493 г., когда это стало правиломъ, и въ генеральный сеймъ. Это не повлекло за собой гибели провинціальныхъ съѣзовъ. Передъ каждымъ сеймомъ уполномоченные и сенаторы провинціи собирались вмѣстѣ (въ Великопольшѣ—въ Колѣ, въ Малопольшѣ—въ Корчинѣ) и оттуда только отправлялись въ генеральный сеймъ. Слѣдовательно, полную организацію польскаго сейма можно отнести къ 1493 г. Дворянство добилось представительства въ посольской палатѣ, поэтому его можно было удалить изъ сената. Количество, представительство это пока весьма слабо. Обыкновенно каждое воеводство высылаетъ двухъ депутатовъ, такъ что посольская палата считастъ въ началѣ XVI вѣка лишь сорокъ съ чѣмъ-то членовъ. Но по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель, въ нихъ образуются новые сеймики и, въ свою очередь, новые депутаты этихъ сеймиковъ. Кромѣ того, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ замѣчается стремленіе сеймиковъ къ увеличенію числа своихъ депутатовъ, такъ что некоторые высылаютъ по шести и даже по четырнадцати депутатовъ. Въ 1569 г. депутатовъ отъ короны было 95; отъ Литвы включили въ сеймъ 48 депутатовъ (по 2 отъ каждого уѣзда).

10*

Пруссія высылала переменное число депутатовъ. Инфлянты вовсе еще не засѣдали въ сеймѣ помимо унії. Что касается роли депутатовъ, то они все еще продолжали быть представителями сеймиковъ, связанными порученіями, или инструкціями, пока пре-имущественно устными.

Относительно податей, король былъ принужденъ обращаться какъ къ сеймикамъ, такъ и къ городамъ. Первоначально онъ помимо сейма сносился съ городами, т.-е. съ каждымъ изъ важнѣйшихъ представителей послѣднихъ въ отдѣльности. Но позднѣе, съ цѣлью облегчить переговоры о податяхъ, и города стали высыпать въ сеймы своихъ депутатовъ. Но объ этомъ они не очень заботились, да притомъ большинство городовъ были слишкомъ слабы, чтобы имѣть большое значеніе. Единственнымъ почти представителемъ городовъ является Краковъ. Его послы засѣдаютъ въ сеймѣ, и право его на это неоднократно ясно подтверждается. Однако, если рѣшался общегородской вопросъ, то еще въ XVI вѣкѣ призывались и другіе города. Но это рѣдкіе случаи; большей частью отсутствуютъ и депутаты Кракова. Въ концѣ этого периода, городскіе депутаты не имѣютъ въ сеймѣ почти никакого значенія. Для совѣщаній сеймовъ не было ни опредѣленныхъ пунктовъ сѣзда, ни постоянныхъ сроковъ. Созывать ихъ король, когда являлась потребность, въ особенности когда казна нуждалась въ податяхъ, которыхъ безъ сейма получить не могла. Сеймъ собирается иногда два и три раза въ годъ, иногда не созывается въ теченіе несколькиихъ лѣтъ. Нѣкоторые монархи сильно против-

вятся сеймамъ, другіе, неблагосклонные къ нимъ, ста-
раются (какъ Сигизмундъ-Августъ) по возможности
рѣже собирать ихъ. Мѣстомъ сбора сейма является
обыкновенно въ XV вѣкѣ Петроковъ; въ XVI вѣкѣ
городъ этотъ считается уже постояннымъ центромъ
сеймовыхъ сѣездовъ. Длится сеймъ обыкновенно въ
XV вѣкѣ—лишь нѣсколько дней; но чѣмъ больше
накопляется вопросовъ, тѣмъ продолжительнѣе ста-
новятся сеймы, такъ что въ XVI вѣкѣ совѣщаются
иногда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Итакъ,
формы польского парламентаризма, а также и формы
совѣщаній устанавливаются практическимъ путемъ,
безъ законодательной организаціи. Король письменно
созывалъ сенаторовъ, онъ же созывалъ сеймики для
совѣщаній, а затѣмъ для выбора депутатовъ. Сеймъ
начинался богослуженіемъ. Затѣмъ, присутствующіе
привѣтствовали короля. Послѣ возникновенія по-
сольской палаты, она выбираетъ изъ своей среды
маршала, но онъ только свидѣтельствуетъ монарху
общее почтеніе. Послѣ привѣтствія и отвѣта на это
привѣтствіе со стороны государя, обыкновенно че-
резъ канцлера, наступало цѣлованіе королевской
руки. Тогда канцлеръ представлялъ поводы, по ко-
торымъ былъ созванъ сеймъ. Это было такъ назы-
ваемое впослѣдствіи — сеймовое предложеніе. За-
тѣмъ, слѣдовали «votum», т.-е. мнѣнія сенаторовъ.
Когда посольской палаты не существовало, въ этомъ
состояла главная задача сейма. Когда-же явилась эта
палата и когда, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ
Августѣ, она приобрѣтаетъ все больше и больше зна-
ченія, достоинство вотовъ постепенно уменьшается,

все менѣе на нихъ обращаютъ вниманія. Послѣ изложенія мнѣній, а слѣдовательно и споровъ, слѣдовалъ королевскій приговоръ, разрѣшающій сеймъ. Съ момента же возникновенія посольской палаты наступили собственныя совѣщанія въ раздѣленныхъ избахъ. Посольская палата обсуждаетъ желаніе короля, предъявляетъ свои требованія и жалобы. Отъ времени до времени избы соединяются, чтобы депутаты могли высказать свои желанія, услышать мнѣніе сената, отвѣтъ короля. Рѣшеніе наступаетъ съ согласія этихъ трехъ факторовъ. Единогласіе вытекало здѣсь прямо изъ сути вещей. Если, напримѣръ, дѣло касалось нарушенія льготъ дворянства въ смыслѣ уплаты податей, или другихъ его привилегій, то благодаря тому, что на нихъ смотрѣли какъ на основные законы, не подвергаемые измѣненіямъ безъ согласія тѣхъ, которые ими пользовались,— для рѣшенія каждой такой перемѣны было необходимо единогласіе всѣхъ депутатовъ. Единогласіе это вовсе не выработалось лишь въ XVII вѣкѣ, какъ это многіе утверждаютъ, но является существенной чертой тогдашняго строя, вытекающей изъ характера привилегій и сословной организаціи. А такъ какъ каждый изъ депутатовъ замѣщалъ, собственно говоря, свой сеймикъ, то его и нельзя было принудить перемѣнить мнѣніе, такъ какъ его связывали данныя ему порученія. Положеніе сенаторовъ было иное, пока они составляли только думу. Но когда говорилось о податяхъ, или о рѣшеніяхъ, нарушающихъ ихъ привилегіи, тогда сенаторы стояли наравнѣ съ посольской палатой, имѣли, какъ и ея члены, только каждый за

себя рѣшающій голосъ въ сеймѣ. И они, такимъ образомъ,—да и то всѣ—должны были согласиться на одномъ пунктѣ,—чтобы измѣненіе могло совершиться. Хотя такъ усиленно требовалось въ принципѣ единомысліе, но благодаря мощному общественному духу, оживлявшему сеймы, не трудно было добиться этого единомыслія, и часто противники добровольно уступали ради взаимнаго блага, а если нѣкоторые изъ нихъ отстаивали свое мнѣніе, то на нихъ не обращали вниманія. Замѣчается стремлениѳ къ поднятію значенія сейма, къ ограниченію вліянія порученій сеймиковъ. При Сигизмундѣ-Августѣ польскій сеймъ начинаетъ принимать характеръ почти новѣйшаго парламента.

Позднѣйшее развитіе однако искривило это направлениѣ.

Сеймъ, представляющій все общество, пріобрѣтаетъ первое мѣсто въ государствѣ. Онъ обнимаетъ все больше и больше вопросовъ, а при Сигизмундѣ-Августѣ, пользуясь недостаточно понятной конструкціей *Nihil Novi* 1505 г., старается расширить свою власть еще дальше. Нельзя, однако, конституціи *Nihil Novi* придавать значенія какого-го принципіального уложенія, признающаго за посольской палатой право участія въ законодательствѣ. Опредѣленіе, что «ничего новаго» нельзя постановить безъ сейма, значило только то, что нельзя нарушать привилегій дворянства безъ его согласія. Только впослѣдствіи ею стали пользоваться для ограниченія королевской власти. Но польскій сеймъ не превратился при ея содѣйствіи въ собственно законодательный органъ. Онъ

остается сословнымъ сеймомъ, заботящимся, главнымъ образомъ, о привилегіяхъ сословій, защищаетъ ихъ права, а о другомъ думаетъ только тогда, если это касается сословныхъ интересовъ. Все-таки, несмотря на широкія притязанія, предъявляемыя сеймомъ, онъ никогда не занимался вопросомъ о внутреннемъ строѣ городовъ, или объ организації евреевъ, развѣ настолько, насколько даннныя предположенія имѣли значеніе и для дворянства, ибо иначе—вопросы эти стояли внѣ сословныхъ нуждъ и требованій.

Суды. Судопроизводство надъ дворянствомъ продолжаетъ опираться на тѣ же основы, которыхъ начали вырабатываться при Казимирѣ Великомъ, и окончательно утвердились въ концѣ XIV-го и въ началѣ XV столѣтій. Судами первой инстанціи являются суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе. Земскій судъ состоить изъ судьи и подсудка, и (отчасти, въ каждой «землѣ») есть свой земскій судъ; судъ объѣзжаетъ уѣзды и судить въ нихъ въ определенные сроки («рочки») первоначально каждыя двѣ недѣли, послѣ Вартскаго статута ежемѣсячно (или точнѣе черезъ четыре недѣли), а послѣ Нѣшавскихъ статутовъ (въ 1454 г.) четыре раза въ годъ. Рядомъ съ судьей и подсудкомъ засѣдаютъ ассесоры въ числѣ шести или пяти изъ среды дворянъ, прибывшихъ на «рочки». Только въ собственно-Великопольшѣ (Познань и Калишъ) сложился другой составъ ассесоровъ, а именно засѣдаютъ тамъ въ «рочкахъ» замѣстители чиновниковъ: старосты (бургграфы), воеводы, подкоморіи и хорунжій. Къ вѣдом-

ству земскихъ судовъ принадлежать теоретически всѣ дѣла дворянства, т. е. дѣла, въ которыхъ выступаютъ дворяне, за исключениемъ важнѣйшихъ вопросовъ, предоставленныхъ вѣчамъ и королевскимъ судамъ. Подкоморскій судъ остается въ своихъ предѣлахъ, какъ пограничный судъ. Суды эти дополняются гродскими, или старостинскими судами. Въ Великопольскихъ областяхъ судъ старости находится въ нѣкоторыхъ городахъ, въ Малой Польшѣ—только въ одномъ. Начиная съ конца XIV-го вѣка, старости судятъ обыкновенно не лично, но черезъ назначенныхъ ими чиновниковъ. Послѣднихъ бывало два: бургграфъ, или подстароста, и гродской судья, а иногда только одинъ судья, такъ называемый комиссарскій (Сѣрадзъ). Суды эти, говоря о великопольскихъ областяхъ, возникли тогда, когда вслѣдствіе развитія земскихъ судовъ и вѣчей значительная часть вопросовъ перешла въ эти суды, а староста оставилъ за собой нѣкоторыя дѣла, главнымъ образомъ, уголовныя, и творилъ дополнительный судъ во всѣхъ случаяхъ, не относящихся къ вѣдомству прочихъ судовъ. Кромѣ того, такому суду принадлежало исполненіе приговоровъ всѣхъ судовъ. Затѣмъ, въ XV и XVI вѣкѣ судопроизводство по другимъ вопросамъ поручалось также гродскимъ судамъ, имѣя въ виду болѣе скорое исполненіе приговора. Въ Малой Польшѣ судебная власть старость возникла только со введеніемъ тамъ должности старости, послѣ смерти Казимира Великаго, и сформировалась—хотя съ нѣкоторыми затрудненіями—по образцу гродскихъ судовъ другихъ областей. Въ XVI вѣкѣ гро-

дамъ начинаютъ давать «вѣчность»—это значитъ расширять кругъ ихъ вѣдѣнія въ вопросахъ неспорныхъ, касающихся недвижимаго имущѣства, которые раньше, по принципу, подлежали исключительно земскому судамъ. Въ томъ же XVI-мъ вѣкѣ стали различать вѣдомство града, какъ суда (*indicium*) и управлѣнія (*officium*). Къ вѣдомству града, какъ суда, относились прежде всего уголовныя дѣла (такъ называемыя четыре статьи: поджогъ, нападеніе на большой дорогѣ, нашествіе на домъ, изнасилованіе), а рочки происходили въ опредѣленные сроки (каждыя шесть недѣль), всегда при участіи старости. Гораздо болѣе вопросовъ, въ особенности споры о временномъ владѣніи чужой собственностью, а равнымъ образомъ исполнительная власть принадлежали гроду—*officium*. Управлѣніе производило рочки гораздо чаще (каждыя двѣ недѣли, а въ болѣе важныхъ градахъ—ежедневно), и староста участія въ нихъ не принималъ лично почти никогда.

Выше этихъ судовъ стояли вѣча, которыя развились уже раньше. Въ теченіе XV-го вѣка составъ вѣча начинаетъ точнѣе вырабатываться. Въ Великопольскихъ областяхъ предсѣдательство на вѣчахъ принадлежало старостѣ, и безъ него вѣче не могло состояться.

Въ теченіе XV-го вѣка устанавливается однако обычай, что наряду со старостой должны засѣдать въ вѣчѣ нѣкоторые сановники, а именно: воевода и нѣсколько кастеляновъ, безъ которыхъ также вѣче было не полно. Это неизбѣжное соучастіе еще сильнѣе развилось въ Малопольшѣ, гдѣ первоначально

удовлетворялись совершенно присутствиемъ какихъ либо шести сановниковъ, въ XV же столѣтіи участіе воеводы и кастеляновъ стало необходимымъ.

Но замѣчаются между вѣчами, относительно участія въ нихъ должностныхъ лицъ,—рѣзкія иногда отличія. Вѣча продолжаютъ собираться въ Малой Польшѣ въ опредѣленные сроки; въ Великопольшѣ—когда ихъ созоветъ староста, хотя и тутъ чувствуется стремленіе къ установлению срока. Въ продолженіи XV-го вѣка вѣча начинаютъ собираться все рѣже и рѣже, во второй половинѣ этого столѣтія почти вовсе не собираются и, наконецъ, замираютъ.

Ихъ воскресили въ XVI-мъ вѣкѣ, но и тогда они дѣйствуютъ не особенно хорошо. Тогда же подвергается перемѣнѣ и ихъ внутренній складъ. Участіе старосты устраивается, во главѣ вѣча остается воевода. Но рядомъ съ нимъ и кастелянами, въ вѣчѣ начинаютъ засѣдать и болѣе мелкие земскіе чиновники, такъ что число лицъ, составляющихъ вѣче, значительно возрастаетъ. И тутъ, какъ мы видимъ, проявляется стремленіе, выражющееся такъ ясно и въ другихъ областяхъ строя, — къ ограниченію высшаго дворянства — сановниковъ въ пользу менѣе знатной «шляхты». Вѣча не пережили эпохи Ягайлоновъ, они исчезли въ моментъ возникновенія коронной судебнай палаты (1578 г.). Что касается ихъ компетенціи (права судить), то слѣдуетъ различать вѣча XIV-го и XV-го вѣка отъ вѣчей XVI-го столѣтія. Вѣча первоначально представляютъ изъ себя судилище по важнѣйшимъ дѣламъ въ зависимости отъ стоимости спора и званія подсудимаго, или отъ не-

достаточной ясности законныхъ предписаній. Если такое дѣло возникало въ «рочки», то его отсылали въ вѣче. Но, кромѣ того, вѣче могло рѣшать и рѣшало, очевидно, и такія дѣла, какія подлежали обыкновенно низшимъ судамъ — земскимъ, или гродскимъ. Когда, послѣ своего паденія, вѣча вновь появились въ XVI вѣкѣ, они выступаютъ уже, какъ инстанція второго разряда, и рѣшаютъ только аппеляціи на земскіе и гродскіе суды. Въ первой инстанціи вѣча никакихъ дѣлъ съ этихъ поръ не рѣшаютъ.

Надѣ этими судами сталъ королевскій судъ, какъ главный, ибо король считается источникомъ справедливости. Король могъ судить всякое дѣло, даже самое ничтожное, наравнѣ съ земскими, гродскими судами и вѣчами, посредствомъ специально назначаемыхъ судей, комиссаровъ, или же просто во дворцѣ. Король судить тамъ, гдѣ въ данное время находится. Отъ него зависѣть приговоръ. Впрочемъ, на его судахъ засѣдаются ассесоры изъ среды высшихъ сановниковъ, однако содержаніе приговора опредѣляется исключительно его волею. Отсюда, большее или меньшее число ассесоровъ является дѣломъ случая и не имѣть значенія. Въ какой области король находится, той области земскій судъ засѣдаетъ въ королевскомъ судѣ для веденія формальной тяжбы. Судъ короля называется судомъ *in curia*. Однако, чаше всего, король лично на судѣ не присутствуетъ, участіе его ограничивается участіемъ ассесоровъ, но судъ этотъ имѣть значеніе королевскаго только тогда, когда происходитъ во дворцѣ короля. Къ вѣдомству этого суда принадлежать прежде всего, въ первой инстан-

ції, тѣ вопросы, которыхъ другіе суды решать не могли: дѣла обѣ общественныхъ правахъ (споры между сословіями, изъ-за общественныхъ правовыхъ узаконеній и т. д.), собственно уголовныя дѣла (*causaes criminales*, т. е. преступленія относительно государства, напр. измѣна), жалобы на чиновниковъ по поводу ихъ служебныхъ обязанностей (*causaes officiis*), наконецъ дѣла, касающіяся личности короля, въ особенности королевскаго имущества (*causaes fisci*). Кромѣ того, въ это судилище можно было вносить всякие вопросы, подлежащіе всѣмъ прочимъ судамъ. Когда въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка образовалась неизвѣстная ранѣе апелляція,—всѣ апелляціи изъ всѣхъ судовъ шли прямымъ путемъ, или черезъ посредство другихъ судовъ (вѣчей) къ королю. Вслѣдствіе этого, предѣлы правъ королевскаго суда возрасли неимовѣрно, въ особенности при двухъ послѣднихъ Ягайлонахъ.

Хотя королевскій судъ, гдѣ бы онъ ни находился, и при какомъ бы то ни было составѣ ассесоровъ, былъ всегда королевскимъ судомъ, однако въ XVI-мъ вѣкѣ въ особенности, громадное значеніе приобрѣли суды короля, производимые во время сеймовъ, такъ что значительная часть вопросовъ, предоставляемыхъ суду *in curia*, теперь идетъ въ судъ короля въ сеймѣ, т. е. въ сеймовой судѣ (*causaes metae criminales, fisci, officiis*, а главнымъ дѣломъ — апелляціи). Но сеймы хотя и собирались, но не такъ часто. Число же тяжѣбныхъ дѣлъ расло постоянно, въ особенности благодаря свободѣ апелляцій, принятой польскими законами. Вскорѣ дошло до того, что тысячи вопросовъ

застаивались. Этому старались противодействовать, отсылая нерешенные вопросы (1540, 1553 года) въ вѣча, если вопросы эти не прошли уже предварительно черезъ вѣче (апелляці можно было подавать королю прямымъ путемъ отъ каждого суда), въ 1563 же году создались особые новые суды *ultimae instantiae* (совершенно по образцу вѣчей), въ которые отсылали всѣ дѣла изъ королевскаго суда, какъ въ судъ по слѣдней инстанціи. Однако это не прекратило чрезмѣрнаго обремененія сеймовыхъ судовъ. Такое печальное положеніе вещей могло быть устранино только въ началѣ слѣдующей эпохи путемъ учрежденія коронной судебной палаты въ 1578 году.

По городамъ судебную власть исполняютъ, на основаніи германскаго права, суды, называемые городскими судами старшинъ, вѣдомству коихъ были отданы дѣла по спорамъ гражданскимъ и уголовнымъ. Но съ судомъ старшинъ нерѣдко соперничаетъ городская дума, которая тоже постепенно подчинила себѣ все болѣшій и болѣшій кругъ дѣлъ, въ особенности безспорныхъ. Въ XV вѣкѣ, наряду съ обыкновенными судами, производимыми старшинами въ опредѣленные сроки и съ «горячими» судами, т. е. созываемыми въ случаѣ надобности, удерживаются еще большиe официально открытые суды, производимые обыкновенно трижды въ годъ, на которые являлся часто владѣтель города, или его замѣститель. Но уже въ XVI вѣкѣ они начинаютъ исчезать. Къ вѣдомству этихъ судовъ принадлежали преимущественно болѣе важныя дѣла. Городскіе суды, старшины или думы, въ случаѣ неясности закона обра-

щались къ высшимъ судамъ германского права. Намѣреніе Казимиря Великаго создать единственный своего рода судъ въ видѣ высшаго Краковскаго суда—не осуществилось, и уже въ XIV вѣкѣ, какъ и въ слѣдующемъ столѣтіи, возникаютъ въ Малой Польшѣ и на Руси (въ великопольскихъ областяхъ такихъ судовъ нѣть) многочисленные высшіе суды германского права въ Сандомирѣ, Бѣчѣ, Санокѣ и пр. Они то и давали судебные совѣты (ортили) городскимъ судамъ, а слѣдовательно, когда въ XV вѣкѣ установилась апелляція,—они же рѣшаютъ вносимыя въ нихъ дѣла во второй инстанціи. Характеръ такихъ же высшихъ судовъ получили также нѣкоторые городскіе суды въ большихъ городахъ. Но съ жалобами на эти высшіе суды, отчасти и съ ортилями городской думы обращались еще къ Краковскому суду, и, наконецъ, къ суду шести городовъ въ Краковскомъ дворцѣ. Но уже въ XVI вѣкѣ всѣ эти суды начинаютъ терять свое значеніе, нѣкоторые даже въ продолженіе этой эпохи замираютъ, потому что владѣльцы городовъ начинаютъ направлять апелляцію въ свои придворные суды, въ королевскихъ же городахъ апелляціи вносятся чаще и чаще къ старостѣ (въ мелкихъ городахъ) или (въ болѣе значительныхъ) въ королевскій судъ.

Судебный строй въ деревняхъ зависитъ отъ того, какими законами деревня управлялась: польскими или германскими. Въ селахъ съ польскими законами единственнымъ судомъ продолжалъ быть судъ хозяина деревни, т. е. патrimonіальный. Въ колонизованныхъ деревняхъ остались сельскіе суды старшинъ

какъ собственные суды, и большие открытые суды. По мѣрѣ выкупа солтыствъ, хозяинъ деревни начинаетъ оказывать все болѣе и болѣе сильное вліяніе на это судопроизводство. Апелляціи, вносимыя деревнями въ высшіе суды, въ XV вѣкѣ вообще не весьма частыя, въ XVI совершенно исчезаютъ, и ихъ мѣсто занимаетъ апелляція къ суду хозяина деревни.

Войты по городамъ и солтысы въ деревняхъ подчинялись—если дѣло касалось вопросовъ, вытекающихъ изъ солтысихъ отношеній,— какъ и раньше ленскимъ судамъ германского закона, состоящимъ обыкновенно изъ семи солтысовъ. Такихъ судовъ образуется довольно много; къ вѣдомству ихъ относится тоже, что и къ высшимъ судамъ, такъ какъ обыкновенно ленный судъ былъ одновременно и высшимъ. Очевидно, по мѣрѣ выкупа солтыствъ, исчезаетъ и значеніе этихъ ленныхъ судовъ.

Что касается, однако, германскихъ законовъ, которыми руководятся эти суды, то это даже въ XIV вѣкѣ не были вполнѣ чисто-германскіе законы. Они представляютъ изъ себя особый типъ польскихъ: рукописи «саксонскихъ» или «магдебургскихъ» законовъ отличаются довольно рѣзко отъ германскихъ. Возникаютъ особые своды ортилей, исключительно польско-нѣмецкихъ и собственная польская литература по этимъ законамъ. Въ XVI вѣкѣ Сигизмундъ I стремится даже къ кодификаціи этихъ законовъ, однако до этого дѣло не дошло.

Евреи остались при своихъ особыхъ судахъ. Тяжебныя дѣла между евреями решали еврейскіе суды (даяновъ), въ особенности, если дѣло касалось мел-

кихъ вопросовъ. Болѣе значительные споры, а также тяжбы христіанъ противъ евреевъ шли въ судъ подвоеводы, замѣстителя воеводы, рядомъ съ которыми засѣдалъ обыкновенно еврейскій судья (христіанинъ) и еврейскій писарь. Самыя важныя дѣла и апелляціи рѣшались самъ воевода, являющійся отъ времени до времени въ эти суды. Въ частныхъ же и въ мелкихъ королевскихъ городахъ уже въ XVI вѣкѣ евреи были подчинены суду владѣльца города (констит. 1539 г.) и отчасти старосты.

Казна. Казна въ принципѣ остается въ теченіе этого периода нераздѣльной, хотя уже замѣчаются попытки къ ея раздѣленію. Обыкновенные доходы продолжаютъ стекаться въ казну, управляемую короннымъ, отчасти же, при его замѣстительствѣ, придворнымъ казначеемъ; но уже въ XV столѣтіи, въ случаѣ назначенія новыхъ податей, завѣдываніе суммами, поступающими отъ нихъ, передается иногда въ руки специальнно выбранныхъ казнохранителей, которые обязаны выдавать ихъ только на извѣстныя, указанныя заранѣе цѣли. Въ началѣ правленія Сигизмунда I выдача суммъ на нужды двора выдѣляется изъ общаго казнайчества и поручается исключительно придворному казначею. При двухъ послѣднихъ Ягайлахъ сеймы начинаютъ требовать отчета въ суммахъ, собранныхъ въ подати, предназначая ихъ единственno для государственныхъ цѣлей. Наконецъ, въ 1563 г. образуется особая казна, такъ называемая равская (хранимая въ Равѣ), какъ источникъ исключительно государственныхъ расходовъ. Это уже шагъ

отан. КУТИШЕВА.

впередъ. Но окончательное раздвоеніе казны на королевскую и государственную совершилось только въ началѣ слѣдующаго періода.

Среди доходовъ, поступающихъ въ казну, слѣдуетъ различать обыкновенные и экстренные. Источникомъ обыкновенныхъ являются: 1) имѣнія, весьма обширныя, несмотря на то, что короли постоянно раздаютъ ихъ. Имѣнія эти находятся подъ властью старостъ въ великопольскихъ и русскихъ областяхъ и краковскихъ намѣстниковъ въ Малопольшѣ; платить они или опредѣленный годовой оброкъ, или держать эти помѣстья *ad fideles manus* — «въ вѣрныхъ рукахъ». Но иногда короли закладываютъ эти имѣнія за извѣстную сумму, и залогодатель имѣеть право пользоваться доходами съ имѣнія вплоть до выкупа послѣдняго. Закладываются также и мелкие участки помѣстій, исключенные изъ-подъ власти старостъ, или намѣстниковъ, даже отдельныя деревни. Такіе же мелкие участки отдаются короли въ аренду, очевидно съ маленькимъ оброкомъ, или же раздаютъ ихъ въ пожизненное владѣніе, такъ называемое голое, т. е. безъ оброка, какъ вознагражденіе за заслуги (*panis bene regentium*). Большиня помѣстья носятъ название «тenuitъ», или негродовыхъ староствъ. Доходы короля изъ этого источника, благодаря щедрой раздачѣ земель, сильно сократились. Въ XV вѣкѣ короли неоднократно, подъ давленіемъ, обязываются не отдавать нѣкоторыхъ земель (напр. сандомирской, намѣстнической) въ залогъ. Однако, только въ 1496 и 1504 гг. было постановлено, что король безъ согласія сейма (отчасти сената) не въ правѣ закладывать государствен-

ныя имѣнія. Когда же, несмотря на это, короли не слѣдовали этому постановленію, то дворянство помѣстило въ число пунктовъ своей политической программы (такъ называемыя «исполненія законовъ»), изданной имъ во время Сигизмунда-Августа, экзекуцію измѣненій, т. е. возвращеніе помѣстій, полученныхъ незаконнымъ путемъ. Дворянство провело въ жизнь свою программу, хотя еще не совершенно, на сеймѣ 1563 г. и послѣдующихъ. 2) Соляные копи Krakowskія (bohenскія и вѣлицкія) и русскія. 3) Таможня и пошлины, сборъ которыхъ значительно усовершенствовался. Сюда относятся пошлины съ товаровъ, идущихъ изъ Данцига и Эльблонга, носящія название «фунцоли». 4) Лановая подать, т. е. два гроша съ лана, которая платятъ дворянство и духовенство (нѣсколько больше), на основаніи Кошицкой привилегіи 1374 г. 5) Олькушскіе рудники—сборъ $\frac{1}{10}$ олова и серебра съ этихъ рудниковъ, разработкой которыхъ занимались гварки. 6) Подводный сборъ, уплачиваемый съ 1564 г. королевскими городами взамѣнъ снабженія королевскихъ пословъ подводами. 7) Станціонный сборъ, уплачиваемый королю нѣкоторыми монастырями, городами, евреями, вмѣсто станціи, т. е. содержанія короля, когда онъ находится въ пути. Къ обыкновеннымъ доходамъ причислялись также и такие, которые только изрѣдка поступали въ казну: напр. 8) коронаціонный сборъ, обязывающей королевскіе города нести расходы въ случаѣ коронованія короля или королевы. 9) Доходъ отъ чеканки монеты, если ее чеканили. 10) аннаты и другого рода пожертвованія, идущія въ пользу Царя, которые иногда передавали ихъ въ королевскую казну.

11*

Экстремными доходами являлись подати. Кошицкая привилегія 1374 г. обеспечила свободу дворянъ отъ всякихъ налоговъ, за исключениемъ налога двухъ грошей съ лана. Итакъ, когда король не былъ въ состоянии покрыть неожиданные расходы, напр. въ случаѣ войны, или выкупа земель (Добржинской въ 1404 г.) изъ своихъ доходовъ, онъ былъ вынужденъ обращаться къ дворянству, чтобы оно само на себя наложило подать и отреклось отъ своей привилегіи. Такимъ образомъ, это—не постоянный источникъ дохода, но временный, случайный, требующій всякой разъ особаго созыва и постановленія сейма. Такія подати появляются въ началѣ XV вѣка и становятся все чаще, въ нѣкоторыхъ періодахъ даже ежегодными. Это:
 1) Сборъ—иначе лановое, но взыскиваемое въ гораздо большихъ размѣрахъ. Ихъ платятъ поланно, въ XV вѣкѣ обыкновенно, 12 грошей, но затѣмъ сумма эта возрастаетъ и доходитъ въ концѣ эпохи до 30 грошей, т. е. одного золотого съ каждого лана. Платятъ сборъ только крестьянскіе ланы; хутора же отъ него свободны. Лановый сборъ платили также мельницы, водяныя и вѣтряныя, лѣсопильни, сукновальни и т. д., а впослѣдствіи усадебники и крестьяне, живущіе въ наемныхъ избахъ.
 2) Домовая подать. Это первоначально былъ городской налогъ, уплачиваемый горожанами въ пользу города, съ домовъ, движимаго имущества и ремесль. Въ случаѣ объявленія сбора, города, первоначально, обыкновенно платили какую-нибудь валовую сумму. Но уже въ первой половинѣ XV вѣка казна начинаетъ, въ случаѣ объявленія сбора, брать въ свою пользу вмѣсто оптовой суммы—домовую подать. Та-

кимъ образомъ, подать эта изъ городского налога превратилась въ государственный налогъ съ городовъ. Въ XV вѣкѣ установилась также известная зависимость между размѣромъ общаго сбора и домовой пошлины. 3) Тиза или питейный сборъ. Это потребительный налогъ съ напитковъ (пива, вина, меда и позднѣе—водки). Онъ появляется во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятно по примѣру Пруссіи, и устанавливается обыкновенно одновременно со сборомъ. Исключительно появляется въ формѣ податей 4) часть оброковъ, напр. четверть, уплачиваемая шляхтой, и 5) подушный налогъ, наложенный только однажды, въ 1520 г., по известной таксѣ, на все населеніе государства. Духовенство въ случаѣ установленія сбора даетъ обыкновенно известную общую сумму, какъ добровольное пособіе, называемое *subsidiump charitativum*.

Итакъ, доходы имѣютъ уже характеръ государственныхъ налоговъ. Но они устанавливаются только отъ времени до времени. Постояннымъ государственнымъ доходомъ является только 7) четверть, установленная и введенная сеймомъ 1563 г.; такъ звали часть доходовъ, именно пятую, отдаваемую теперь въ пользу государства всѣми, которые держать королевскія имѣнія въ формѣ староства, аренды или голаго пожизненнаго владѣнія.

По отношенію къ расходамъ: покрывать всякія нужды былъ обязанъ король. Впереди стоитъ содержаніе двора. Но уже въ XV вѣкѣ появляются рекрутскія войска. Король долженъ былъ нести расходы на содержаніе небольшого числа солдатъ, необходимыхъ въ осо-

бенности для защиты восточныхъ границъ—это такъ называемая (въ XVI в.) привычная оборона. Только въ случаѣ войны приходитъ поддержка, въ видѣ по-датей. Специаlьно въ пользу постоянной обороны была назначена съ 1563 г.—четверть. Изъ казны же покрываeтъ король издержки на своихъ пословъ, высылаемыхъ за границу, и иностранныхъ, прѣзжающихъ въ Польшу со времени образованія въ ней польской избы, и сutoчнаго вознагражденія пословъ и въ особенности на многочисленные подарки, подносимые тѣмъ, кто оказалъ услугу королю или государству. За то администрація государства не стоитъ почти ничего, такъ какъ чиновники получаютъ жалованіе преимущественно доходами съ земли, связанной съ должностю; лишь не многіе получаютъ денежное вознагражденіе. О школахъ заботится церковь, отчасти же идутъ на нихъ особыя пожертвованія.

Основой воинской повинности является

Войско.

всеобщее ополченіе (посполитое рушение), въ такомъ видѣ, въ какомъ оно предварительно выработалось. Къ ней обязано все дворянство, на- сколько оно владѣетъ землей. Неосѣдлыхъ не требуютъ въ военную службу. Размѣры службы зависятъ отъ обширности имѣнія, что въ XV вѣкѣ изслѣдуютъ передъ войной особыя комиссіи, т. е. провѣряютъ съ достаточной ли свитой, и въ соотвѣтствующемъ ли вооруженіи явился призванный на войну землевладѣлецъ. Ксенды (въ частныхъ имѣніяхъ) больные, женщины и дѣти поставляли замѣстителей. Въ случаѣ всеобщаго ополченія, города обязаны

были снабжать войска такъ называемыми военными подводами, нагруженными нужными предметами, въ особенности провизией. Кромѣ того, ко всеобщему ополченію призывались солдаты изъ деревень, колонизованныхъ по германскимъ законамъ. Иногда передъ войной издавались особые приказы всеобщаго ополченія, опредѣляющіе точно обязанности, возлагаемыя имъ, порядокъ и пр. Эти приказы имѣли всегда только единовременное значеніе. Въ этотъ періодъ уже только одинъ король имѣлъ право созывать всеобщее ополченіе. Онъ созывалъ его посредствомъ писемъ, такъ называемыхъ «витей». Уже въ XV вѣкѣ принимается и устанавливается обычай тройныхъ витей, т. е. что ополченіе движется въ походъ только послѣ третьихъ витей. Вели его кастеляны и воеводы изъ своихъ воеводствъ, на сборное мѣсто, назначенное королемъ, гдѣ происходилъ «строй». Также и потомъ, во время войны шляхта оставалась подъ знаменами воеводствъ. При Ягайлѣ организуются особые родовые полки, (бандеріи), состоящіе изъ дворянъ одного и того же рода. Но это лишь времененное подражаніе венгерской бандеріальной системѣ. Наказаниемъ за неявку въ походъ была конфискація имѣнія. Съ XV вѣка король поступаетъ такимъ образомъ, что даритъ имѣніе того, кто не участвовалъ въ походѣ, доносчику, который въ свою очередь, путемъ тяжбы въ судѣ, специально для этого назначенномъ королемъ, добивается ввода во владѣніе имѣніемъ виновнаго.

Въ одномъ отношеніи уже въ началѣ этого періода ограничили обязанность военной службы дворянъ. Привилегія 1386 г. ввела различіе между

службой въ предѣлахъ государства и внѣ его. Въ границахъ Польши дворянинъ обязанъ служить на свой счетъ, однако король вознаграждаетъ ущербы, особенно въ лошадяхъ, и выкупаетъ пленныхъ. Въ случаѣ похода за предѣлы края, король кромѣ того платитъ дворянству по пяти гравенъ отъ штыка. То же вознагражденіе обезпечиваются дворянству и послѣдующія привиллгіи; не получивъ его, дворянинъ не обязаны переходить границу государства. Въ этомъ смыслѣ право короля требовать военной повинности было съ этихъ поръ нѣсколько стѣснено. Что касается продолжительности похода, и теперь никакихъ предписаній по этому поводу не было.

Всеобщее ополченіе начинаетъ падать уже въ XV вѣкѣ. Перемѣнился образъ веденія войны—мѣсто кавалеріи занимаютъ всюду пѣхотные полки, перемѣнилась военная тактика, войны делятся цѣлые годы. Въ такихъ обстоятельствахъ, очевидно, всеобщее ополченіе было непригодно и его собираются все рѣже и рѣже. Вслѣдствіе этого, дворянство начинаетъ отыыватьсь отъ войны. Чтобы удержать дворянъ въ исправности, постановили въ 1544 г. люстрацію, т. е. смотръ обязанныхъ ко всеобщему ополченію, а конституціи 1563 и 1564 гг. рѣшили постоянныя, періодическія обозрѣнія, или такъ называемую «явку», что однако помогло немного. По причинѣ же выкупа солтыствъ, исключаются въ XV вѣкѣ изъ всеобщаго ополченія солтысы, представлявшіе хороший военный матеріаль. Центръ тяжести военной силы переходитъ уже къ рекрутскимъ войскамъ. Они появляются въ Польшу въ началѣ XV вѣка, и войны все чаще и чаще ве-

дутся этими войсками. Сначала рекрутские полки набирались только въ случаѣ потребности, на время войны. Но уже при Казимирѣ Ягайлонѣ стало яснымъ, что необходимо содержать хотя незначительную вооруженную силу, но постоянно, въ особенности для защиты восточныхъ границъ государства. Возникаетъ проектъ образования такого постоянного войска, связанный съ мыслию введенія постоянной подати въ пользу войскъ. Однако это не осуществилось. Въ началѣ правленія Сигизмунда I встрѣчается еще болѣе широкій планъ раздѣленія государства на пять округовъ, съ тѣмъ, чтобы эти округа поочередно каждый годъ производили постоянную охрану восточной границы. Но и эти планы разбились, и только небольшой постоянный отрядъ содержится на Руси королемъ, на его собственные средства. Это и есть, такъ называемая, въ XVI в. «обычная оборона». Вопросъ о постоянномъ войскѣ отчасти только рѣшился на сеймѣ 1562/3 года, съ назначеніемъ исключительно на его содержаніе установленной тогда «четверти». Отсюда и вытекаетъ название возникшей тогда постоянной вооруженной силы, содержащей на эти средства—«четвертнымъ войскомъ».

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЪ.

**Характери-
стика периода.** **Застой.** Люблинскій сеймъ 1569 г. опредѣлилъ на долгое время внутренній строй государства, въ особенности взаимное отношение его составныхъ частей. Безкоролевье, послѣ прекращенія династіи Ягайлоновъ, помогло дворянству окончательно уничтожить меж сословное равновѣсіе, уже сильно поколебленное, привлечь перевѣсь на свою сторону, а также совершенно стѣснить и связать королевскую власть, съ которой оно издавна вело побѣдоносную войну за права и привиллегіи. Периодъ, начинающійся съ этого момента, это—эпоха превосходства одного класса—періодъ дворянской «рѣчи посполитой». Характерная его черта — застой въ развитіи. Польша изъ элементовъ средневѣкового строя развивалась нормально, болѣе нормально, нежели государства западной Европы, гдѣ въ XVI вѣкѣ наступаетъ эпоха absolutизма, которая, сокративъ линію развитія, подчиняетъ общественные права власти государства. Эпоха absolutизма составляетъ въ жизни

этихъ державъ переходную стадію, которая въ концѣ концовъ, по истечениіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, приводить вновь къ признанію правъ общества, къ возсоединенію дѣятельности государей съ народомъ въ конституціонныхъ монархіяхъ. Польша этой эпохи не имѣла, однако могла и, очевидно достигла тѣхъ же результатовъ, только инымъ путемъ, а именно посредствомъ дальнѣйшаго развитія общественныхъ правъ. Но развитіе это было одностороннее — шло въ пользу одного сословія, дворянскаго; вместо абсолютизма у насъ является анархія. И не направленіе даже этого развитія было вредно, а направленіе, истекающее изъ условій развитія, и тотъ фактъ, что періодъ этого длится чрезмѣрно долго. Только въ его началѣ Польша обнаруживаетъ способность создавать новые формы быта. Но это вскорѣ прекращается. До половины XVII вѣка Польша живеть и можетъ жить въ условіяхъ, созданныхъ предшествующими столѣтіями. Но, начиная со второй половины XVII вѣка, формы эти становятся мертвыми, не способными удовлетворить требованіямъ жизни. Реформы стали неизбѣжны; надо было преобразовать строй, толкнуть его впередъ. Въ другихъ государствахъ роль эту играетъ абсолютная монархія. У насъ монархъ не имѣлъ для этого достаточно силы, и не могъ имѣть ее, будучи почти лишеннымъ власти. Реформы должно было проводить дворянство, такъ какъ оно имѣло власть, въ его рукахъ находился руль государства. Но дворянство объ этомъ не позаботилось. Всеобщій упадокъ знанія и мысли, отсутствіе правильныхъ возврѣній на нужды государства и ихъ пониманія — вотъ причины той ле-

таргії, въ которой Польша покоится вплоть до 1764 г., когда, наконецъ, появились первыя предзnamенованія новой эпохи. Безплоденъ этотъ періодъ. Нѣтъ новыхъ учрежденій, новыхъ формъ; это—лишь передѣлка наслѣдства, оставленного проплымъ, наслѣдства богатаго, которое, однако, не могло питать общество и государство въ продолженіи цѣлыхъ двухъ столѣтій. Польша, поспѣвающая до этого времени за строемъ западно-европейскихъ государствъ, стоящихъ выше ея въ культурномъ отношеніи, начинаетъ отставать, перестаетъ двигаться впередъ, а слѣдовательно идетъ назадъ.

Дворянство. Дворянское сословіе осталось замкнутоимъ въ себѣ, ревнивымъ къ своимъ привилегіямъ. Доступъ къ нему сталъ еще болѣе труднымъ. Конституція 1578 г. рѣшила, что король можетъ выдавать нобилитацію только на сеймѣ, во время войны; съ 1601 г. титулъ дворянина долженъ быть «объясненъ» конституціей; значитъ, что съ этихъ поръ, для нобилитаціи необходимо постановленіе сейма и притомъ единогласное, какъ и во всякихъ другихъ вопросахъ. Осложнилось также и полученіе индигената (права гражданства). Съ 1641 г. индигенатъ былъ тоже подчиненъ постановленію сейма. Въ XVII вѣкѣ возникаетъ, путемъ обычая, новое понятіе о томъ, что нововозвѣденный дворянинъ получаетъ только такъ называемый «скартабеллатъ», какъ бы половинное дворянство, не дающее ему нѣкоторыхъ правъ, напр., доступа къ должностямъ, такъ что лишь его потомки въ третьемъ поколѣніи уравниваются съ прочимъ

дворянствомъ. Зато дворяне добиваются, чтобы никто не выдѣлялся изъ общаго уровня посредствомъ какихъ ни будь высшихъ титуловъ. Титулами, употребляемыми въ Польшѣ, являлись литовскіе титулы князей, или по западно-европейской номенклатурѣ—принцевъ, которыми пользовались фамиліи, происходящія отъ мелкихъ царствующихъ правителей, столь многочисленныхъ нѣкогда въ Литвѣ и на Руси (а именно—потомки Рюриковичей, Гедиминовичей, литовскихъ Кунигласовъ и пр.), или же западные титулы князей и графовъ, данные нѣсколькоимъ семействамъ въ XVI столѣтіи императорами и папами. Законы этимъ вопросомъ не занимались. Только конституція 1638 г., а за ней другія (1641, 1673) запретили принимать и употреблять всякие титулы, за исключеніемъ тѣхъ семействъ, титулы которыхъ находились въ документахъ Люблинской унії. Но предписанія эти не лишили польскихъ королей права раздавать титулы. Примѣръ этого находимъ уже во времена Баторія, а со второй половины XVII вѣка короли все чаще и чаще создаютъ графовъ и бароновъ; но титулы эти давались всегда семействамъ иностраннымъ,—а именно: итальянскимъ, французскимъ, венгерскимъ и пр., но никогда—польскимъ. Наряду съ титулами было запрещено въ 1638 г. носить ордена, вслѣдствіе чего не существило установление ордена Безгрѣшнаго Зачатія Пресвятой Богородицы, о чёмъ статуты, посланные Владиславомъ XV въ Римъ, были уже въ 1634 г. утверждены папой Урбаномъ XIII. Однако, несмотря на эти ограниченія, въ эпоху сильнѣйшаго разстройства — въ 1705 г. Августомъ II былъ установленъ

первый польскій орденъ Бѣлого Орла. Привилегіи свои дворянство защищало весьма усердно. Оно только пользуется правомъ владѣть землей. Предписанія, запрещающія мѣщанамъ покупать землю, неоднократно еще возобновляются въ теченіе этого периода (1496, 1538 г.г.). Лишь въ видѣ исключенія признавалось право покупки имѣній за краковскимъ мѣщанствомъ, что распространилось впослѣдствіи еще на нѣсколько крупныхъ городовъ — Лембергъ (Львовъ), Вильну и Люблинъ (1658, 1678, 1703). Законы о собственности на нѣдра земли расширяются, насколько это было возможно, устраниая, въ такъ называемыхъ генриховскихъ статьяхъ (1573 г.), право короля на металлы, соль и сѣру и поручая ихъ добываніе владѣльцу земли. Домъ дворянина не подвергается обыску, хотя бы въ немъ скрывался изгнаникъ (1588 г.). Удержался вполнѣ принципъ «*Neminem captivabimus*». Земля подъ усадьбой свободна отъ всякихъ податей, и лишь крестьянскіе ланы платятъ налогъ. Дворянство можетъ также не давать квартиры войску. Тотъ только пользуется полными правами дворянина, у кого есть земля, хотя бы онъ былъ даже принужденъ воздѣливать ее собственоручно, какъ крестьянинъ (сельскіе шляхтичи). Дворянъ, не имѣющихъ земли («голая шляхта») не допускали въ земскіе суды, бывшіе судами исключительно дворянскими; въ теченіе этого периода добивались даже не разъ устраненія «голой шляхты» отъ всѣхъ должностей, даже отъ сеймиковъ. Дворянство не платить таможенной пошлины,—развѣ въ случаѣ установленія такъ называемой генеральной пошлины (что съ XVII вѣка встрѣчается нерѣдко); для своихъ

имѣній оно имѣеть право получать соль изъ соляныхъ копей и таможень по удешевленному тарифу,—право, которое расширяется въ теченіе этого периода, въ большой ущербъ доходамъ короля отъ соляныхъ копей. Обязанности же дворянства относительно государства ограничивались: уплатой лановой подати (2 гроша съ лана), собственно обязательной только для крестьянъ, и службой въ «посполитомъ рушениі», не имѣющей уже теперь ровно никакого значенія.

Хуже, однако, этихъ привеллегій, чрезмѣрно широкихъ, были преобразованія, происшедшія въ эту эпоху въ общественной организаціи дворянства. Въ то время, какъ еще при Ягайлонахъ господствуютъ дворяне, владѣющіе одной или нѣсколькими деревнями, теперь, въ особенности послѣ присоединенія унії русскихъ земель, начинаютъ возникать «латифундіи», начинаютъ властвовать знатные роды въ особенности въ Литвѣ и Украинѣ, отъ которыхъ зависить толпа, все болѣе и болѣе многочисленная, безземельной шляхты. Такихъ «маленькихъ королей» не знала предыдущая эпоха.

Какъ дворянство, такъ и духовенство удерживается въ своемъ привеллегированномъ положеніи. Король оказывается нѣкоторое влияние только отъ того, что въ его власти находится назначеніе епископовъ и аббатовъ. Это право короля подтвердилъ въ своей буллѣ и папа Сикстъ V, въ 1589 г. Относительно же номинаціи аббатовъ, въ концѣ XVI-го вѣка, возникли споры, прекращенные вмѣшательствомъ Рима, который въ 1763 г. далъ ко-

ролю право замѣщать 12 аббатствъ и одно превотство. По отношенію къ дворянству духовное сословіе осталось связано съ нимъ тѣсными узами, постановленіями, созданными предшествующей эпохой и обязывающими попрежнему замѣщать важнѣйшія должности, въ особенности капитульныя и аббатскія—только дворянами. Однако и тутъ возникали споры. Церковные суды, столь ограниченные въ концѣ предыдущей эпохи, еще продолжали служить поводомъ къ жалобамъ. Неоднократно конституціи запрещаютъ вносить свѣтскіе вопросы въ церковные суды. Въ духовныхъ дѣлахъ апелляціи посылались въ Римъ, чemu дворянство всячески противодѣйствовало. Во-просъ этотъ былъ рѣшенъ наряду съ другими спорными пунктами посредствомъ договора съ Римомъ, подтвержденного буллой Урбана VIII въ 1634 г. и конституціей 1635 г. Апелляціи въ Римъ были отмѣнены, и высшей церковной инстанціей въ судебныхъ дѣлахъ явился нунцій (папскій посолъ) въ Варшавѣ. Главнымъ же образомъ стремились ограничить церковь въ расширениі ея территорій въ ущербъ дворянству. Постановленія 1634 и 1635 гг. позаботились и объ этомъ, ограничивъ право основывать новые монастыри, запретивъ отдавать недвижимость и даже отчасти и движимое имущество въ пользу церкви, опредѣливъ налоги съ суммъ, записанныхъ по земскимъ помѣстьямъ въ пользу церкви (такъ называемые «заклады»)—въ 7% и т. д. Такимъ образомъ, были устраниены споры и проведено, хотя отчасти, соглашеніе между сословіями (*compositio inter status*). Однако, и позже вопросы эти нерѣдко поднимались,

давая поводъ къ недоразумѣніямъ, и не разъ еще занимаются ими конституціи (1669, 1676 годовъ и т. д.).

Диссиденты. Если католическая церковь и въ про-
долженіи этой эпохи удержалась въ своемъ привилегированномъ, хотя и нѣсколько ограниченномъ положеніи въ государствѣ, то, по крайней мѣрѣ, относительно другихъ вѣроисповѣданій государство заняло теперь другое законное положеніе, чѣмъ во времена Ягайлоновъ. Въ теченіе первого безкоролевья, такъ называемая варшавская конфедерация 1573 года признала, наконецъ, законнымъ до тѣхъ поръ только фактическое равноправіе всѣхъ иновѣрцевъ (*dissidentes de religione*). Неправильно стали теперь называть христіанъ-некатоликовъ диссидентами, причисляя къ этому названію какъ протестантовъ, такъ и приверженцевъ восточно-греческой церкви, которые, однако, пользовались равноправіемъ и раньше. Несмотря на сопротивленіе клира, конфедерацию подтвердили присягой Генрихъ Валезій, подтвердили и послѣдующіе государи. Съ этого момента иновѣрцы пользуются такою же свободой вѣроисповѣданія, какъ и католики, хотя однако, привилегіями католиковъ они не пользуются. Мѣстъ въ сенатѣ не получали только епископы-уніаты послѣ заключенія такъ называемой Брестской уніи въ 1595 г. На практикѣ, однако, проведеніе въ жизнь принциповъ варшавской конфедерации встрѣчало значительныя препятствія, а въ конституціяхъ при Сигизмундѣ III неоднократно, хотя обыкновенно безполезно, настаи-

вали на исполненіи ея предписаній. Въ XVII вѣкѣ начинается постепенное—путемъ практики—ограниченіе правъ диссидентовъ посредствомъ устраниенія ихъ отъ должностей, главнымъ образомъ, изъ сената. Въ 1658 г. ариане были даже изгнаны изъ Польши, хотя они и не причислены вполнѣ къ диссидентамъ. Хотя фактически уже въ теченіе XVII-го столѣтія были отняты у диссидентовъ права, обеспеченные варшавской конфедерацией, тѣмъ не менѣе, законное ихъ ограниченіе рѣшилъ только сеймъ въ 1717 г., а затѣмъ конфедерация во время безкоролевья въ 1733 г., подтвержденная сеймомъ 1736 г. Имъ ограничили право богослуженія, запретили постройку новыхъ храмовъ и мѣстъ сборищъ, устранили ихъ отъ всякихъ должностей, какъ коронныхъ, такъ воеводскихъ и гродскихъ, перестали принимать ихъ въ послольскую палату и въ суды. Это являлось законнымъ подтвержденіемъ тѣхъ ограниченій, которыя на практикѣ водворились гораздо раньше. Предписанія эти касались равнымъ образомъ немногочисленныхъ уже протестантовъ, какъ и болѣе численныхъ дисуніановъ.

Города. Въ городскомъ строѣ не мѣняется почти ничего, если говорить объ основныхъ формахъ городской организаціи. Править продолжаютъ думы и суды старшинъ (лавы), при участіи мѣщанства въ важнѣйшихъ вопросахъ. Но положеніе городовъ ухудшается. Причины, о которыхъ говорилось раньше, существующія уже въ XVI-мъ столѣтіи, не выступаютъ столь ярко даже при послѣднихъ двухъ

Ягайлонахъ; сильное развитіе деревень въ экономическомъ отношеніи, благосостояніе, введенное въ страну экспортомъ хлѣба,—способствовали къ тому, что города не чувствовали, что теряютъ почву, на которую опиралось ихъ существованіе и даже, нѣкоторое время, ихъ блескъ. Но причины эти продолжаютъ дѣйствовать. Внутренняя организація разстраивается все сильнѣе и сильнѣе, требуя настоятельно реформъ. Между тѣмъ, города пытаются пособить злу посредствомъ еще большей замкнутости относительно чужихъ элементовъ, путемъ борьбы съ евреями и пр., ищутъ причинъ упадка въ постороннихъ обстоятельствахъ, или въ тѣхъ отношеніяхъ, которые сами по себѣ были слѣдствіемъ болѣе глубокихъ поводовъ къ паденію. Торговля переходитъ въ руки дворянства, вывозящаго теперь свой скотъ, золу, хлѣбъ и т. д. непосредственно, или черезъ данцигскихъ купцовъ, которые, благодаря направленію торговыхъ путей къ устью Вислы, пользуются своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Отъ транзитной торговли остались лишь слѣды, торговля польскихъ городовъ ограничивается посредничествомъ въ привозѣ товаровъ извнѣ страны, изъ-за границы, въ чемъ она должна была соперничать съ Данцигомъ, въ особенности. Отсутствіе охранной таможни убиваетъ цеховую промышленность, иностранныя издѣлія наполняютъ рынки; цехи падаютъ. Безполезно было возобновленіе предписаній о правѣ складовъ (конституціі 1609, 1611, 1629 гг.), старающихся воскресить отжившія уже, несоответствующія эпохѣ учрежденія. Причины, дѣйствующія вообще, имѣли особенное значеніе для большихъ го-

родовъ. Но и менышіе, имѣющіе въ виду мелкую мѣстную торговлю, также падаютъ. Основой ихъ существованія служила ихъ экономическая связь съ окрестными деревнями. Теперь, не только вредно дѣйствуютъ на нихъ вліянія, о которыхъ говорилось выше, но и деревня, въ теченіе этого періода, начинаетъ все больше и больше замыкаться; узы, связывающія ее съ ближайшимъ рынкомъ, ослабляются. Въ деревняхъ возникаютъ винокурни, до сихъ поръ существующія только въ городахъ; владѣлецъ деревни, пользуясь своей властью, начинаетъ становиться посредникомъ въ покупкѣ и продажѣ товаровъ своей деревни, является и второй посредникъ въ торговлѣ, въ лицѣ еврея-корчмаря. Городъ становится все менѣе и менѣе нужнымъ деревнѣ. Свое спасеніе горожане видятъ въ изгнаніи евреевъ, въ увеличеніи числа ярмарокъ и рынковъ, какъ будто это могло устранить зло, усилить сбытъ товаровъ и пр. Формы ошибочно принимались за сущность, но, замѣнить эту сущность онѣ не могли.

Внутреннее безсиліе городовъ дѣлаетъ невозможной самозащиту ихъ противъ внѣшнихъ вліяній, все болѣе и болѣе стѣсняющихъ ихъ. Частные города, гдѣ нерѣдко владѣльцы съ самого начала имѣли широкія права, теперь распоряжаются въ нихъ точно такъ же, какъ въ деревняхъ—замѣщаются должности, издаются обязательныя для всѣхъ постановленія, рѣшаются апелляціи и пр. Самоуправліеніе, собственно говоря, исчезаетъ совершенно, превращается въ пустую внѣшнюю форму. То же самое произошло и въ королевскихъ городахъ. Уже конституція 1565 г. по-

становила, что города обязаны давать старостѣ отчетъ въ доходахъ. Цѣль конституціи была вполнѣ правильна: финансы городовъ нуждались въ контролѣ. Но конституція эта, возобновляемая неоднократно (въ 1566, 1567, 1620 и 1631 гг.) и установленная въ концѣ концовъ, несмотря на сопротивление городовъ, довела до того, что всѣ города, за исключениемъ самыхъ крупныхъ, попали въ зависимость отъ старостъ, которые обращали ее въ свою пользу, не заботясь объ интересахъ города и государства. Сильнѣе становится также и вліяніе воеводскихъ прейскурантовъ. Издаютъ ихъ обыкновенно воеводы. Лишь нѣсколько разъ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка, сеймы составляютъ общіе прейскуранты. Въ 1593 и 1611 гг. сеймъ постановилъ таксу на вино, въ 1620 г. общую таксу на заграничные товары, а въ 1621, 1623, 1627, 1633, 1643 и 1667 гг., были назначены особыя комиссіи, которымъ поручено было установление цѣнъ, но только для товаровъ, привозимыхъ въ Польшу. Не всѣ исполнили свою задачу, а комиссія 1643 г. вместо прейскуранта издала лишь положеніе—совершенно неправильное и, на практикѣ, вѣроятно, вовсе не принятное, о томъ, что мѣстный купецъ можетъ брать отъ товаровъ 7% прибыли, иностранный 5%, а еврей 3%. Значеніе этихъ комиссій было не велико, и однако воеводскіе прейскуранты повторяются все чаще и чаще, и навязываемые извнѣ, властью, не знающей въ достаточной степени условій торговли, дѣйствующей въ пользу одной только стороны, т. е. дворянства, противъ лишенныхъ оборонительной силы мѣ-

щанъ, не могли не вліять тоже весьма неблагопріятно на развитіе городовъ.

Въ то время, какъ виѣшніе факторы, владѣлецъ города, староста, воевода, разрушали свободу городовъ, въ особенности мелкихъ, внутреннее ихъ управление разбивалось, въ большихъ, преимущественно городахъ, такъ называемыми «юридиками». Уже при Сигизмундѣ стали появляться привилегіи въ пользу отдельныхъ лицъ, осѣдлыхъ въ городахъ, и исключающія ихъ дома и ихъ лично изъ судебнаго вѣдомства и вообще изъ-подъ городской власти и подчиняющія ихъ земскимъ или гродскимъ судамъ. Города возстали противъ этого, главнымъ образомъ Krakowъ, который даже добился уничтоженія такихъ, уже изданныхъ, привилегій. Быть можетъ, болѣе широкое развитіе послѣднихъ, предпринятое по извѣстному плану, могло бы преобразовать соотвѣтствующимъ образомъ городской строй. Однако, системы въ этомъ не было, а подобного рода исключенія вводили только безпорядокъ въ городскія учрежденія. И позднѣе встрѣчаются такія привилегіи, обыкновенно, сопровождающія такъ называемый «сервиторіатъ», т. е. зачисленіе данного лица на службу короля. Наряду съ этимъ дворянство, начинающее все чаще и чаще покупать дома въ крупныхъ городахъ,—о нихъ теперь и идетъ рѣчь,—понемногу уклонялось отъ исполненія городскихъ предписаній на основаніи своей общей свободы. Кромѣ того дворяне, а часто и духовенство, образуютъ рядомъ съ городомъ маленькую усадьбу съ характеромъ предмѣстій, нерѣдко основанную на особыхъ привилегіяхъ ко-

роля, въ особенности съ XVII-го вѣка. Такія терри-
торіи, расположенные въ предѣлахъ города, или подъ
городомъ, исключенные изъ-подъ власти городскихъ
учрежденій, и назывались юридиками. Онъ разбивали
городской строй, дезорганизовали его. Здѣсь городские
законы не были обязательны, владѣльцы юридикъ,
не уплачивающіе податей, не стѣсняемые городскими
правилами, приносили городамъ значительный вредъ,
посредствомъ своего права питейной продажи въ
ущербъ городскому винному откупу, или же конку-
ренціей ремесленниковъ осѣдлыхъ въ юридикѣ (ча-
сто, такъ называемыхъ «штургалей», т. е. не годя-
щихся въ члены цеховъ) и т. д. Это вызвало сопер-
ничество, весьма ощутительное для городовъ, подры-
вало ихъ, и города не имѣли достаточно силъ, чтобы
бороться съ дворянствомъ и уничтожить юридики.
Послѣдніе, въ особенности съ внутренней стороны,
причинили много вреда такимъ большимъ городамъ,
какъ Краковъ, Варшава и т. д., которые, будучи не-
много сильнѣе другихъ, имѣя нѣсколько болѣе при-
вилегій, сумѣли хотя отчасти защищаться отъ этихъ
внѣшнихъ вліяній, тяготѣвшихъ надъ мелкими горо-
дами, въ особенности отъ господства старостъ.

Эта односторонность общественного развитія
Польши, ростъ одного сословія, и отсутствіе условій,
способствующихъ развитію и укрѣплению городовъ,
вызвали сознаніе подчиненности, низменности город-
ского сословія, на которое стали смотрѣть какъ на
болѣе ничтожный классъ общества. Если уже и
раньше запрещали дворянамъ посвящать себя город-
скимъ занятіямъ, съ цѣлью сохраненія различія между

сословіями (1505, 1550 г.), то въ теченіе этого періода появляются конституції, рѣшающія прямо, что дворянинъ, отдающій себя мѣщанскимъ занятіямъ, или даже принимающій на себя городскую должность, теряетъ право дворянства (конст. 1633 и 1677 гг.). Тотъ же характеръ носять и ограниченія горожанъ, не позволяющія имъ употреблять драгоценные мѣха, богатую одежду и пр. (1613, 1620, 1655, 1659, 1683 и 1764 гг.) Это является выражениемъ презрѣнія къ сословію, за которымъ изъ-за его низменности, не признается даже права роскошно одѣваться. Поэтому неудивительно, что отдѣльныя, болѣе сильныя лица среди горожанъ, въ особенностіи болѣе богатыя, старались при такихъ отношеніяхъ переходить въ дворянство, хотя бы и не всегда законнымъ путемъ,—старались изгладить слѣды своего мѣщанского происхожденія. Уходъ же этихъ, сравнительно самыхъ сильныхъ и культурныхъ элементовъ, еще больше, очевидно, обезсиливаетъ города. А новыхъ силъ не прибывало; дворянне не переходили въ города — развѣ самые слабые элементы дворянства, изъ крестьянской же среды тоже въ города стремиться не могли.

Всѣ эти обстоятельства вліяютъ на упадокъ городовъ. Еще нѣкоторые, благодаря особымъ условіямъ, пользуются до извѣстнаго времени лучшимъ существованіемъ. Когда же, въ половинѣ XVII вѣка возникли политическія смуты, когда приблизительно въ то же время и въ общественныхъ отношеніяхъ произошелъ нежелательный переворотъ, то города весьма быстро клонятся къ упадку, отъ котораго имъ не скоро суждено было подняться.

Крестьяне. Законы связывали крестьянъ уже и раньше. Генриховскіе артикулы 1573 года установили полную власть господина надъ крестьянскимъ населеніемъ, живущимъ въ его имѣніяхъ. Однако, несмотря на огромныя законные ограничения, судьба крестьянъ въ предыдущемъ столѣтіи во все не была такъ тяжела, благодаря тому, что не было обстоятельствъ, принуждающихъ дворянство къ полному использованію этихъ артикуловъ для своихъ цѣлей. Теперь же, въ теченіе этой эпохи, хотя уже нѣтъ почти никакихъ новыхъ постановленій, ухудшающихъ общественное положеніе поселянъ,— тѣмъ не менѣе послѣднимъ живется все хуже и хуже. Вывозъ хлѣба, возрастаю вѣсма быстро при Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV, въ половинѣ XVII вѣка достигаетъ высшей точки своего развитія, именно превышаетъ 100,000 ластовъ¹⁾ въ годъ. Фольварки развиваются все болѣе и болѣе, хотя осталось еще много земли, принадлежащей къ фольварку, но не воздѣланной; однако, въ продолженіе этого периода фольваркъ достигаетъ въ деревнѣ тѣхъ же размѣровъ, относительно пахотной земли, что и пахотныя пространства крестьянъ. Поэтому, теперь больше нуждаются въ работѣ крестьянина. Дворянство пользуется своими привилегіями, чтобы прикрепить крестьянина къ землѣ. Единственно еще законъ о переселеніи даетъ возможность бѣгства, въ особенности на востокъ, гдѣ постоянно нуждаются въ рабочей силѣ для обработки обширныхъ пространствъ, кото-

¹⁾ Ластъ—большая хлѣбная мѣра, до 165 п. (въ XIII в.). Позднѣе ластъ вѣсилъ 120 п., а въ концѣ XV в. уже 90 пуд.

Пр. перев.

рыя стали воздѣлывать только съ конца XVI вѣка. И наконецъ—можно вѣдь было бѣжать къ казакамъ. Противъ такого выселенія крестьянъ на востокъ выступаетъ дворянство въ цѣломъ рядѣ конституцій (1578, 1581, 1611, 1613, 1626, 1635, 1638, 1641, 1685 гг.). Упрощая тяжбу о «бѣглыхъ подданныхъ», назначая (1588, 1613 гг.) «таксу за бѣглыхъ подданныхъ», т. е. вознагражденіе убытка за принятіе въ домъ бѣглого крестьянина — до 500 гривенъ (въ 1523 г. только 10 гривенъ). Отпаденіе казаковъ, уничтоженіе тѣхъ ихъ остатковъ, которые находились при Польшѣ (1699), ослабленіе въ XVIII вѣкѣ военныхъ бурь, которыя способствовали бѣгству и размножали число «бездѣльниковъ» и «вольныхъ» — приковало окончательно крестьянъ къ землѣ. Хозяинъ деревни дѣйствительно является въ ней королемъ, какъ часто самъ себя любить называть. Гибнуть слѣды самоуправленія, владѣлецъ свободно устраниетъ крестьянина отъ земли, отнимаетъ у него его участокъ, и взамѣнъ даетъ ему другой, издаетъ приказы, составляетъ какъ бы своды законовъ для своихъ подчиненныхъ, судить ихъ по своей прихоти, никакихъ апелляцій на него нѣть, крестьянинъ не можетъ подать на него жалобу ни въ какой судъ. Обычаи и законы онъ признаетъ лишь настолько, насколько это является неизбѣжнымъ, лишь были бы какие-нибудь законы въ его деревнѣ. Въ церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ вообще жилось легче, уже съ половины XVII вѣка исчезаетъ возможность жалобъ на того, кто править имѣніемъ. Исключительно въ королевскихъ имѣніяхъ за крестьянами удержалось право подавать, въ случаѣ притѣсненія, жалобы въ

референдарский судъ; но дѣятельность этого суда не простиралась на окраины, напримѣръ на русскую область, и процедура длилась долго и слишкомъ дорого стоила. Въ такихъ условіяхъ, очевидно, обязанности «хлопа» возрастаютъ, такъ какъ «панъ» деревни могъ, пользуясь неограниченной властью, произвольно налагать ихъ. Увеличивается поземельная подать, хотя не черезчуръ сильно; зато, усиливаясь барщины, составляя—за небольшими исключеніями въ виду особыхъ обстоятельствъ—главное бремя для крестьянина. Общій нормы дѣйствительно нѣтъ. Различнымъ образомъ сформировалось отношеніе тяглой барщины—со скотомъ—къ «пѣшай»—безъ скота. Но въ общемъ барщина эта очень высока. Въ XVIII вѣкѣ тяглую барщину можно, кажется, свести до двухъ дней въ недѣлю съ четверти лана, т. е. до 8 дней съ лана, хотя иногда она достигаетъ четырехъ дней съ четверть лана, т. е. 16 дней съ лана. Кромѣ того, крестьяне помимо «дней» снабжаются владѣльца подводами и множествомъ мелкой дани въ формѣ хлѣба, курицъ, яицъ, пряжи и т. д. Рабочіе дни тщательно зачисляются, а затѣмъ ими пользуются въ случаѣ серьезной потребности; обыкновенно же въ важныхъ случаяхъ на толоку и шарварокъ должно идти населеніе, не обязанное къ «днямъ» (крайняя нужда, помощь). Наконецъ, въ теченіе этого периода «панъ» развиваетъ свое право торговли напитками, послѣ выкупа солтыствъ, которымъ обыкновенно принадлежала корчма. Только панъ можетъ варить пиво, гнать водку, содержать шинокъ, ни откуда больше брать вина нельзя, нельзя даже пить винъ панской корчмы. Хозяинъ принуждаетъ также

крестьянъ покупать известное количество водки и пива въ случаѣ свадьбы, крестинъ и пр. Кроме того, помѣщики приобрѣтаютъ себѣ мельничное право, т. е. запрещаютъ молоть хлѣбъ помимо господской мельницы, и даже иногда крестьянинъ только въ хозяйствѣ дворѣ можетъ продавать свои продукты, и только тамъ покупать то, что ему нужно. Деревня замыкается, возвращается на пути развитія къ временамъ естественного хозяйства, она должна удовлетворяться сама собой, создавать для себя отдельный мірокъ.

Но несмотря на все это, крестьянинъ не перестаетъ быть лично свободнымъ. Онъ еще не рабъ, какъ иногда говорятъ, онъ обладаетъ правоспособностью, у него есть движимое имущество, принадлежащее ему лично, отнять которое никто не имѣеть права; онъ можетъ «выкупить» иногда участокъ, на которомъ сидѣть, и такимъ образомъ приобрѣсти на него наследственное право; обязанности, связывающія крестьянина, еще не отнимаютъ у него характера человѣка свободного.

Однако, подобное ограниченіе его правъ, прикрѣпленіе къ деревнѣ, подчиненіе волѣ и даже произволу пана—ослабляетъ рвение крестьянина къ труду, его самодѣятельность и старательность. Онъ не идетъ впередъ въ своеемъ хозяйствѣ, скорѣе идетъ назадъ. Отсюда, хотя налоги и барщина крестьянъ усилились, все-таки съ половина XVII вѣка экспортъ хлѣба уменьшается, и въ XVIII вѣкѣ рѣдко достигаетъ 30.000 ластовъ въ годъ, чemu впрочемъ содѣствовалъ и застой въ дворянскихъ хозяйствахъ.

Но, главнымъ образомъ, на дурное положеніе крестьянина вліяютъ два фактора: распаденіе хозяйствъ и отсутствіе культуры. Если при Ягайлонахъ крестьяне сидѣть на лановыхъ и полулановыхъ участкахъ, то въ теченіе этого периода хозяйства постоянно уменьшаются. Населеніе растетъ, и находить себѣ лишь единственный путь—эміграцію, именно на Востокъ, чemu со своей стороны дворянство старается всячески противодѣйствовать. Съ другой же стороны, отсутствіе промышленности, застой и даже упадокъ городовъ заставляютъ излишнее населеніе сидѣть по деревнямъ: уйти ему некуда. На увеличеніе населенія смотрятъ дворянинъ благосклонно, такъ какъ усиливается вмѣстѣ съ этимъ число рабочихъ рукъ для мызного труда. Въ исключительныхъ лишь случаяхъ встрѣчаются ограниченія относительно дробленія хозяйствъ въ концѣ периода: насколько теперь можно судить, лановыхъ участковъ почти что нѣть, полулановые—весьма немногочисленны, крестьяне сидѣть на четверть-ланкахъ, и даже часто на какихъ-нибудь нѣсколькихъ моргахъ.

Раньше, въ XIV и XV вѣкахъ, въ деревнѣ не было почти вовсе безземельного населенія: ни «загродниковъ»—имѣющихъ, кромѣ избы, лишь небольшой огородъ, ни «бобылей»—имѣющихъ одну только избу, ни «коморниковъ», наконецъ, нанимающихъ квартиру въ чужой хатѣ. Въ XVI вѣкѣ такое населеніе усиливается и въ теченіе этой эпохи замѣтно растетъ. И оно подчиняется крѣпостной зависимости, несетъ рядъ повинностей въ пользу пана, главнымъ образомъ барщину, образуетъ собственно рабочій классъ.

И у крестьянъ-землевладѣльцевъ экономической отношенія подверглись, среди данныхъ условій, кореннымъ измѣненіямъ. Раньше за право владѣть землей крестьянинъ обязывался платить известные налоги, подати и пр., теперь онъ становится, собственно говоря, работникомъ помѣщика, что является основой отношеній между ними, земля же начинаетъ принимать характеръ вознагражденія его за трудъ. Въ этомъ раздробленіи хозяйствъ, въ экономическомъ подчиненіи крестьянина интересамъ фольварка слѣдуетъ искать главной причины паденія деревни. Если бы крестьяне съумѣли удержать свои хозяйства въ прежней мѣрѣ, то, несмотря на усиленныя обязанности, судьба ихъ не была бы такъ тяжела. Повинности уменьшались по направленію къ востоку; чѣмъ, однако, дальше на востокъ, чѣмъ, слѣдовательно, лучше экономически стоялъ крестьянинъ, владѣя болѣшимъ хозяйствомъ, и отдавая меныше хозяину, тѣмъ ниже, зато, стоялъ уровень просвѣщенія и культуры, такъ что все-таки на западѣ крестьянину жилось сравнительно лучше. Не слѣдуетъ, однако, полагать, что въ Польшѣ было хуже, нежели за ея границами, на западѣ, или на востокѣ. Подданство существовало и тамъ, нерѣдко гораздо болѣе суровое. Чаще въ Польшу бѣгутъ иностранные крестьяне, чѣмъ наоборотъ. Но такое положеніе дѣлъ длилось у насъ черезчуръ долго, почти до конца существованія государства, между тѣмъ какъ на западѣ реформы начались значительно раньше.

Евреи. Основой организаций евреевъ остались тѣ же гмины (кагалы). На мѣсто исчезнувшего европейскаго сеніората, появляются при Стефанѣ Баторіи постоянные еврейскіе съѣзды, такъ называемые «синоды четырехъ краевъ» (т. е. Великопольши, Малопольши, Руси съ Подольской областью и Волыни съ Украиной), собиравшіеся обыкновенно во время ярмарокъ въ Люблинѣ и Ярославлѣ. Участіе въ синодѣ принимаютъ представители гминъ и раввины. Съѣзды эти решали дѣла внутренней автономіи еврейскихъ гминъ и въ то же время являлись посредникомъ между евреями и государствомъ. Одною изъ главныхъ задачъ синода было равномѣрное распределеніе податей, налагаемыхъ на евреевъ гуртомъ. Однако, въ продолженіе этого периода еврейская автономія ослабѣваетъ. Воевода, имѣющій донынѣ лишь надзоръ надъ гминами, начинаетъ посредствомъ своихъ органовъ (подвоеводьяго) все болѣе и болѣе вторгаться во внутрення дѣла гминъ, употреблять свои права для своей личной пользы. Впрочемъ, только въ самыхъ крупныхъ городахъ евреи удержались подъ верховной властью воеводы; ихъ все-таки защищали королевскія привилегіи, какъ генеральныя, болѣе раннія, впослѣдствіи не разъ подтверждаемыя, такъ и другія, издаваемыя въ пользу отдельныхъ гминъ. Въ XVIII вѣкѣ евреи создаютъ какъ бы краткіе своды законовъ, опираясь на эти привилегіи: одинъ для Великопольши, другой для Малой Польши. И воеводы также опредѣляютъ закономъ свое отношеніе къ гминамъ, главнымъ образомъ, права и задачи своихъ чиновниковъ въ увеличивающихся постоянно воевод-

скихъ постановленіяхъ. Но въ мелкихъ городахъ евреи были подчинены власти старость, въ частныхъ же владѣніяхъ зависѣли всецѣло отъ пановъ, которые могли произвольно разрѣшать имъ жительство въ своихъ помѣстьяхъ, на условіяхъ, ими же назначаемыхъ. Всеобщій экономической кризисъ отразился и на еврейскомъ населеніи. Оно расло, а мѣста для него не хватало. Евреи старались расширить свои занятія, но этому противодѣйствовали города, недоброжелательно смотрѣвшіе на такое соперничество, и даже находившіе въ немъ причину паденія ремесленного промысла. Поэтому увеличивается число дорого оплачиваемыхъ евреями договоровъ съ городами, опредѣляющихъ ихъ права; но въ городѣ евреямъ становится тѣсно, ихъ тамъ уже черезчуръ много. И вотъ, въ XVII в. они въ большомъ числѣ уходятъ въ деревни, осѣдаютъ по корчмамъ. Появляется типъ «жида-корчмаря». Но это все не помогло. Положеніе евреевъ въ XVIII в. весьма печально, кагалы ихъ отягчены громадными долгами.

Основы, созданныя въ области государственного строя Ягеллонской эпохой, а главнымъ образомъ сеймомъ 1569 г., продолжаютъ поддерживать государственную организацію. Государство состоить собственно изъ двухъ равноправныхъ частей: Польши и Литвы съ фактическимъ превосходствомъ на сторонѣ Польши. Но и нѣкоторыя ея составные части имѣютъ свои опредѣленныя закономъ особенности. Пруссія, во-первыхъ, несмотря на то, что приняла въ 1598 г. польскіе законы (суды)

хотя только отчасти (такъ наз. прусская корректура), основы отношеній Польши къ Литвѣ, какъ ихъ опредѣли въ Люблинской унії, несмотря на борьбу, которую ведеть еще нѣсколько времени Литва, все-таки удержались безъ измѣненія. Точнѣе сформировались лишь отношенія Инфлянта къ Польшѣ и Литвѣ. Реорганизацію Инфлянта проводить уже въ 1582 г. Баторій, но только конституція 1598 г. сравняла ихъ окончательно съ Польско-литовскимъ строемъ, введя и туда воеводства (венденское, дерптское, перновское), земскія должности, сеймики и пр., и причисливъ воеводъ и кастеляновъ къ польскому сенату. Исчезла самостоятельность казны: годовые доходы должны были съ этихъ поръ поступать поочередно, то въ польскую, то въ литовскую казну. Также и высшія должности (маршаловъ и т. д.) поручались попеременно польскимъ и литовскимъ сановникамъ. Но уже приблизительно въ 1617 — 1625 г. Польша утратила значительную часть Инфлянтовъ въ пользу Швеціи, хотя формально они были отняты у Польши лишь по Оливскому трактату въ 1660 г. — Но и потомъ въ Инфлянты назначались воеводы, кастеляны и пр., какъ будто они еще принадлежали Польшѣ. Лишь конституція 1677 г. устранила ихъ, образовавъ въ Инфлянтахъ одно воеводство — инфлянтское и одно земское чинонаачале. Тогда тамъ было введено и польское судебное право, вмѣстѣ съ литовскимъ статутомъ. Подчиненіе Инфлянтовъ обѣимъ половинамъ го сударства удержалось все-таки независимо отъ Швеціи.

Изъ удѣльныхъ владѣній за Польшей осталось одно княжество Курляндское. Послѣ пресѣченія- лист. Кутшева.

нії Кеттлера (1738 г.) княжество это должно было соединиться съ Польшой, на основаніи конституції 1589 года. Несмотря на это, княжество, въ видѣ лена, было отдано Бирону и его потомкамъ. Зависимость эта удержалась въ той формѣ, въ какой она опредѣлилась въ 1561 году, и лишь въ 1639 г. была прибавлена обязанность уплаты дани 10.000 флор. въ случаѣ назначенія въ Польшѣ рекрутскаго набора. Княжеская Пруссія остается еще нѣкоторое время какъ ленное княжество въ рукахъ Аnsбахской линіи Гогенцоллерновъ. Курфюрстская линія однако добилась путемъ актовъ 1578, 1589, 1605 и 1609 г.г. подтвержденія правъ на этотъ ленъ въ случаѣ пресечения Аnsбахской линіи, и даже временнаго правленія (регенціи), когда послѣдній членъ этого дома не могъ самъ править вслѣдствіе умственной болѣзни. Въ 1611 г. линія курфюрстская окончательно получила княжество Курляндію на вассальныхъ условіяхъ, хотя потомокъ Аnsбахского дома былъ еще въ живыхъ, такъ что послѣ его смерти (1618 г.) Янъ Сигизмундъ сразу взялъ власть въ свои руки, какъ представитель курфюрстерской семьи. Болѣе крупныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ ленной зависимости, не произошло. Единственно въ актахъ 1605 и 1611 г. князя обременили нѣсколько большими повинностями, а именно — снабженіемъ короля въ случаѣ войны судами (лишь четырьмя), и годовой податью—30.000 фл., въ случаѣ же рекрутскаго набора въ Польшѣ еще 30.000 фл. Зато ограничилось числоapelляцій на княжескій судъ къ королю — до важнѣйшихъ вопросовъ свыше 500 фл. и право короля выдавать охран-

ныя грамоты прусскимъ подданнымъ. На практикѣ же съ момента возвращенія въ Пруссіи курфюрстской линіи зависимость стала номинальной. Окончательно узель этотъ былъ разрубленъ Велявскимъ трактатомъ 1657 года. Князь прусскій пересталъ считаться вассаломъ Польши: феодальное отношеніе замѣнилось союзомъ. Однако было постановлено, что въ случаѣ пресъченія курфюрстской династіи, княжеская Пруссія возвращается Польшѣ.

Королевская Во главѣ государства продолжаетъ стоять власть, элек- король, но королевская власть теперь пред-
чи и безкор-ставляетъ изъ себя лишь часть той власти,
левья. которою нѣкогда пользовались Ягайлоны. Польша является въ полной мѣрѣ монархіей избирательной. Если раньше законный принципъ избранія былъ нѣсколько ограниченъ вслѣдствіе отношенія къ Литвѣ, на которую Ягайлоны сохранили свое наследственное право, такъ что въ Польшѣ въ предѣлахъ избранія удержалось право наслѣдства на престолъ лишь среди членовъ царствующей семьи, то теперь не существуетъ въ этой области никакихъ ограничений. Генриховскіе артикулы 1573 года постановляютъ даже, что при жизни короля нельзя выбирать наследника, и это постановленіе повторяется и послѣдующими конституціями (1576, 1593, 1607, 1662, 1667, 1670 г.г.). Способъ избранія при Ягайлонахъ не былъ точно опредѣленъ. Онъ выработался во время двухъ первыхъ избраній, и принципы, одержавшіе верхъ тогда, послужили основой для послѣдующихъ. Періодъ, продолжающійся съ момента смерти короля до коро-

нація наслѣдника, носить название межкоролевья — (*interregnum*). Во главѣ государства становится примасъ — первый сановникъ, несмотря на стремленіе, выразившееся въ теченіе первого межкоролевья — поручить эту власть коронному маршалу. Какъ замѣститель короля, примасъ носитъ титулъ «межкороля» (*interrex*). Во время первого межкоролевья воеводства, съ цѣлью создать временное правительство, соединялись между собой въ конфедерациі, или такъ называемые «каптуры», имѣющія главной задачей сохраненіе спокойствія и безопасности. Затѣмъ, примасъ, извѣщая письменно (универсалами) о смерти короля, въ то же время назначалъ и срокъ сеймиковъ, установленныхъ каптурами. Немногія предписанія, касающіяся избранія короля, въ эпоху Ягайлоновъ не предвидѣли никакого другого сѣѣзда, кромѣ избирательного сейма. Въ теченіе первого межкоролевья послѣ многихъ неудачныхъ сѣѣзовъ, дѣло въ концѣ концовъ свелось къ сейму, имѣющему всѣ признаки обыкновенного. Чтобы, однако, изгладить противорѣчіе между закономъ, не признающимъ такого сейма, и фактамъ его созыва,—противорѣчіе, которое особенно сильно подчеркивала Литва,—сѣѣздъ этотъ назвали не просто сеймомъ, но «созывнымъ» сеймомъ, или конвокаціей. Отсюда утверждается обычай такого сейма, созываемаго примасомъ немедленно послѣ смерти короля. Задача созывного сейма, происходящаго всегда въ Варшавѣ—подготовить избраніе. Рѣшенія его носятъ название конфедераций, такъ какъ защищать данное постановленіе обязывались специально и лично всѣ принимающіе участіе въ этомъ сеймѣ. Поэтому-то конфедерациі до-

стигается даже въ случаѣ распаденія сейма. Въ особенности первая конфедерация 1573 г. — заключаетъ весьма важныя постановленія, среди которыхъ находимъ и постановленіе о диссидентахъ. Конвокація назначала новые сеймики и избирательный сеймъ. Въ сеймъ этотъ звали, за исключениемъ первого межкоролевья, депутатовъ, какъ вообще и въ другіе сеймы. Избирательный сеймъ отличается отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что главнымъ предметомъ его совѣщаній является вопросъ объ избраніи короля (въ элекціонномъ сеймѣ принимаютъ иностранныхъ пословъ, рѣшаютъ экзорбитациі, т. е. предписанія, цѣль которыхъ исправить нарушеніе закона королемъ, составляютъ *racta conventa* и пр.). Совѣщаніе происходитъ въ полѣ: сенатъ засѣдаетъ подъ «навѣсомъ», рядомъ съ навѣсомъ — посольская палата въ «кругу», ограниченномъ валами. Продолжительность сейма опредѣлялась обыкновенно заранѣе конвокацией. Сеймъ собирается подъ Варшавой, въ окрестностяхъ деревни Воли.

Самое избраніе составляетъ совершенно особый актъ. Во время первого межкоролевья верхъ одержало правило не новое, признанное уже и раньше — относительно участія въ избраніи всего дворянства, т. е. голосованія *«viritum»*. Во время сейма съѣзжается шляхта со всего государства, хотя часто воеводства на сеймикахъ рѣшаютъ, что участіе въ избраніи короля примутъ только депутаты. Шляхта окружаетъ «кругъ» верхомъ, обыкновенно въ полномъ вооруженіи. Въ день, назначенный сеймомъ, сенаторы и депутаты расходятся по своимъ воеводствамъ, такъ что

подъ «навѣсомъ» остается одинъ примасъ. Шляхта подаетъ голоса. Выборъ можетъ рѣшиться только единогласно. Въ случаѣ, если ни одна сторона не хочетъ уступить — выборы разбиваются, каждая партія отдельно выбираетъ «кандидата» (*electa*), а судьбу послѣднихъ решаетъ борьба между ними. Послѣ провозглашенія примасомъ выбора, составляется избирательный дипломъ. Завершается совѣщаніе избирательнымъ сеймомъ, который назначаетъ день коронаціи.

Коронація оканчиваетъ межкоролевье. Она проходитъ въ Краковѣ, во время коронаціоннаго сейма, который ведется, слѣдя всѣмъ обыкновеннымъ формамъ. Только обрядъ торжественной коронаціи короля, имѣющій религіозный характеръ, даетъ монарху его полныя права. Король послѣ коронаціи даетъ подтвержденіе законовъ (*confirmatio generalis*), свидѣтельствуетъ отдельно о своей присягѣ (*litterae iuramenti praestiti*) и извѣщаетъ о совершенніи коронаціи (*denuntiatio regis coronati*).

Избраніе ввело уже и раньше договоръ, какъ основу вступленія на престолъ. Народъ, который назначаетъ короля, имѣетъ право ставить этому королю какія угодно условія, можетъ заранѣе опредѣлить границы его власти. И вотъ сразу, первое межкоролевье вводитъ въ жизнь подобныя статьи: это такъ называемые Генриховскіе артикулы и *recta conventa* (1573 г.). Въ этихъ актахъ заключалось признаніе королемъ нѣкоторыхъ основныхъ законовъ строя, отчасти выработавшихся раньше, отчасти только что постановленныхъ; эти предписанія касаются вопросовъ о «се-

наторахъ-резидентахъ», «посполитомъ рушеніи (всебо́щее ополчение), сеймахъ, податяхъ и пр. Въ пактахъ конвентахъ же на короля возлагались извѣстныя обязанности, имѣющія характеръ специальныхъ обязанностей избранника: снабженіе государства денежной помощью, заключеніе союзовъ, воспитаніе определенного числа молодежи заграницей и т. д. Однако это различие между артикулами Генриха и пактами выступаетъ впослѣдствіи еще только одинъ разъ, относительно Стефана Баторія. Въ послѣдующихъ межкоролевьяхъ всякая повинности и ограничения королевской власти были помѣщены только въ пактахъ, которые теперь кромѣ точного определенія главныхъ основъ строя, заключали въ себѣ и личные обязанности избранника. Пакты готовились предварительно избирательнымъ сеймомъ, отдельно для каждого избранія. Однако, на практикѣ позднѣйшіе пакты основываются на предыдущихъ, вводя въ нихъ лишь незначительныя измѣненія. Вслѣдствіе того, что основою королевской власти стала контрактъ, заключаемый съ избранникомъ, явился вопросъ: какое положеніе долженъ принять народъ относительно государя, если тотъ не исполнить своихъ обязанностей, нарушить государственные законы. Въ первый разъ вопросъ этотъ разбирается Генриховскими артикулами, которые решаютъ, что въ такомъ случаѣ народъ имѣть право отказаться отъ повиновенія монарху. Такъ было не исключительно въ Польшѣ. Отвѣтственность короля передъ народомъ давно явилась въ законодательствѣ средневѣковой Европы. И въ Польшѣ вопросъ этотъ возникалъ неоднократно, но окончатель-

ное его рѣшеніе относится къ 1573 г.; это--послѣдній такого рода примѣръ въ Европѣ. Итакъ, правило это удерживается, но впослѣдствіи его точнѣе опредѣляютъ сначала въ конституції 1578 г. относительно того, какими дѣйствіями король нарушаетъ государственные законы (умышленно, произвольно и сознательно), въ конституціяхъ же 1607 и 1609 г. относительно поведенія подданныхъ, предшествующаго окончательному отказу въ повиновеніи королю (троекратное увѣщаніе: 1) примасомъ, сенатомъ и цѣлымъ сеймомъ по конституції 1607 г.—при посредствѣ одного изъ сенаторовъ, 2) сеймикомъ—черезъ депутатовъ и, наконецъ, 3) сеймомъ—по конституціи 1609 г.). Право отказаться отъ послушанія опредѣляется, какъ: *articulus de non praestanda oboedientia.*

Сеймы. Параллельно съ ограниченіемъ королевской власти, все большее и большее значение приобрѣтаетъ уже и такъ сильно укоренившійся сеймъ и сеймики. Сеймъ прежде всего взялъ въ свои руки законодательство, хотя только въ предѣлахъ интересовъ того сословія, которое господствуетъ въ сеймѣ, т. е. дворянства; вопросы же городского строя, внутреннихъ отношеній евреевъ, крестьянского населенія въ королевскихъ владѣніяхъ и т. д., какъ не касающіеся дворянъ, остаются въ предѣловъ конституцій. Зато сеймъ решаетъ множество вопросовъ, относящихся къ администраціи, нобилитациі, индигената и пр. Онъ имѣетъ также полное право контроля въ области управлѣнія государствомъ, какъ со стороны внѣшней политики, такъ и внутренней администраціи.

страції. Сейму также принадлежить право устанавливать экстренные подати; только въ 1717 г. были установлены постоянные налоги. Съ этимъ высокимъ значеніемъ, которое постепенно пріобрѣтаетъ сеймъ, соединяется неизбѣжно опредѣленіе, когда онъ долженъ собираться, а равно періодичность засѣданій сейма, чего раньше не бывало. Въ этой области нѣкоторая постановленія вводятъ Генриховскіе артикулы, а именно: сеймъ долженъ собираться разъ въ два года: въ случаѣ однако надобности, король имѣеть право созвать его и раньше. Такимъ образомъ возникло раздѣленіе сеймовъ на ординарные (каждые два года) и экстраординарные. Срокомъ продолжительности первыхъ назначено было шесть недѣль. Конституція ординарныхъ сеймовъ опредѣляли обстоятельства, позволяющія королю созывать экстраординарные сеймы, но и безъ такого позволенія, въ случаѣ необходимости, король созывалъ сеймы, но непремѣнно съ согласія сената. Эти сеймы были короче, занимались лишь нѣкоторыми вопросами и обставлена были гораздо меньшими формальностями. Для сеймовъ экстраординарныхъ назначался срокъ совѣщаній въ двѣ или три недѣли, позднѣе ихъ собирали всегда на двѣ недѣли, и звали двухнедѣльными, хотя бы они даже и длились нѣсколько дольше. Генриховскіе артикулы указываютъ на Варшаву, какъ на обыкновенное мѣсто съѣзда членовъ сейма, и дѣйствительно сеймы не собираются въ другомъ городѣ, развѣ въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Лишь конституція 1673 г. приказываетъ каждому третьему сейму собираться въ Гроднѣ. Но конвокационные и элекціонные сеймы со-

бирались постоянно въ Варшавѣ, коронаціонный же въ Краковѣ.

Передъ каждымъ сеймомъ, какъ ординарнымъ, такъ и экстраординарнымъ, король обязанъ былъ собирать предварительный сеймъ для выбора депутатовъ, такъ какъ полномочія послѣднихъ оканчивались въ моментъ закрытія сейма. Сеймъ состоялъ, какъ и раньше, изъ сената и палаты депутатовъ. Составъ сената увеличился до 150 членовъ, самаго большого числа, при Владиславѣ IV и Янѣ-Казимирѣ путемъ присленія къ нему инфлянтскихъ сенаторовъ (1598 г.), новоустановленныхъ епископовъ и сенаторовъ ново созданного Черниховскаго воеводства; однако, послѣ отпаденія Инфлянты или точнѣе,—послѣ приведенія въ порядокъ этого вопроса (въ 1677 г.) составъ сената уменьшился до 146 чел. Состоялъ онъ, какъ и прежде, изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ и министровъ. Число депутатовъ возрастаетъ вслѣдствіе введенія депутатовъ инфлянтскихъ и черниховскихъ, а также черезъ увеличеніе числа депутатовъ нѣкоторыхъ сеймиковъ и достигаетъ при Саксонахъ высшей цифры—182 (т. е. 128 отъ короны, 48 отъ Литвы и 6 отъ Инфлянтовъ) не считая прусскихъ, число которыхъ было непостоянно, но нерѣдко весьма значительно. Городскихъ депутатовъ почти уже вовсе не встрѣчается, развѣ въ сеймахъ во время межкоролевья, когда, впрочемъ, присутствіе ихъ не играетъ роли, является формой, отголоскомъ прежнихъ, большихъ правъ. Способъ совѣщаній, обычный регламентъ сейма остался въ принципѣ такимъ же, какимъ былъ раньше. Въ конституціяхъ встрѣчаемъ лишь нѣ-

сколько замѣтокъ, касающихся порядка совѣщаній. Конституція 1690 г. ограничивается просто краткимъ перечисленіемъ послѣднихъ. Точнѣе была лишь опредѣлена послѣдовательность отдѣльныхъ дѣйствій сейма, преимущественно второстепенного значенія. Хотя рѣшающее значеніе приобрѣли теперь постановленія депутатской палаты, тѣмъ не менѣе удержались и воты сенаторовъ, совершенно уже лишніе. Единственнымъ, болѣе важнымъ нововведеніемъ было постановленіе конституції 1633 г., впослѣдствіи неоднократно возобновляемое, о томъ, что дней на пять до окончанія сейма обѣ палаты обязаны соединиться съ цѣлью повѣрить согласованіе конституції съ тѣмъ, что ранѣе было постановлено. Но всего этого было недостаточно. Отсутствіе порядка въ совѣщаніяхъ весьма сильно ощущалось, въ особенности потому, что маршалъ (избираемый одинъ разъ для трехъ сеймовъ среди литовскихъ депутатовъ) не имѣлъ достаточно власти для веденія этихъ совѣщаній. Постоянно предлагаемые проекты не привели ни къ какимъ перемѣнамъ къ лучшему. Какъ внутренній складъ сейма и способъ совѣщаній удержались въ тѣхъ рамкахъ, какія выработались для нихъ въ теченіе предыдущаго периода, такъ точно и съ виѣшней стороны сеймъ удержалъ въ полной мѣрѣ свой отличительный характеръ сословнаго сейма, по средневѣковому образцу. Члены сейма представляютъ и обслуживаютъ интересы сословія, а не государства,—послѣдніе лишь настолько, насколько они связаны съ сословными. Замѣчается даже какъ бы шагъ назадъ сравнительно съ сеймами временъ Сигизмунда-Августа. Слѣдствіемъ

такого характера сейма являются инструкції и требование единогласія. Депутаты, это—представители сеймика, который выбралъ ихъ. они не могутъ выступить за предѣлы полученныхъ порученій. А порученія эти, «инструкції» становятся все подробнѣе. Развитіе же ейниковъ, главнымъ образомъ—докладныхъ, еще болѣе связываетъ независимость депутатовъ. Итакъ, единоглаїе является прямымъ результатомъ принципа сословного представительства. Всѣ должны единодушно согласиться на одно и тоже. Лишь единогласное рѣшеніе пословъ и сената, когда съ нимъ согласится и король, становится закономъ.

Протестъ одного члена можетъ не допустить до рѣшенія известнаго постановленія, можетъ также сорвать весь сеймъ. Liberum veto хотя и возникло только въ 1652 г., но можно сказать, что въ сеймѣ 1652 г. оно ярче бросается въ глаза. Liberum veto—это право сорвать сеймъ сопротивленіемъ одного депутата, это—результатъ естественнаго, и даже, можно сказать, вполнѣ правильного развитія средневѣковыхъ понятій о парламентаризмѣ. Но нигдѣ эти понятія не достигли такихъ крайнихъ результатовъ, какъ въ Польшѣ. Если еще въ предыдущую эпоху на такие протесты отдельныхъ депутатовъ мало обращали вниманія, то въ теченіе этого периода право это становится узаконеннымъ, вырабатывается какое-то суевѣрное сознаніе законности veto, опредѣляемаго какъ «зѣница вольности». Польскій парламентаризмъ не съумѣлъ развиться и превратиться въ современный данной эпохѣ, онъ остался на тѣхъ же сословныхъ основахъ и перерабатывалъ эти основы, пока

наконецъ онъ не выродились совершенно. Взглядъ же на liberum veto, какъ на одно изъ основныхъ установлений парламентского строя, — былъ такъ силенъ, что ни одна изъ предполагаемыхъ реформъ сейма, появляющихся въ XVII и XVIII в. вплоть до конца этого периода не рѣшается коснуться его, и хотя реформы совѣщаній въ польскихъ сеймахъ и происходятъ, но, все-таки, всегда только съ сохраненіемъ этого liberum veto.

Сеймики. Характеръ представительства сословий интересовъ, сохранившійся и даже еще глубже укоренившійся въ сеймовомъ строѣ, какъ вліяніе односторонняго развитія государственной жизни Польши, отразился и на отношеніяхъ сейма къ сеймикамъ. Сеймики, начинающіе при Ягайлонахъ терять свое высокое значеніе вслѣдствіе перевѣса значенія сейма, теперь вновь пріобрѣтаютъ все больше и больше правъ, подрывая значеніе сейма. До сихъ поръ ихъ было только два рода: избирательные сеймики король созывалъ для избранія депутатовъ въ сеймъ—следовательно, передъ каждымъ сеймомъ. Такіе сеймики очевидно удержались. Они собираются въ извѣстныхъ разъ навсегда мѣстностяхъ, и бываетъ ихъ около 70 во всемъ государствѣ. Задача ихъ — выборъ депутатовъ, которые въ свою очередь собираются первоначально вмѣстѣ съ сенаторами на такъ называемые сеймики «генеральные» (въ Корчинѣ—для Малопольши и Рысскихъ земель, въ Колѣ—для Великопольши, въ Варшавѣ—для Мазовища и въ Волковискахъ, а позднѣе въ Слонимѣ, для Литвы), гдѣ они обсуждаютъ

свое положение на сеймъ. Наряду съ выборами депутатовъ сеймики занимаются также составлениемъ для нихъ инструкцій, всегда письменныхъ—теперь уже не устныхъ, какъ прежде. Кромѣ этихъ избирательныхъ сеймиковъ въ Ягайлонскую эпоху были еще известны сеймики, созываемые воеводами для избранія кандидатовъ въ земскіе чиновники (подкоморій, судья, подсудокъ, писарь). Ихъ было больше, чымъ первыхъ, такъ какъ своихъ собственныхъ избираемыхъ чиновниковъ имѣли не рѣдко тѣ земли, которыя передъ сеймомъ совѣщались сообща съ другими. Но собирались эти сеймики не такъ часто: должности давались пожизненно, и вакансіи открывались рѣдко. Первое межкоролевье вноситъ новый типъ сеймиковъ: «каптуры», т. е. сеймики, открываемые на время *interregnum* и объединенные въ конфедерациі, имѣющіе цѣлью обеспеченіе даннаго воеводства или земли. Съ этихъ поръ такіе сеймики появляются при каждомъ межкоролевии и содѣйствуютъ въ значительной мѣрѣ усиленію значенія сеймиковъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ находится высшая власть во время *interregnum*. Они составляютъ подробные планы обороны, организуютъ судебнное вѣдомство на время межкоролевья и т. д. Образованіе короннаго трибунала въ 1578 г., составленнаго изъ депутатовъ дворянъ, вызвало къ жизни новый видъ сеймиковъ, такъ называемыхъ депутатскихъ, на которыхъ и должны были совершаться выборы этихъ депутатовъ. Они собираются въ определенный срокъ ежегодно, такъ какъ каждый годъ надо было высылать въ трибуналъ новыхъ судей. Еще болѣе важную роль въ развитіи сеймиковъ играютъ

реляціонные сеймики, появленіе которыхъ относится къ 1589 г. Звали ихъ реляціонными, такъ какъ главнымъ ихъ дѣйствіемъ былъ отчетъ («реляція») о дѣятельности на сеймѣ, даваемый депутатами. Они собираются послѣ сейма въ день, опредѣленный предварительно конституціей, королемъ или, по порученію сейма, воеводами. Вскорѣ они перешли въ обычай, въ особенности, когда сеймики пріобрѣли значительныя права въ финансовой области и по воинской повинности. Эти сеймики совершили также выборъ депутатовъ въ казенную судебную палату (трибуналъ), начиная съ 1613 г. Когда же въ половинѣ XVII вѣка увеличился кругъ дѣйствій сеймиковъ, ихъ стали созывать въ различное время, даже между сеймами, и звали ихъ тогда хозяйственными. Въ 1717 г., при реорганизаціи вѣдомства сеймиковъ, были опредѣлены постоянные periodические сеймики для выбора депутатовъ въ радомское судилище, а также сроки хозяйственныхъ сеймиковъ, соединенныхъ съ депутатскими. Таковы были виды сеймиковъ. А когда система эта уже сильно укоренилась въ обществѣ, дворянство — шляхта нерѣдко произвольно самостоятельно собирается: въ мирное время, во время войны, въ случаѣ какого-нибудь важнаго происшествія и составляетъ постановленіе — «сеймикуетъ».

Ростъ значенія сеймиковъ начинается можно сказать въ концѣ XVI вѣка. Депутаты начинаютъ передавать обсужденію своихъ сеймиковъ «брати» выборъ сановниковъ, распоряжающихся податями, «шаферей» (уже съ 1578 г.), а потомъ и сборщиковъ этихъ податей. Вскорѣ это идетъ дальше. Уже и раньше не-

рѣдко случалось, что если депутаты определенного воеводства противились податямъ, ссылаясь на инструкцію, короли послѣ сейма созывали сеймикъ этого воеводства, чтобы онъ самъ принялъ рѣшеніе сейма, согласился бы на подати, предположенные сеймомъ. Теперь это начинаетъ становиться обычнымъ явленіемъ. Депутаты несутъ въ реляционные сеймики—къ «брати»—не только выборъ сборщика податей, но и самое установление податей. Сеймики начинаютъ пользоваться этимъ обычаемъ слѣдующимъ образомъ: депутаты объявляютъ въ сеймѣ извѣстную, подлежащую сбору сумму налога, но предоставляютъ себѣ право самостоятельно покрывать эту подать. Начинаютъ возникать особая воеводскія подати, отдѣльная воеводская казна, образуемая излишками податей. Сеймикъ распространяетъ свою власть и на расходование податей—не сдаеть ихъ въ казну, но самъ выбираетъ распорядителей, создаетъ особую комиссіи для контроля. Самъ сеймикъ, наконецъ, производитъ рекрутскіе наборы, самъ содержитъ солдатъ и на это содержаніе идутъ именно воеводскія подати. Возникаетъ уѣздный «солдатъ». Такъ постепенно расло вѣдомство сеймиковъ. Въ половинѣ XVII вѣка сеймики достигаютъ высочайшей степени своего блеска и удерживаются въ такомъ положеніи въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, но вслѣдствіе этого страдала цѣльнота государства.

Сеймики подчиняли себѣ сеймъ, не только связывая депутатовъ инструкціями и требованіемъ отчета въ ихъ дѣятельности на сеймѣ, но врываются и въ область финансового и военного вѣдомства государства.

Самъ же сеймикъ вырождался отъ того, что вслѣдствіе ухудшенія отношенія въ распределеніи общественного имущества—въ сеймикахъ сила очутилась на сторонѣ вельможъ, отъ которыхъ зависятъ цѣлые массы мелкой, неосѣдлой шляхты. А принимать участіе въ сеймикѣ имѣлъ право каждый, принадлежащий къ дворянству, независимо отъ того, былъ ли онъ *possessionatus* или нѣтъ. Кромѣ того, какъ въ сеймахъ, такъ и въ сеймикахъ основнымъ принципомъ являлось единомысліе. Уже въ XVI и XVII вѣкѣ мы видимъ стремленіе провести въ сеймики принципъ большинства голосовъ, по крайней мѣрѣ, на выборахъ, и даже довольно многочисленныя попытки въ этомъ направленіи; рѣже замѣчаются такія попытки въ смыслѣ устраниенія изъ сеймиковъ «голоты», но онѣ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, воеводствахъ. Реформы эти были даже отчасти проведены, и подтверждены конституціями (1598, 1611, 1613, 1631, 1685 гг.). Но жизнь вскорѣ уничтожила эти реформы. Сеймики представляли изъ себя картину такого точно безпорядка, какъ и сеймы, не имѣли никакого регламента совѣщаній; власть маршаловъ, избираемыхъ въ теченіе этого періода, какъ предсѣдателей сеймиковъ, была также черезчуръ слаба.

Предѣль этому неестественному росту власти сеймиковъ положила конституція 1717 г., отнявъ у нихъ значительный кругъ дѣйствій въ финансовой области и все военное вѣдомство и такимъ образомъ поставила сеймики почти въ то же положеніе, какое они занимали въ началѣ періода.

Парламентскій строй завершается конфедерацией. Парламентскій строй завершается конфедерацией. Онъ появляются вновь послѣ длиннаго періода времени. Къ жизни призвало ихъ межкоролевье послѣ Сигизмунда-Августа, потребность созданія новыхъ формъ, способныхъ замѣстить временно верховную власть въ государствѣ. Итакъ, конфедерации удержались, какъ основа государственного строя края во время межкоролевья. Къ нимъ и относилось название «каптуловъ», обозначающихъ первоначально вообще конфедерацию. Но на ряду съ ними, въ началѣ XVII в. возникаютъ конфедерации и при наличности короля. Роль ихъ двояка: онъ остаются, какъ прежде, союзами, обязанными замѣнить государственную власть, если она неспособна исполнять свои обязанности (напр. во время нападеній Шведовъ, когда короля не было), или же обращаются противъ короля (оппозиція). Послѣднія опираются на понятіе о всесильности народа, точнѣе, одного его слоя—дворянства. Какъ только появились такія конфедерации, политическая литература создала для нихъ тотчасъ же законную почву, опредѣлила ихъ вѣдомство. Конфедерация—представительница народа, она, если объединяетъ все государство (генеральна), то онастоитъ даже выше короля. Вѣдь король, слѣдуя уставу государства, отвѣчаетъ передъ народомъ за свои поступки. И вотъ конфедерации желаютъ подчинить своему суду даже короля. Очевидно, значеніе конфедераций зависѣло отъ ихъ силы. Противъ нихъ заключаютъ конфедеренции и короли. Отъ силъ обѣихъ сторонъ зависѣлъ результатъ борьбы: король могъ признать конфедерацию лишь мятежомъ, или наоборотъ—примкнуть къ ней, соединиться съ оппозиціонной партіей. Конфе-

дераціі дополняютъ парламентскій строй, являясь результатомъ его недостатковъ.

Конфедерациі возникаютъ обыкновенно сперва въ одномъ воеводствѣ, затѣмъ къ послѣднему прымыкаютъ другія воеводства и такимъ образомъ иногда объединяется все государство. Во главѣ генеральной конфедерациі стоять обыкновенно маршалъ (одинъ разъ предводительство было поручено гетману). Воеводскія конфедерациі выбираютъ себѣ особыхъ маршаловъ. Маршалу придавали въ помощники «совѣтника»; главнымъ органомъ былъ рѣшающій совѣтъ, невсегда однако созываемый. Составъ его отвѣчаетъ сейму, воеводства присылаютъ туда своихъ пословъ, какъ въ сеймъ. Являясь представителемъ высшей государственной власти, рѣшающій совѣтъ получаетъ—хотя лишь въ исключительныхъ случаяхъ—силу сейма, и какъ сеймъ совѣщается. Основа силы конфедерациі заключается въ сильнѣйшемъ сплоченіи конфедераторовъ, подтверждаемомъ нерѣдко присягой. Конфедерациі рѣшаетъ большинствомъ голосовъ, не признаетъ единомыслия. Необходимыя, нерѣдко вытекающія изъ настоящей нужды и поэтому законныя конфедерациі причиняли иногда больше вреда, чѣмъ пользы, разбивая и безъ того слабое общественное правосознаніе.

Въ вопросахъ законодательныхъ власть
Совѣтъ Сената—резиденты. короля была ограничена не однимъ только сеймомъ. Такими же ограниченіями, кромѣ сейма, являлись сенатъ и резиденты. Сенатъ, превратившійся въ моментъ возникновенія сейма въ его составную часть, имѣющую даже меныше зна-

ченія, нежели посольская палата, не перестаетъ, однако, считаться королевскимъ совѣтомъ. Король часто созываетъ сенатъ на «совѣтъ», чтобы узнать его мнѣніе въ важнѣйшихъ вопросахъ, главнымъ образомъ въ политическихъ дѣлахъ. Иногда, не собирая совѣта, король обсуждаетъ съ сенаторами извѣстный вопросъ письменно. Но чаще всего совѣты сената имѣютъ мѣсто тотчасъ послѣ сейма, играя въ особенности важную роль, если сеймъ былъ сорванъ. Но эти совѣты короля не связываютъ. Онъ обыкновенно слѣдуетъ имъ, но не обязанъ слѣдовать. Это въ самомъ дѣлѣ только «совѣтъ»,—не больше.

Между тѣмъ, когда ни сеймъ, ни совѣтъ сената еще не существовали, рѣшеніе всѣхъ вопросовъ оставалось исключительно въ рукахъ короля. Не было органа, представляющаго мнѣніе сейма. Только Генриховскіе статуты 1573 г. создали планъ такого учрежденія и нѣсколько лѣтъ спустя провели его въ жизнь (1576 г.). Это—сенаторы-резиденты. Короля окружили сенаторами, обязанностью которыхъ было постоянное пребываніе при дворѣ, на что весьма сильно и не разъ напирали конституціи. Они составляютъ совѣтъ короля во всѣхъ вопросахъ, въ то время, когда нѣтъ сейма. Резидентовъ доставлялъ сенатъ, польская палата не пріобрѣла въ этомъ отношеніи никакихъ правъ. Резидентовъ было первоначально 16; съ 1641 г. 28. Они дѣйствовали въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. въ промежутокъ времени между двумя ординарными сеймами; но мѣнялись они каждые 6 мѣсяцевъ, такъ что постоянно при король находилось ихъ сначала 4, позднѣе—7. Резидентами вступали сенаторы, въ лицѣ воеводъ, касте-

ляновъ и епископовъ. Но постановленія ихъ не были обязательны для короля: онъ долженъ былъ обратиться къ нимъ за совѣтомъ, но не обязанъ непремѣнно слѣдовать полученному совѣту. Однако, въ 1607 г. было решено, что постановленія резидентовъ (*senatus consulta*) будуть составляться письменно и предъявляться въ сеймѣ, что, очевидно, могло усилить ихъ вліяніе. Дальше, конституція 1717 г. подчинила короля решенію большинства резидентовъ, лишь бы ихъ мнѣніе не противорѣчило закону. Фактически, однако, вліяніе короля въ совѣтѣ резидентовъ было весьма сильно, господствовало, такъ что въ дѣйствительности они немного стѣсняли его. Гораздо болѣе ограничивала короля несмѣняемость должностныхъ лицъ, которыхъ отъ него почти не зависѣли.

Должности. Застой въ развитіи государственныхъ формъ Польши ярче всего выступаетъ въ организації властей, т. е. именно въ предѣлахъ той области строя, которая въ это время на западѣ, подъ вліяніемъ развивающейся абсолютной монархіи, сильнѣе всего сформировалась. Должности сохранились почти безъ измѣненія до XVIII вѣка въ такой формѣ, въ какой выработались при Ягайлонахъ. Въ принципіи онѣ удержали свой средневѣковой характеръ. Предписаніе конституціи 1538 г., постановившей, что король можетъ устранить чиновника отъ должности только въ случаѣ преступленія, предвидѣнаго закономъ, обеспечивала неприкословенность должностныхъ лицъ и ограниченное вліяніе ихъ на ходъ государственныхъ дѣлъ, нерѣдко даже противъ воли короля.

Во главѣ всѣхъ продолжали стоять коронныя и придворныя должности. И въ теченіе этого периода нѣтъ еще такого сильнаго раздѣленія вѣдомствъ, которое отличало бы государственные вопросы отъ лично королевскихъ. Первое мѣсто среди должностей занимали попрежнему министерства, т. е. должности, входящія въ составъ сената, а именно: великий маршаль, коронный и литовскій, великий казначей, коронный и литовскій и, наконецъ, придворный маршаль, коронный и литовскій. Кругъ ихъ дѣйствій не измѣнился. Лишь маршаль расширилъ свою полицейско-карательную власть, распространивъ ее на мѣстопребываніе короля и окрестности, съ цѣлью воздержанія и наказанія всякаго нарушенія порядка. Значеніе его усиливается въ особенности во время сейма. Уже при Сигизмундѣ-Августѣ въ сеймѣ читались такъ называемыя маршальскія статьи, т. е. полицейско-карательные предписанія, составленные маршаломъ въ предѣлахъ его власти. Затѣмъ, они читались въ началѣ каждого сейма и, наконецъ, въ 1678 г., были напечатаны и помѣщены въ конституціяхъ. Маршаль имѣлъ также постоянную вооруженную подручную охрану.

Власть канцлера также не измѣняется. Возрастаетъ лишь число вопросовъ, подчиненныхъ канцлеру. Вследствіе этого, увеличивается его канцелярія, ведущая книги, канцелярскія и отчасти подканцелярскія (метрики). Канцлеръ въ началѣ этого периода пріобрѣтаетъ постоянное руководительство въ ассесорскихъ судахъ. Казначей попрежнему завѣдуетъ казной, но уже, съ 1589 — 1590 г., лишь государственной. Однако, зна-

ченіе его падаетъ вслѣдствіе расширенія финансового вѣдомства сеймовъ, путемъ произвольного назначенія лица, завѣдывающаго общественными суммами и, наконецъ, вслѣдствіе сильнаго развитія воеводскаго казначейства. Подканцлеръ, попрежнему, замѣщаетъ канцлера. Придворный маршалъ имѣетъ небольшой собственный кругъ дѣйствій. Замѣстителемъ короннаго казначея является не состояцій министромъ придворный казначай, задача которого съ момента раздѣленія казны (1589 — 1590 г.) состоитъ въ управлениі казной короля.

Затѣмъ, шли равные министрамъ по вліянію и значенію и даже болѣе могущественные гетманы, которыхъ собственно не причисляли ни къ короннымъ, ни къ придворнымъ должностнымъ лицамъ. Окончательно должности гетмановъ сформировались только въ началѣ этой эпохи. Послѣ Сигизмунда-Августа, по причинѣ смерти, не стало обоихъ гетмановъ. Нѣкоторыя области: Велико-Польша, Мало-Польша и Русь избрали себѣ тотчасъ же временныхъ гетмановъ, власть которыхъ прекратилась въ моментъ вступленія на престолъ Баторія. Баторій установилъ первоначально гетмана лишь для одного похода, но уже въ 1581 г. назначилъ пожизненно, и съ этихъ поръ цѣпь великихъ гетмановъ тянется непрерывно. Должность полевого гетмана была возстановлена лишь нѣсколько лѣтъ спустя — Сигизмундомъ III. При немъ же исчезъ окончательно особый предводитель придворныхъ ротъ, называемый придворнымъ гетманомъ. Въ рукахъ гетмановъ находилось командованіе вооруженной силой страны; полевой гетманъ былъ замѣстителемъ вели-

каго. Въ Литвѣ перерыва въ должности гетмана не было. Въ случаѣ отсутствія гетмановъ король назначалъ временныхъ замѣстителей, называемыхъ въ XVII в. «регистратурами».

Среди прочихъ коронныхъ и придворныхъ—всегда особыхъ коронныхъ и литовскихъ—должностей большое значеніе имѣли: великий секретарь, занимающій нерѣдко мѣсто канцлера — всегда духовное лицо; «референдаріи (съ 1507 г.), принимавшіе участіе въ королевскихъ судахъ, въ качествѣ докладчиковъ, позднѣе и какъ самостоятельные суды въ дѣлахъ королевскихъ крестьянъ; изъ военныхъ: полевой писарь, великий стражникъ, великий обозничій, генералы артиллеріи, установленные съ 1637 г. Почетное значеніе имѣли: подкоморій, хорунжій, мечникъ, конюшій, кухмистеръ, чашникъ, кравчій, стольникъ и т. д.

Изъ земскихъ должностей высокое значеніе удержали воеводы и кастеляны, хотя области вѣдѣнія ихъ попрежнему были незначительны. На прежнемъ положеніи остаются также подкоморы суды, подсудки, войскіе; безъ всякихъ собственно обязанностей: стольники, чашники, мечники и т. д. — Все это были отжившіе остатки предыдущей эпохи. Кроме того, въ теченіе этого периода возникаютъ новыя должности: появляется новый воевода и одинъ кастелянъ — Черниховскіе (съ 1635 г., когда земля эта досталась Польшѣ отъ Москвы), кромѣ инфлянтскихъ воеводъ и кастеляновъ, о которыхъ была рѣчь раньше, но, сверхъ того, сеймовая конституція, въ особенности начиная съ XVII вѣка, создаютъ цѣлый рядъ низшихъ должностей, размѣщая ихъ по уѣздамъ, такъ, что въ концѣ

этой эпохи почти каждый уѣздъ имѣеть свое чин-началіе — прежде всего: судью, подсудка, стольника, и другихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Но все это были почти исключительно почетныя должности. Органомъ собственно королевской власти въ воеводствахъ и областяхъ остались старости. Въ теченіе этого періода они, правда, теряютъ значеніе «королевскаго плеча», какое имѣли раньше. Они не могли и не съумѣли превратиться въ органы администраціи: наоборотъ, выходя изъ дворянской среды и защищая ея интересы, они постепенно приняли характеръ должностей какъ бы земскихъ, такъ что конституція 1611 г., устанавливая очередной порядокъ земскихъ должностей, включила въ нихъ и старость, сейчасъ послѣ подкоморьихъ. Среди ихъ дѣйствій, известнымъ значеніемъ пользовалась лишь судебная дѣятельность, которую, впрочемъ, старости передавали всецѣло подвластнымъ имъ подстаростамъ, судьямъ, гродскимъ писарямъ, канцелярнымъ нотаріусамъ и пр. Въ области же администраціи они, собственно говоря, ограничивались объявленіемъ королевскихъ универсаловъ и исполненіемъ полицейской власти въ узкихъ предѣлахъ. Администраціей, говоря о финансомъ и военномъ вѣдомствѣ, занимались сеймики, начиная уже по крайней мѣрѣ съ XVII вѣка. Понятие администраціи въ болѣе широковъ смыслѣ слова осталось почти совершенно чуждымъ Польши до конца этого періода, и даже дольше. Что касается замѣщенія должностей, то въ этой области удержались прежнія предписанія. Такоже существовало еще положеніе о *incompatibilitas*, обостренное Саксонской

династіей настолько, что одной семьѣ нельзя было держать въ своихъ рукахъ двухъ министерствъ. Должности сохранили отчасти земельные надѣлы, отчасти же вместо такого вознагражденія король давалъ своимъ чиновникамъ негродскія староства (тенуты). Въ исключительныхъ случаяхъ нѣкоторые должности сопровождались денежнымъ жалованьемъ.

Назначество. Въ началѣ этого періода окончательно совершилось раздѣленіе казны на двѣ части. Одна часть доходовъ была ассигнована въ пользу короля, другая — въ пользу государства. Совершился этотъ раздѣлъ сеймомъ 1589 и 1590 гг. Королю пред назначалась часть имѣній, называемыхъ съ этихъ поръ «экономіями»: соляные копи, доходы съ рудниковъ, нѣкоторые таможенные пошлины, подати съ подводъ и, наконецъ, доходы съ монетнаго двора. Отъ послѣдняго дохода отказался Сигизмундъ III въ 1632 году. За государственной казной осталась вторая часть имѣній — староства и тенуты («королевщина»), идущія преимущественно на вознагражденіе чиновниковъ, отчасти же раздаваемыя пожизненно, какъ *panis bene merentium* — хлѣбъ хорошо заслуженныхъ; какъ съ однихъ, такъ и съ другихъ платили въ теченіе этой эпохи уже только «четверть» (по оцѣнкѣ — 1/5 часть доходовъ), поступавшую въ равскую казну. Это былъ основной постоянный источникъ государственныхъ доходовъ. Второй составляютъ таможенные пошлины, которыхъ при раздѣленіи казны отчасти достались государству. Пошлины въ теченіе этого періода то подымаются, то падаютъ, тѣмъ не

менѣе сохраняютъ прежнюю черту перевозныхъ пошлинъ (какъ отъ вызова, такъ и отъ привоза), специально казенныхъ. Съ 1649 г. появился новый источникъ постоянного дохода. До сихъ поръ королевскія и духовныя владѣнія были обязаны давать войскамъ Рѣчи Посполитой квартиру, «станцію», въ особенности зимой. Въ 1649 г. обязанность эта была замѣнена налогомъ, зависимымъ отъ количества лановъ и называемымъ — податью военной зимней квартиры (зимній хлѣбъ) или «гіберной». Духовенство, однако, взносило ее въ видѣ известной гуртовой суммы. Источникомъ постоянного дохода являются также поголовныя подати, христіанскія и еврейскія, а также *subsidium charitativum* духовенства, но это лишь съ 1717 г. (см. ниже). Прочіе доходы, непостоянны состояли изъ податей, устанавливаемыхъ сеймомъ въ случаѣ потребности на одинъ разъ, обыкновенно черезъ нѣсколько лѣтъ. Главною изъ такихъ податей является попрежнему лановый сборъ, взыскиваемый съ пахотной земли, отчасти также съ сельскихъ предпріятій, но въ теченіе этого периода нѣсколько увеличенный. Уже при Стефанѣ Баторіи утверждается, какъ норма сбора — 30 грошей съ лана. Такой сборъ принимается за единицу и носить название «симпли». Въ случаѣ нужды налагали двойной сборъ («дуплю»), тройной (триплю) и т. д., даже до 50 - кратнаго увеличенія. Платятъ этотъ налогъ исключительно крестьянскіе ланы; дворянинъ отъ него свободенъ, развѣ самъ воздѣлываетъ землю (какъ сельскій шляхтичъ). Собирается такая подать по спискамъ, или тарифамъ. Списки, составленные, долго служили основой сбора,

иногда въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ (тариѳы этого періода относятся къ 1578—1629, 1661 и 1662 г.г.) Иногда устанавливался «сборъ съ отречениемъ», т. е. позволяли подъ присягой утверждать, что уменьшилось число лановъ. Это случается особенно часто послѣ шведскихъ войнъ. Но тогда увеличивали сумму налога. Съ 1629 г., вмѣсто этого сбора, взимался «подымный», представляющій изъ себя видоизмѣненіе первого; разница состояла въ томъ, что сборъзыскивался не съ лановъ, а съ «дымовъ» (дворовъ). И этотъ налогъ распредѣлялся по спискамъ (1629, 1661—2 и 1681—2 гг.). Въ первое время подымный сборъ вытѣснилъ сборъ лановый, но затѣмъ онъ опять возстанавливается. Съ ланнымъ сборомъ соединяется «шость» — городская подать, и съ нимъ вмѣстѣ исчезаетъ, уступая мѣсто подымному налогу. На евреевъ налагалась «поголовная» подать, часто въ общей суммѣ, которую впослѣдствіи евреи произвольно распредѣляли между собой. Удерживается также и питейный сборъ, какъ косвенная подать отъ питейного и стѣстнаго. Съ половины XVII-го вѣка питейная пошлина переходитъ къ сеймикамъ. Во второй половинѣ XVII вѣка появляется акцизъ, устанавливаемый лишь нѣсколько разъ (1658, 1659, 1673 гг.), какъ подать отъ оборота (драгоценностями, хлѣбомъ, шкурами и пр.), акцизъ былъ дополненъ «шележнымъ» налогомъ, который и есть, собственно говоря, древній питейный сборъ. Шележный налогъ удержался до 1717 г.—Въ XVI вѣкѣ одинъ разъ только появляется общая поголовная подать; ее платятъ также дворяне и духовенство, по определенной таксѣ (1590 г.). Но вскорѣ

подать эта была отмѣнена. Ее устанавливаютъ вновь неоднократно: въ 1662 г. и наконецъ въ 1771 г. она становится постоянной податью, подъ названіемъ *subsidiū charitativum* отъ дворянства; слова «поголовное» избѣгали, какъ обидного для дворянина. Въ исключительныхъ случаяхъ появляются еще другія подати: пошлина отъ бойни (1605 г.) и мельничная (1710) отъ мельничныхъ колесъ. Духовенство по прежнему платить оптовыя суммы, какъ *subsidiū charitativum*. Распределеніе этой суммы было вопросомъ внутренней политики духовенства.

Начиная съ XVII-го вѣка, сеймики берутъ въ свои руки государственные подати, а именно питейныя, и создаютъ цѣлый рядъ новыхъ; первымъ толчкомъ по этому пути послужили такъ называемыя декларации, предъявляемыя въ сеймѣ, въ которыхъ сеймики обязывались внести известную податную сумму, вычисленную сообразно со сборомъ, или поголовнымъ налогомъ. Теперь они имѣли право покрыть обѣщанную сумму произвольно изъ какихъ угодно источниковъ.

Итакъ, возникаетъ цѣлая система воеводскихъ налоговъ, какъ-то: различные виды питейного (гвоздочные *ultimi consumentis*), поголовные недворянские, личные (видъ поголовныхъ), овчарный, (отъ овецъ), мельничные (отъ мельницъ), плуговые, наемные, ремесленные и пр. Образуется особая воеводская казна, завѣдываніе которой находится въ рукахъ сеймика. Сеймикъ черпаетъ изъ казны средства на свои личные расходы, суточное жалованіе сеймовыхъ пословъ, жертвы въ пользу церквей и пр.

Реформа была проведена въ 1717 г. Воеводской казнѣ предоставили питейный и шележный налоги, для покрытия воеводскихъ расходовъ. Что касается государственныхъ податей, то онѣ были точно опредѣлены, равнымъ образомъ какъ и расходы (родъ бюджета). Изъ податей постоянно поступаютъ въ государственную казну: поголовныя, христіанскія и еврейскія, *subsidiump charitativum* отъ духовенства и военная квартирная подать, идущая главнымъ образомъ на содержаніе войскъ. Послѣднія могли получать должные суммы прямо изъ воеводствъ, по квитанціямъ. Что касается доходовъ государственной казны послѣ 1717 г. до конца периода, то они остаются въ бывшихъ своихъ предѣлахъ, такъ какъ ни одинъ сеймъ при саксонской династіи больше податей не устанавливаль.

Управление королевской казной принадлежало съ 1589—1590 года придворному казначею. При саксонской династіи была учреждена особая казначейская палата, находящаяся исключительно во власти казначея. Государственная казна распалась на равскую и собственно-государственную, подъ властью короннаго казначея. Стой этотъ удержался. Изъ казенныхъ доходовъ покрывались издержки на войска, на жалованіе чиновниковъ, если они вообще получали жалованіе, расходы на посольства и на содержаніе иностранныхъ посольствъ и т. д. Но уже съ 1578 г., наряду съ казначеемъ, появляются избираемые сеймомъ или сеймиками завѣдующіе, задача которыхъ состояла въ расходованіи податей. Какъ выше сказано, въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ воеводства начи-

наютъ удерживать деньги въ своей казнѣ и самостоятельно ими распоряжаться. Контроль надъ сеймикомъ, а въ особенности надъ расходованіемъ воеводскихъ суммъ производить сеймъ, съ 1613 г. для этого назначалась особая комиссія, называемая отъ сборнаго мѣста «радомскимъ судилищемъ» (казначейскимъ). Начиная съ половины XVII в. контроль производится особыми казенными комиссіями (палаты, суды). Онѣ были уничтожены въ 1717 г., вслѣдствіе тогданней реформы воеводского казначейства, но появляются еще не разъ впослѣдствіи, хотя и подъ другими названіями.

Суды. Какъ суды первой инстанціи для дворянъ удержались земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды. Вѣдѣніе ихъ почти не измѣнилось. Земскіе суды, въ особенности съ половины XVII в., дѣйствуютъ очень неправильно; въ нѣкоторыхъ воеводствахъ даже не собираются по цѣлымъ ста годамъ. Вслѣдствіе этого расширилось вѣдомство гродскихъ судовъ, насколько они могли замѣнить земскіе—главнымъ образомъ въ вопросахъ неспорныхъ. Зато весьма важныя преобразованія были произведены въ области высшихъ судовъ. Уже во время двухъ первыхъ безкоролевій, чтобы заполнить пробѣлы, а главнымъ образомъ замѣнить отсутствующія королевскія судилища, были учреждены по воеводствамъ воеводскіе суды, въ родѣ апелляціонныхъ высшей инстанціи—по образцу судовъ 1563 года. Но это было лишь временное средство. Зло было устранино въ 1578 г., когда возникъ «коронный трибуналъ», засѣдавшій пооче-

редно въ Петроковѣ и въ Люблинѣ, какъ высшее судилище. Для русскихъ воеводствъ, руководящихся II литовскимъ статутомъ, былъ учрежденъ особый «луцкій трибуналъ», которому, впрочемъ, не пришлось начинать даже своей дѣятельности: въ 1589 и 1590 г. воеводства эти примкнули къ коронному трибуналу. Въ 1589 г. къ нему присоединилась и Пруссія. Литва имѣла свой собственный трибуналъ, организованный по образцу короннаго въ 1581 г., со съѣздами поперемѣнно въ Новогородѣ (или Минскѣ) и въ Вильнѣ. Въ составъ этихъ трибуналовъ входили депутаты, избираемые ежегодно воеводствами и областями по одному, или по два, посредствомъ особыхъ сеймиковъ, называемыхъ депутатскими. Кроме того, къ трибуналу принадлежали духовныя лица, избираемые нѣкоторыми капитулами. Но они обсуждали только тѣ дѣла, въ которыхъ одною изъ сторонъ былъ членъ духовенства,—тогда они засѣдали въ числѣ равномъ числу свѣтскихъ депутатовъ. Трибуналъ являлся прежде всего судомъ апелляціоннымъ для низшихъ судовъ. А такъ какъ въ трибуналъ можно было подавать апелляціи прямо на суды земскіе и городскіе безъ обязательного посредничества вѣчей, вслѣдствіе этого вѣча, хотя теоретически не уничтоженные, сразу исчезаютъ, какъ лишнія. Дѣла второй инстанціи решаются трибуналомъ окончательно; лишь споры духовныхъ лицъ, въ случаѣ недостатка большинства голосовъ въ трибуналѣ (*paritas votorum*) отсылаются въ сеймъ. Но въ то же время въ нѣкоторыхъ случаяхъ трибуналъ разрѣшалъ вопросъ, какъ судъ I инстанціи, напр., въ дѣлахъ противъ старостъ и гродскихъ

чиновниковъ о нарушеніи или упущеніи своихъ обязанностей при отправленіи правосудія. Литовскій трибуналъ гораздо чаще рѣшалъ дѣла I інстанції (главнымъ образомъ относительно религіозныхъ вопросовъ). Трибуналы руководились письменными и обычными законами; въ случаѣ неясности закона, дѣло отсылалось въ сеймъ.

Учрежденіемъ короннаго трибунала была удовлетворена чрезвычайно важная нужда. Коронный трибуналъ, наряду съ земскими и гродскими судами, составляетъ коренную основу, на которой отнынѣ держится отправленіе правосудія въ Польшѣ. Теперь для сеймовыхъ судовъ осталось весьма немного вопросовъ: дѣла общественного права (*causae iuris communis*), собственно уголовныя дѣла (*causae tene criminales*) и наконецъ нѣкоторыя финансовые дѣла. Въ составъ этого суда, кромѣ короля, входитъ сенатъ; но уже начиная съ 1578 г. въ нѣкоторыхъ случаяхъ засѣдаются и послы. Съ теченіемъ времени они вообще начинаютъ принимать участіе въ правосудіи сейма. Изъ собственно королевскаго возникъ понемногу ассесорскій судъ, предсѣдательство въ которомъ досталось въ руки канцлеровъ. Относительно дворянства судъ этотъ рѣшалъ лишь нѣкоторыя финансовые дѣла (менѣе важныя). Рядомъ съ канцлерами засѣдаются въ сеймовыхъ судахъ секретари, референдаріи и писаря, а также сенаторы. Король лично является въ судъ только для рѣшенія апелляціонныхъ споровъ Курляндіи. Тогда суды эти носятъ название реляціонныхъ. Затѣмъ, въ концѣ XVI в. изъ ассесорскихъ судовъ исключили дѣла королевскихъ крестьянъ противъ старостъ изъ-за притѣсненій, по-

ручивъ ихъ рѣшеніе полной власти референдаріевъ. Это такъ называемые референдарскіе суды. Маршальскіе суды дѣйствовали въ мѣстопребываніи короля, касаясь лишь нарушенія общественнаго спокойствія. Судьей являлся самъ маршалъ съ назначенными имъ произвольно ассесорами.

Во время межкоролевія, однако, всѣ суды прекращали судопроизводство, такъ какъ послѣднее исполнялось отъ имени королевской власти, а ея не было. Правило это было съ теченіемъ времени смягчено настолько, что во время безкоролевья въ гродскія книги вносились рѣшенія неспорныхъ вопросовъ; но никакія спорныя дѣла не принимались въ судъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы удержать въ странѣ безопасность, оказалось неизбѣжнымъ создать на это время какую-нибудь судебную власть. Такой властью являются учрежденные въ теченіе первого безкоролевья временные суды—«каптуры» (отъ латинскаго *a libera captura*). Приговоры этихъ судовъ основывались на высшей власти, принадлежащей каптурамъ, какъ конфедерациямъ. Составъ ихъ зависѣлъ отъ рѣшенія каптура. При первыхъ безкоролевіяхъ суды эти состояли изъ старосты и избранныхъ сеймикомъ судей. Впослѣдствіи, однако, временные суды образовались изъ специально избираемыхъ судей, такъ называемыхъ каптуровыхъ, которымъ придавали земскій судъ (судью, подсудка и писаря) для веденія процедуры. Число каптуровыхъ судей разнообразно въ различныхъ воеводствахъ, оно постепенно возрастаетъ, хотя не повсюду, и достигаетъ иногда сотни лицъ. Каптуровые суды рѣшаютъ, главнымъ образомъ, вопросы,

касающіеся нарушенія безопасности во время безкоролевья; въ исключительныхъ случаяхъ имъ поручаютъ другія дѣла, принимая во вниманіе потребность скорѣйшаго ихъ рѣшенія (крестьянскіе вопросы). Такіе суды, возникающіе по отдѣльнымъ воеводствамъ и областямъ, дополнялись генеральнымъ капитуровымъ судомъ, назначаемымъ во время выборовъ для обеспеченія спокойствія и безопасности въ сеймѣ. Вѣдомство этого суда не отличалось почти отъ обыкновенныхъ капитуровыхъ воеводскихъ судовъ. Капитуровыхъ судей избирали сеймъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка появляются неизвѣстные раньше конфедерационные суды. Конфедерациіи стали предъявлять притязанія на верховную судебную власть, что во всей странѣ провела на практикѣ конфедерациія 1673 г. Обыкновенные суды прекратились; дѣйствовать стали исключительно конфедерационные суды, возникающіе по воеводствамъ какъ бы по образцу капитуровыхъ, но съ нѣсколько болѣе широкимъ вѣдомствомъ. Однако, позднѣйшія конфедерациіи судовъ этихъ, кажется, не возстановляли.

Судопроизводство въ городахъ и селахъ осталось въ бывшихъ своихъ предѣлахъ. Въ городахъ судять попрежнему: скамья старшинъ, отчасти совѣтъ—дума. Но ленные и высшіе суды уже въ началѣ этого периода исчезли, за исключеніемъ суда высшаго германскаго права въ Краковскомъ дворцѣ и суда шести городовъ. Послѣдній пересталъ существовать въ началѣ XVIII вѣка, первый просуществовалъ и эту эпоху, хотя рѣшаетъ все меньшее и меньшее количество споровъ и вскорѣ ограничивается рѣшеніемъ

апелляцій на городскія судилища Краковской области. Въ частныхъ и въ мелкихъ королевскихъ городахъ апелляционными судами въ полномъ смыслѣ слова стали суды городовладѣльцевъ, отчасти старостъ. Болѣе крупные королевскіе города съумѣли удержать большую независимость, вносили апелляціи прямо въ ассесорскіе суды, и рѣшеніе послѣднихъ является въ теченіе этого периода главной задачей ассесорскаго суда. По деревнямъ господствовало по-прежнему, какъ основа судопроизводства, германское право, на которомъ эти деревни и были колонизированы; но право это превратилось уже въ характерное обычное польское право, удержанвшее лишь нѣкоторые слѣды германскаго. Судъ старшинъ потерялъ значеніе, солтысъ уже не наследственный, но назначаемый владѣльцемъ, отстаивалъ интересы послѣдняго,— апелляціи отправлялись къ хозяину деревни, словомъ, суды эти приобрѣтаютъ характеръ патrimonіальныхъ судовъ. Просто патrimonіальными являются суды въ деревняхъ, неколонизированныхъ предварительно. Въ церковныхъ и монастырскихъ помѣстьяхъ до половины XVII в. удерживается право крестьянина обращаться къ епископскому суду. Въ королевскихъ деревняхъ крестьяне могли подавать жалобы на старосту и арендаторовъ въ референдарскій судъ.

Еврейскія судилища удержались въ той формѣ, какая выработалась раньше: въ спорахъ между евреями— суды даяновъ; въ дѣлахъ христіанъ противъ евреевъ— воеводскіе суды, состоящіе изъ подвоеводьяго, судьи и писаря. Апелляціи подавались воеводѣ.

Войско. Въ принципѣ обязательно, попрежнему, «посполитое рушение»—всеобщее ополченіе.

Повторяются еще постановленія о вознагражденіи за участіе въ походахъ за границу государства. Сеймъ 1621 г. составилъ подробный уставъ всеобщаго ополченія, на который впослѣдствіи нерѣдко ссылались. Въ теченіе этой эпохи ополченіе было создано лишь нѣсколько разъ,—оно почти совершенно потеряло значеніе, конституціи упоминаютъ часто и о явкѣ, но она немного оказывала пользы и вскорѣ исчезла (въ половинѣ XVII столѣтія), такъ какъ въ ней больше не нуждались. Вся тяжесть падаетъ отнынѣ на рекрутскія войска. Основой ихъ является четвертое войско. Въ случаѣ потребности собирается больше войскъ, такъ какъ количество рекрутскихъ было сравнительно весьма невелико. Наборъ войскъ производится такимъ образомъ: король даетъ ротмистру «позвынную грамоту», а онъ въ силу этой грамоты старается набрать побольше людей. Начальная команда принадлежала гетманамъ.

Въ началѣ этого периода пытались еще инымъ путемъ увеличить вооруженную силу, именно посредствомъ установления такъ называемой ланной пѣхоты и включенія въ польскія войска казаковъ. Пѣхоту новобранцевъ создаетъ сеймъ 1578 г., решая, что изъ городовъ и деревень должны отправляться на войну пѣши, по количеству лановъ. Конституція 1590 г. опредѣлила точнѣе, что изъ 20 лановъ обязанъ идти одинъ новобранецъ. Полки эти назывались лановыми. Новобранецъ освобождался отъ всякихъ налоговъ, которые въ свою очередь распредѣлялись на осталь-

ныхъ владѣльцевъ двадцати лановъ. Неблагосклонное отношеніе старостъ и тенутаріевъ къ такой системѣ погубило это хорошее учрежденіе. Уже въ 1649 г. было постановлено, что вмѣсто рекрута староста будетъ платить опредѣленную сумму (кромѣ кварты) — впослѣдствіи еще повышенную. Такъ возникла новая небольшая «лановая» подать, уплачиваемая вмѣстѣ съ квартирой (четвертью), а новобранная пѣхота исчезла.

Организація казаковъ относится къ раннему времени, когда Запорожье принадлежало еще Литвѣ. Въ Запорожскую Сѣчь стекались беспокойные элементы, любители приключений, часто польские бѣглецы, — отличный военный матеріалъ, привыкшій къ войнѣ. Уже въ 1528 г. Сигизмундъ I приказалъ образовать изъ казаковъ постоянный отрядъ, какъ пограничную стражу на Днѣпрѣ. Этотъ приказъ остался неисполненнымъ, равнымъ образомъ какъ и порученіе 1541 г. составить списокъ кіевскихъ казаковъ. Только послѣ присоединенія этихъ областей къ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ провелъ известную организацію казаковъ; въ 1572 г. болѣе надежные получили королевское жалованіе, всѣхъ же вообще подчинили не власти старосты, но суду «старшины». На этихъ правилахъ основывалось «постановленіе изъ Нижовцы», изданное Баториемъ въ 1578 г. Король обѣщалъ жалованіе сперва 500 казакамъ, затѣмъ только 300. Во главѣ казаковъ стоялъ избранный ими гетманъ, котораго Баторій подчинилъ начальству черкасскаго старосты. Въ 1583 г. Баторій перемѣнилъ свой приказъ, включивъ въ королевскія войска 600 казаковъ. Съ этого момента казаки раздѣляются на вознаграждае-

мыхъ государствомъ и другихъ—безъ жалованія. Отсюда первыхъ звали «реестровыми». Казаками внимательно занимаются конституціи, въ особенности съ 1590 г.—«порядокъ въ странѣ Нижовцевъ». Когда, однако, стали ограничивать свободу казаковъ, начались столкновенія, окончившіяся много времени спустя отпаденiemъ значительной части казаковъ къ Москвѣ. Не помогъ—неисполненный вирочемъ,—годзяцкій договоръ 1658 г., признающій за казаками большія права. Лишь часть казаковъ осталась за Польшей подъ начальствомъ особаго гетмана—атамана. Въ 1699 г. казачество было окончательно устраниено.

Итакъ, собственно, только рекрутскія войска составляли въ теченіе всего IV періода основу вооруженной силы Польши. Количество ихъ было непостоянно, зависѣло отъ потребности, отъ размѣра податей, пред назначенныхъ въ пользу войска. Нерѣдко войско, неоплаченное по недостатку денегъ, соединялось въ оппозиціонныя конфедерациі съ цѣлью вытребовать жалованіе. Въ половинѣ XVII в. развитіе сеймовъ доводитъ до того, что они самосостоятельно набираютъ солдатъ, назначаютъ ротмистровъ и выдаютъ имъ позывныя грамоты. Это—уѣздные солдаты. Вопросъ объ окладѣ рѣшенъ окончательно лишь въ 1717 г. предоставленіемъ войскамъ постоянныхъ податей, которыя солдаты сами собирали по квитанціямъ. Подъ вліяніемъ иностранныхъ державъ число войскъ было ограничено въ Польшѣ: конституціей 1717 г. до 24,000 (т. е. 16,000 для короны и 8,000 для Литвы). Но и этого числа вооруженная сила государства въ концѣ этой эпохи не достигала.

ПЯТЫЙ ПЕРИОДЪ.

Характеристика. Реформы. Формы, въ которыхъ могли жить и развиваться общество и государство, истощились. Требовались реформы; нужны были преобразованія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Слѣдовало разбить окаменѣвшія сословныя узы, стѣсняющія свободное развитіе общества, надо было переустроить государство, сохранившее еще въ принципѣ всѣ черты среднихъ вѣковъ. Реформы начинаются уже во время послѣдняго безкоролевья, послѣ смерти Августа III. Но пока онъ не истекаютъ изъ самого общества—ихъ навязывается одна только партія, недостаточно сильная для того, чтобы исполнить столь трудную задачу. Результаты получились незначительные. Для успешного проведенія реформъ необходимо было подготовить для нихъ болѣе удобную почву, заставить общество почувствовать потребность въ этихъ реформахъ. Роль эту играетъ просвѣщеніе. Умственныя теченія все сильнѣе и глубже проникаютъ въ застывшее и сонливое польское общество. Въ борьбу съ устарѣлыми понятіями вступаетъ нравоучительное

стремлениe, имѣющее своего духовнаго родоначальника уже въ Скаргѣ и поддерживаемое въ эту эпоху какъ воззрѣніями современной философіи, такъ и новымъ экономическимъ направленіемъ—физіократизмомъ.

Теченіе это стремилось къ усовершенствованію общества, подрывало старыя понятія о необходимости раздѣленія на замкнутые и сильно другъ отъ друга отрѣзанные слои, поднимало значеніе труда. Рядомъ съ этимъ теченіемъ шло другое, имѣвшее уже цѣлью непосредственное практическое переустройство государства. Послѣднее беретъ свое начало въ произведеніяхъ польскихъ политиковъ: Карвицкаго, Лещинскаго, Конарскаго, во главѣ прочихъ дѣятелей XVIII вѣка. Съ этимъ теченіемъ соединяется и поддерживаетъ его реалистическое движение, идущее изъ Германіи и распредѣляющее выработанное тамъ понятіе обѣ огромномъ значеніи казны и войска для государственного могущества. И наконецъ, въ послѣдніе годы этого периода появляются два великихъ автора, обнимающіе умомъ широкіе горизонты, создающіе уже всестороннюю программу возрожденія Польши: это—Сташицъ и Коллонтай. Постепенно развивается политическая и публицистическая литература, врывается въ понятія общества, зажигаетъ новыя воззрѣнія, новые идеи, новые принципы.

**Основные за-
коны.** Но не вдругъ новые мысли нашли себѣ выраженіе въ предписаніяхъ закона, какъ и не сразу приобрѣли господство надъ умами. Новые и старыя понятія сталкиваются, существуютъ одни на ряду съ другими. То же наблюдается и въ

законахъ. Ярче всего бросаются въ глаза всѣ эти противорѣчія въ такъ называемыхъ «фундаментальныхъ» или «основныхъ законахъ», появившихся въ теченіе этого периода. Подъ основными законами слѣдуетъ понимать коренные, главные основы строя, которыхъ нельзя было нарушать или измѣнять, развѣ при исключительныхъ, точно заранѣе опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Впервые законы эти, признанные ненарушимыми, были приняты трактатомъ съ Россіей, и включены въ конституцію сейма 1768 г.; дополнены же они были трактатомъ о раздѣлѣ съ Россіей, подтвержденнымъ конституціей 1775 г. Въ этихъ основныхъ законахъ были сведены всѣ основы анархіи, всѣ отжившія учрежденія, мѣшавшія свободному развитію Польши: выборъ, liberum veto, господство дворянства, зависимость крестьянина и пр. Прямо противоположный характеръ носятъ «основные законы», выработанные нѣсколько разъ четырехлѣтнимъ сеймовъ. Въ концѣ 1789 г. сеймъ установилъ «основы усовершенствованія формы правленія». Основы эти, значеніе которыхъ было чисто теоретическое, должны были создать фундаментъ къ предстоящему труду надъ преобразованіемъ государственного строя. Въ 1790 г. сеймъ составляетъ «ненарушимые законы», внесенные въ гродскія книги лишь въ началѣ 1791 г. Но пока ихъ довели до конца, появился новый «правительственный уставъ», утвержденный 3 мая 1791 г. и известный подъ названіемъ «конституціи третьяго мая».

Уставъ этотъ даетъ эскизъ общественного и государственного строя съ его органами, преобразовать которые могъ лишь, 25 лѣтъ спустя, специальный

«конституціонний экстраординарный сеймъ», созданный для пересмотра этихъ узаконеній. Въ составъ «правительственного устава» входили предварительно установленные положенія: о сеймикахъ (24 марта 1791 г.) и о градахъ (18 апрѣля 1791 г.). Эти основные законы, а главнымъ образомъ конституція 3 мая, носятъ характеръ реформы, видоизмѣняютъ уже не только отдельные области строя, но и весь строй во всѣхъ направленияхъ. Хотя конституція 3 мая не порываетъ всѣхъ связей съ прошлымъ, старается, насколько возможно, поддержать съ нимъ связь главнымъ образомъ во внутреннихъ формахъ, но все-таки, на самомъ дѣлѣ, она производить коренную реформу, преобразовываетъ весь средневѣковой строй Польши въ современный. Вотъ характерная черта этой конституціи, и въ этомъ состоить ея громадное значение въ истории правового строя Польши, хотя не вся ея постановленія могли войти въ жизнь.

Дворянство. Первая задача реформы общественного строя должна была состоять въ ограничении дворянскихъ привилегій, въ стремлениі къ уничтоженію безусловного превосходства дворянъ. Въ принципѣ, однако, понятіе дворянства удержанлось. Въ основныхъ законахъ 1768 г. были подтверждены привилегіи дворянъ, но решено было, что лишь единогласное рѣшеніе сейма можетъ дать право дворянства. Въ 1775 г. появилось новое правило, что нобилитацио и индигенатъ можно получить лишь приобрѣтая земельное имѣніе и притомъ весьма высокой стоимости. Несмотря, однако, на эти ограниченія, число нобилитаций

быстро возрастаетъ. Дворянство начинаетъ терять свои льготы. И оно теперь обязано платить пошлины. Въ 1775 г. въ Литвѣ позволили не дворянамъ покупать землю. Въ томъ же году было уничтожено постановленіе о потерѣ дворянства вслѣдствіе поселенія въ городѣ. Не-дворянамъ начинаютъ поручать должности, впрочемъ, первоначально лишь нѣкоторыя (1768 г.). Только постановленія четырехлѣтняго сейма окончательно уничтожили льготы дворянства въ смыслѣ поштатей, отняли у него исключительность привилегій. Городскіе законы 1791 г. обѣщаютъ нобилитацію тѣмъ изъ мѣщанъ, которые будутъ принимать участіе въ общественной дѣятельности, въ сеймахъ, комиссіяхъ, вносить известную сумму въ видѣ подати, или же добываются высшихъ чиновъ на военной службѣ. Кромѣ того, мѣщанамъ позволили въ коронѣ покупать земельные владѣнія,—уничтожая такимъ образомъ исключительную привилегію дворянства, допустили ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ къ санамъ и должностямъ, предоставленнымъ до того специально дворянству (патронизація, т. е. замѣщеніе въ судѣ вызванныхъ сторонъ, канцелярскія и военные должности). Конституція 3 мая, сохранивъ въ принципѣ (ст. 2) привилегіи дворянъ, признаетъ за ними, собственно, лишь почетное первенство, какъ «первыхъ защитниковъ свободы и нынѣшней конституціи».

Относительно католической церкви го-
сударство остается на положении занимае-
момъ имъ въ теченіе вѣковъ. Католическая
религія признается господствующей въ
Польшѣ, какъ конституціей 1766 г., такъ и основными
законами 1768 г. и конституціей 3 мая. Королемъ дол-
женъ быть католикъ, жена его не могла короно-
ваться, не будучи католичкой. Отступничество отъ ка-
толической религіи не допускается, считается отступле-
ніемъ отъ вѣры также и по конституції 3 мая. Но,
тѣмъ не менѣе, права церкви въ области свѣтской
подвергаются дальнѣйшимъ ограниченіямъ. Законы
1764, 1768, 1776 гг. не допускаютъ даже произволь-
наго завѣщанія земли въ пользу церковныхъ учре-
жденій; ограничиваютъ права постригающихся въ мо-
настырь мужчинъ и женщинъ до $\frac{1}{10}$ принадлежащей
имъ доли и уменьшаютъ закладную подать съ духов-
ныхъ имѣній ниже средней нормы—до $3\frac{1}{2}\%$ въ ко-
ронѣ и 6% въ Литвѣ. Исключительно ордену Піяровъ
было дозволено пріобрѣтеніе опредѣленного участка
земли, ради заслугъ принесенныхъ піярами¹⁾ въ области
воспитанія молодежи. Послѣ уничтоженія ордена
Іезуитовъ (1773 г.) государству достались ихъ вла-
дѣнія, изъ которыхъ въ 1775 г. былъ извлеченъ ка-
питалъ для школьнаго цѣлѣй. Четырехлѣтній сеймъ
пошелъ еще дальше: отнялъ у краковскаго епископа
его владѣнія, отдавъ ихъ казнѣ, епископу же назна-
чилъ годовой окладъ и намѣревался поступить та-
кимъ образомъ съ остальными епископствами, но
постановленіе это не было исполнено.

¹⁾ Піары—отцы благочестивыхъ школъ.

Пр. пер.

Относительно некатолическихъ вѣроисповѣданій го-
сударство становится первоначально на точку закон-
ныхъ ограничений и часто противится расширенію
правъ не католиковъ, несмотря на напоръ со стороны
не католическихъ дворянъ. Подъ такимъ давленіемъ
сеймъ 1766 г. поручилъ епископамъ опредѣлить права
диссидентовъ относительно религіозныхъ обязанностей.
Диссиденты получили нѣкоторыя права, но еще весьма
незначительныя. Только трактатъ съ Россіей (въ осо-
бой первой грамотѣ), подтвержденный сеймомъ, такъ
называемымъ рециновскимъ, въ 1768 г. произвелъ
коренные измѣненія. Диссиденты были сравнены окон-
чательно съ католиками, какъ протестанты, такъ и
дизуніаты. Въ области религіозныхъ вопросовъ была
признаана полная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій,
устранены всякия ограниченія въ пользу господствую-
щаго исповѣданія, признана возможность смѣшанныхъ
браковъ, причемъ религія дѣтей опредѣлялась въ за-
висимости отъ религіи родителей (сыновья слѣдовали
за отцомъ, дочери за матерью). Исчезли также стѣ-
сненія диссидентовъ въ смыслѣ общественныхъ правъ,
исполненія должностей, посольской обязанности и пр.
Апелляціи въ спорныхъ вопросахъ, касающихся вѣры,
шли на простые суды въ специальный смѣшанный
судъ (*iudicium mixtum*), назначаемый королемъ по-
полнамъ изъ католической и диссидентской среды.
Однако, это равноправіе почти полное (за исключе-
ніемъ возможности перехода изъ католицизма въ дру-
гую религію) длилось недолго. Вопросъ этотъ былъ
затронутъ и перерѣщенъ въ раздѣльныхъ трактатахъ,
подтвержденныхъ конституціей 1775 г. Диссидентовъ

снова ограничили. Они потеряли право отправлять сенаторскія и министерскія должности, въ польской же палатѣ имъ предоставили лишь три мѣста. Другія должности они удержали. Бракоразводные процессы, отчасти процессы о признаніи брака недѣйствительнымъ, поручались церковному католическому суду, если одна изъ сторонъ была католическая. Отмѣнили «iudicium mixtum» (который, впрочемъ, еще не укоренился), передавъ всѣ вопросы, ему подчиненные, ассесорскому суду, въ составѣ которого включили извѣстное число диссидентовъ, равное числу католиковъ. Свобода культа однако удержалась, съ небольшими ограниченіями, имѣющими характеръ чисто полицейскихъ распоряженій.

Четырехлѣтній сеймъ неосоbенно внимательно занимался вопросомъ правъ вѣroисповѣданій. Конституція 3 мая рѣшаетъ лишь въ принципѣ «всякихъ обрядовъ и вѣroисповѣданій вольность», однако, «согласно съ мѣстнымъ уставомъ». Итакъ, первоначально удержались ограниченія, введенныя въ 1775 г. Положенія, принятые этой конституціей, находили дополненіе въ особыхъ уставахъ. Но относительно ино-вѣрныхъ правъ такого устава не издали. Лишь позднѣе было постановлено, что сыновья духовныхъ лицъ (не уніатовъ) имѣютъ право пользоваться дворянскимъ или мѣщанскимъ происхожденiemъ отца, если же отецъ происходилъ изъ класса подданныхъ, дѣти, тѣмъ не менѣе, остаются свободными (1791 г.). Въ послѣдующемъ году была утверждена внутренняя церковная организація дизуніатовъ, проведенная по приказу сейма съѣздомъ, совѣщавшимся въ Пинске въ 1791 году.

Въ теченіе этого периода болѣе всего, Города. сравнительно, было сдѣлано для возвышенія мѣщанскаго класса. Городами занялся уже соборъ 1764 года, и кромѣ того, до четырехлѣтнаго сейма много вниманія мѣщанскому вопросу посвятили конституціи 1768 и 1775 гг. О правахъ, данныхъ впослѣдствіи мѣщанамъ, упоминалось и раньше, хотя въ 1768 г. мѣщанъ еще не признавали сословіемъ, а въ 1776 г. былъ изданъ для нихъ новый законъ — *lex sumptuaria*. Всѣ эти преобразованія носятъ пока половинный характеръ; къ мѣщанскому классу относятся еще неблагосклонно. Гораздо больше было сдѣлано въ смыслѣ организаціи городовъ: въ 1764 г. соборъ уничтожаетъ юридики, хотя только тѣ, которые опирались на особыя королевскія привилегіи или конституціи, а также исключеніе изъ-подъ городской власти домовъ, принадлежащихъ дворянству и духовенству. На практикѣ, кажется, конституціи этой безусловно не слѣдовали. Исчезли также въ то же время всѣ такъ называемыя *ex officia*, т. е. обязанность снабжать сеймовыхъ пословъ — квартирами и т. д., а въ 1768 г. и сервиторіаты, — которые также нарушали городской строй. Тотъ же сеймъ установилъ посылку въ города люстраторовъ, ревизоровъ, съ цѣлью повѣрять городскіе доходы, главнымъ образомъ, отъ виннаго откупа, что устраняло поводъ къ частымъ спорамъ между городами и старостами. Но власть старостъ, столь нежелательную и вредную для городовъ, сеймъ этотъ подтвердилъ, укрѣпивъ закономъ то, что до того времени вытекало лишь изъ обычая. Удержаніись также права воеводы

относительно цѣнъ, мѣръ и вѣсовъ. Въ Литвѣ состояніе городовъ было гораздо хуже. Злу пытались противодѣйствовать, устраниая въ 1776 г. магдебургское право, за исключеніемъ 11 самыхъ большихъ городовъ; у городовъ отняли ихъ самоуправленіе, подчинивъ ихъ старостамъ, чего нельзѧ считать выгоднымъ.

Реформу въ полномъ смыслѣ слова проводить лишь четырехлѣтній сеймъ; городской вопросъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ его задачъ. Городовъ касаются четыре конституції: двѣ, относящіяся къ 18 апрѣля 1791 г.: «Основы городской реформы», «Напи королевскіе вольные города во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой». «Внутреннее устройство вольныхъ городовъ» 24 и 27 іюня и, наконецъ, «Устройство городскихъ судовъ и ассесорій» 3 октября 1791 г. Уставы эти устраняютъ для городовъ всякия ограниченія, предоставляемые имъ полную свободу. Главной чертой этихъ уставовъ является то, что они относятся ко всѣмъ городамъ, и всѣ ихъ одинаково организуютъ, тогда какъ до сихъ поръ каждый городъ основывалъ свое существованіе на особыхъ привилегіяхъ. Но реформа касается только королевскихъ городовъ, которые обладаютъ уже городскими правами (тѣмъ, которые потеряли колонизаціонную привилегію, король даетъ новую) и отчасти такихъ поселеній, которыхъ считаются въ уставѣ городами, будучи мѣстомъ сбора сеймиковъ, или отъ того, что «придали своему жилищу пристойный видъ города». Частные города могли тоже причисляться къ этимъ городамъ, но лишь съ согласія ихъ владѣльцевъ.

На мѣщанъ этимъ уставомъ было распространено относящееся лишь къ дворянству правило о томъ, что ихъ нельзя заключать въ тюрьму до выясненія ихъ вины (*neminem captivabimus*); право приобрѣтенія земли (сопровождаемое земской подсудностью) и упоминаемое выше право исполнять высшія должности. Въ предѣлахъ гмины полными правами пользуются владѣльцы—посессоры, къ которымъ причисляли и иностранцевъ, открывающихъ въ городѣ ремесленные заведенія, или помѣщающихъ въ городской казнѣ извѣстный капиталъ. Домовладѣльцы только имѣютъ право участія въ городскихъ собраніяхъ. Городскими правами могутъ пользоваться и невладѣльцы, но для обѣихъ группъ ведутся отдѣльные городскія книги. И дворянинъ можетъ получить городскія права, не теряя дворянства.

Городскія собранія состоятъ въ мелкихъ городахъ изъ всѣхъ домовладѣльцевъ. Въ большихъ собранія эти группируются по кварталамъ, на которые раздѣленъ городъ (окружные собранія), общее же собраніе состоитъ изъ представителей горожанъ (гминныхъ), избираемыхъ каждый разъ окружными собраніями. Въ собраніи предсѣдательствуетъ директоръ и четыре ассесора, для каждого собранія специально избираемые. Собранія происходятъ обыкновенно разъ въ два года, передъ сеймомъ І, сверхъ того, въ случаѣ исключительной потребности. Отъ нихъ зависитъ выборъ городскихъ чиновниковъ (судей, депутатовъ въ сеймъ отъ окружныхъ собраній), они получаютъ отчеты отъ депутатовъ и уполномоченныхъ, они наконецъ рѣшаютъ «сборъ» (т. е. де-

нежную подать, или барщину), однако, въ послѣднемъ случаѣ съ предварительного разрѣшенія полицейской комиссіи.

Городскія должности раздаются путемъ выборовъ на два года. Во главѣ города стоитъ городская дума-ратуша, состоящая въ менышихъ городахъ изъ войта, четырехъ членовъ—ратмановъ, и кассира; въ большихъ—изъ президента, вице-президента, ратмановъ (по числу кварталовъ) и кассира, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Каждый же кварталъ состоитъ подъ начальствомъ войта. Магистратъ (дума) назначаетъ «писаря» (секретаря) и «синдика» (старшину). Дума является представительницей города, управляетъ городскими учрежденіями, имуществомъ, кассой, является защитницей бѣдныхъ и общей безопасности, и въ узкихъ предѣлахъ отправляетъ судо-производство (какъ охранительная и дисциплинарная власть). Одновременно съ этимъ, магистратъ поддерживаетъ центральныя власти, отдаетъ имъ отчеты, распредѣляетъ подати и пр. Президентъ, отчасти его замѣститель, предсѣдательствуетъ въ думѣ, подписываетъ акты, командуется городскимъ ополченіемъ, а въ случаѣ надобности издаетъ временныя распоряженія. Квартирные войты помогаютъ думѣ и имѣютъ надзоръ за полиціей.

Хотя предписанія относительно городовъ не безупречны, однако уставы эти были весьма полезны, вводя въ городской строй порядокъ и организацію, обеспечивая значительное участіе въ ней населенія; несмотря на то, что автономію городовъ ограничили, отнявъ у нихъ право издавать статуты (вилькири) и

подвергнувъ ихъ сильному контролю постороннихъ центральныхъ властей.

Крестьяне. Гораадо меныше сдѣлано было въ області организації крестьянскихъ отношеній, хотя литература больше занималась этимъ вопросомъ, нежели городами. Теоретически требовалось для крѣпостного состоянія обеспечить крестьянъ въ смыслѣ законной защиты, и даже личной свободы, т. е. возможности ухода изъ деревни помимо разрѣшенія хозяина. Что касается отношенія крестьянина къ землѣ, то желали дать ему на нее право, если не собственности, то по крайней мѣрѣ неприкосновенности. Наконецъ, въ области налоговъ и барщины требовалось точное ихъ опредѣленіе, чтобы господинъ имѣнія не могъ произвольно обременять крѣпостныхъ; замѣна барщины оброками, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе обязанностей, чтобы дать крестьянину, черезчуръ обремененному, возможность экономически оправиться и охотнѣе приняться за трудъ. Реформы проводились или по частнымъ программамъ, или по государственнымъ уставамъ. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ играла важную роль въ этомъ движеніи. Уменьшалась барщина, точнѣе опредѣлялись обязанности, нѣкоторая замѣнялась налогами, объявлялась нерѣдко нѣкоторая личная свобода. Однако, реформы эти не могли имѣть болѣе высокаго значенія, касаясь сравнительно небольшого числа деревень, да къ тому же исходя изъ власти вельможъ, которыхъ государство стремилось ограничить, преобразованія эти могли быть отмѣнены. Немногаго, однако, достигли

новыя положенія: въ этихъ дѣлахъ трудно было воз-
дѣйствовать на общественные понятія, такъ какъ
стремленіе къ реформамъ возбуждало въ землевла-
дѣльцахъ опасенія за ихъ доходы. Еще въ «основ-
ныхъ законахъ» 1768 г. была утверждена «цѣль-
ность» (*domini et proprietatis*) владѣльцевъ, а слѣ-
довательно и власть ихъ надъ крѣпостными. Но все-
таки ее нѣсколько ограничили. Конституція 1768 г. рѣ-
шила, что владѣлецъ не имѣеть права казнить кре-
стьянина; въ случаѣ если послѣдній заслужитъ, по
его мнѣнію, такое наказаніе, хозяинъ обязанъ пере-
дать его ближайшему городскому суду. Уничтожили
также денежный штрафъ за убіеніе крестьянина, замѣнивъ его казнью, даже дворянина. Судамъ предо-
ставили отправленіе правосудія въ случаѣ пораненія
крестьянина. Это былъ отчасти прогрессъ, но не-
значительный, ибо не опредѣлялось, кто долженъ
слѣдить за исполненіемъ новыхъ предписаній, и
крестьянинъ, попрежнему, не имѣлъ права являться
въ судъ безъ своего хозяина. Гораздо дальнѣе пошло
судебное уложеніе, обработанное Андреемъ Замой-
скимъ по порученію сейма 1776 г. Признавая крѣ-
постное состояніе, уложеніе вводитъ новый классъ
свободныхъ людей, осѣдлыхъ на чужой землѣ по кон-
тракту, который и опредѣляетъ ихъ обязанности. Свобо-
дными являются: второй, четвертый, и всѣ послѣ-
дующіе сыновья крестьянина, также всѣ крѣпостные,
въ случаѣ значительныхъ оскорблений со стороны
господина. Свободные имѣютъ право защищаться су-
домъ. Уложеніе идетъ еще дальше и признаетъ до-
говоры между крѣпостнымъ и владѣльцемъ, позво-

ляя крестьянину въ случаѣ нарушенія договора подавать жалобу на господина въ судъ, подтверждаетъ смертную казнь за убийство крестьянина и разрѣшаетъ судамъ выступать въ такомъ случаѣ съ искомъ во имя закона. Уложеніе это, однако, не было принято сеймомъ 1780 г., именно вслѣдствіе этой статьи о крестьянскомъ вопросѣ.

Четырехлѣтній сеймъ относился къ крестьянству весьма благосклонно, но боялся проводить болѣе широкія реформы. Тѣмъ не менѣе многіе уставы содержатъ множество мелкихъ льготъ. При организації нѣсколькихъ староствъ, полученныхъ королемъ, позднѣе при продажѣ королевскихъ имѣній, было признано точное опредѣленіе обязанностей крестьянина, чтобы новый частный владѣлецъ не могъ увеличивать ихъ произвольно; пока, обязанности эти въ королевскихъ имѣніяхъ были сравнительно самыя выгодныя. Свободными признавались также тѣ, которые отслужили въ войскѣ двѣ капитуляціи, т. е. 12 лѣтъ. Важнѣйшее основное значеніе имѣетъ конституція 3 мая, опредѣляющая законное положеніе крестьянина въ 4 статьѣ. Она принимаетъ ихъ подъ «законное и правительственное покровительство страны», признаетъ силу всякихъ договоровъ, заключаемыхъ крестьянами съ господами, такъ что ни господинъ, ни его наследникъ не въ правѣ отмѣнить его произвольно, постановляетъ, что иностранцы, поселяющіеся въ Польшѣ, какъ, равнымъ образомъ, и бѣглецы, возвращающіеся впослѣдствіи въ Польшу—свободны и могутъ, осѣдая на чужой землѣ, заключать договоры съ владѣльцами, связывающіе равносильно обѣ стороны. Коренныхъ измѣ-

неній уставъ не заключаетъ. Онъ стремится къ постепенной организації отношеній пановъ къ крестьянамъ, путемъ отдѣльныхъ добровольныхъ договоровъ. Итакъ, это — какъ бы программа будущаго, а «опека закона», утвержденная уставомъ, имѣеть лишь теоретическое значеніе до тѣхъ поръ, пока не были установлены власти, исполняющія новыя предписанія, и былъ ближе опредѣленъ родъ этой «опеки».

Евреи. Законное положеніе евреевъ осталось неизмѣннымъ въ продолженіе этой эпохи. Впрочемъ, и этимъ вопросомъ усердно занимались, но теченію, стремившемуся къ реформамъ, къ равноправію евреевъ, къ совершенному уничтоженію ихъ общественной обособленности, противодѣйствуетъ сильная партія, желающая еще больше ограничить евреевъ, еще рѣзче отдѣлить ихъ отъ общества, избавиться отъ нихъ, если возможно. Конституція 1768 г. вносить лишь правило о томъ, что евреи въ городахъ, если дѣло касается рода ихъ занятій, должны считаться съ договоромъ, обязательнымъ для города, т. е. отчасти примыкать къ этому договору. Уставъ былъ истолкованъ въ ущербъ евреямъ: стали объяснять, что они не имѣютъ права жить въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не принадлежать къ городскому договору. На этомъ основаніи многіе города избавились отъ евреевъ. Съ цѣлью привлечь евреевъ къ земледѣлію, конституція 1775 г. обѣщаетъ земледѣльцамъ значительныя освобожденія отъ податей, но это не имѣло на практикѣ почти никакого значенія. Четырехлѣтній сеймъ назначилъ даже особую комиссию

для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса, но проектъ комиссіи вообще не былъ подвергнутъ обсужденію и вопросъ этотъ былъ отчасти рѣшенъ резолюціей поліцейской комиссіи 1792 г., изданной вслѣдствіе прошенія евреевъ. Къ нимъ стали примѣнять принципъ *neminem captivabitus* — какъ общеобязательный, позволили имъ держать христіанскую прислугу и защищали отъ произвольного повышенія податей, налагаемыхъ на евреевъ. Но просьба евреевъ о подчиненіи ихъ земскими судами, или суду гражданско-военному, отказали.

Итакъ, еврейскій вопросъ остался пока неразрѣшеннымъ; прежнія предписанія продолжали дѣйствовать.

Въ теченіе этого периода Польша, какъ Строй государства. держава, попадаетъ въ извѣстнаго рода зависимость отъ другихъ государствъ, въ формѣ такъ называемой «гарантіи». Впервые понятіе это появляется въ трактатахъ съ Россіей, подтвержденныхъ сеймомъ 1768 г. Трактатъ опредѣляетъ «основные законы», способъ голосованія въ сеймахъ, права диссидентовъ,—такъ что всякое измѣненіе въ этой области требовало особаго согласія Россіи. Пришелъ первый раздѣлъ. Польша лишилась въ пользу Пруссіи—Кролевской Пруссіи, за исключеніемъ Данцига и Торуни; въ пользу Австріи—русскаго воеводства (безъ земли Холмской) и части сандомирскаго и краковскаго воеводства (на правомъ берегу Вислы); въ пользу Россіи: Инфлянта (за исключеніемъ Поляны, которая отнынѣ представляетъ эту область) и

цѣлыхъ, или большей части воеводствъ: витебскаго, полоцкаго, минскаго и мстиславскаго—въ общемъ приблизительно одной трети земли и населенія. Державы, принимавшія участіе въ раздѣлѣ, гарантировали Польшѣ неприкосновенность территории—то же обѣщала и Польша этимъ государствамъ (съ нѣкоторыми однако условіями). Гарантия такая касается и внутренняго строя Польши, и постановленій—важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ—сейма (такъ называемаго «делегаціоннаго»—1773—1775 г.), который подтвердилъ трактаты о раздѣлѣ. Вслѣдствіе этого, важнѣйшія преобразованія строя (напримѣръ въ 1776 г.) требовали предварительного разрѣшенія сосѣднихъ государей. Однако, вопросъ гарантіи внутренняго строя былъ недостаточно ясно поставленъ. Прямо противоположно толкуютъ его двѣ деклараціи: россійская, 5 ноября 1788 г., признающая гарантію въ самыхъ широкихъ границахъ, и прусская, 29 ноября 1788 г., рѣшающая, что гарантія не касается внутренняго строя и не должна ограничивать реформы. Четырехлѣтній сеймъ рѣшеніемъ 28 сентября 1790 г. постановилъ, что никакой гарантіи не признается, и будетъ считать врагомъ всякаго, кто на нее захочеть сослаться. Рѣшеніе это вошло въ составъ основныхъ законовъ, въ реформѣ VII статьи. Очевидно, это было лишь одностороннее освѣщеніе вопроса. На точкѣ зреїнія полной свободы и непризнанія никакой гарантіи стоитъ также и конституція 3 мая, хотя прямо этого вопроса никакими предписаніями не касается. Съ внѣшней стороны Польшу составляютъ и въ течение этого периода два государства, связанныя уніей.

Унія понемногу все болѣе и болѣе скрѣпляется, благодаря возникновенію центральныхъ властей, обнимающихъ какъ Польшу, такъ и Литву (непрерывный постоянный совѣтъ, воспитательная комиссія). Четырехлѣтній сеймъ дѣлаетъ по этому пути огромный шагъ, составляя для обоихъ государствъ общій правительственный уставъ, и затѣмъ уже, на основаніи этого устава, создавая общія центральные власти. Организацію взаимныхъ отношеній между Польшой и Литвой провелъ въ принципѣ октябрскій уставъ 1791 г., въ формѣ «взаимной поруки обоихъ народовъ». Обѣ половины должны имѣть общее правительство, общую казну и общее войско. У каждой изъ этихъ половинъ есть особый штатъ министровъ, равный въ численномъ отношеніи другому, однако власть, порученная одному министру, имѣеть силу во всемъ государствѣ. Польша и Литва имѣются по равному числу представителей въ «великихъ комиссіяхъ» (за исключеніемъ полицейской). Что касается казначейства, то Литвѣ предоставлялась особая казна и особый верховный казначайскій судъ. Итакъ, хотя еще не всѣ слѣды различія двухъ этихъ государствъ были уничтожены, но въ сущности они уже слились въ одно, не только съ вѣнѣшней, но и съ внутренней стороны.

Изъ вассальныхъ державъ за Польшой остались, вплоть до третьего раздѣла, Курляндія и Семигалія, отношенія которыхъ къ Польшѣ не подверглись даже никакимъ измѣненіямъ.

Принципъ избранія короля подтверждается основными законами 1768 г. наряду съ основой элекціи *vir itim* и единомыслиемъ выбора. Основные законы 1775 г. подвинулись еще дальше и рѣшили, что королемъ можетъ быть только Полякъ, и что «сыновья и внуки не могутъ вступать на престолъ непосредственно (*immediate*) послѣ отца, но по крайней мѣрѣ послѣ двухъ царствованій». Принципъ элекціи принимаются также и всѣ политические писатели и стараются единственно посредствомъ своихъ программъ смягчить опасности, угрожающія во время безкоролевій. Элекцію признаютъ также «Основы формъ правленія» 1789 г. и «Ненарушимые основные законы» 1791 г. — Но элекцію требовали еще при жизни короля. 20-го сентября 1790 г. было рѣшено узнать объ этомъ вопросѣ мнѣніе народа, т. е. сеймиковъ, и постановить способъ элекціи, слѣдя большинству (тремъ четвертямъ) инструкцій. Сеймики конца 1790 г. согласились на элекцію при жизни короля — лишь немногіе голосовали за наследственное право. Положеніе короля и его права еще подверглись ограниченіямъ въ теченіе этого периода. Основные законы 1768 г. признали его «должностью» наряду съ сенатомъ и палатой пословъ, такъ что безъ его согласія никакой уставъ не могъ быть окончательно рѣшеннымъ; однако, законы эти сохранили и прежнюю отвѣтственность короля передъ народомъ. Что касается исполнительной власти, то въ ея области король многое еще утратилъ. Съ момента образования вмѣсто резидентовъ — «постоянного совѣта» король долженъ подчиняться рѣшенію большинства

членовъ совѣта, чиновниковъ же могъ назначать только изъ среды трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ совѣтомъ. Послѣднее право король получилъ вновь послѣ уничтоженія постояннаго совѣта (въ 1789 г.). Почти всѣ прочіе вопросы перешли къ комиссіямъ, дипломатическая же дѣла, на которыхъ король могъ оказывать сильнѣйшее вліяніе, именно въ совѣтѣ, теперь поручались новоучрежденной комиссіи, рѣшающей все самостоятельно, помимо короля.

На иныхъ принципахъ основываетъ королевскую власть конституція 3-го мая. Она вводить наследственность престола, поручая его саксонскому электу Фридриху-Августу, а послѣ его смерти — дочери его и ея мужскимъ потомкамъ. Король не отвѣчаетъ за свои поступки; однако акты, издаваемые отъ имени короля, должны быть скрѣплены однимъ изъ министровъ, который тогда за нихъ и отвѣчаетъ. Въ области законодательной власти короля лишили самостоятельного значенія, права распоряженій и предоставили ему лишь 2 голоса въ сенатѣ. Зато значительно усилилась исполнительная власть государя — образовалось сильное правительство. Стража, считающаяся высшей властью, является по отношенію къ королю лишь совѣщательнымъ органомъ, не связываетъ его никакими постановленіями, требуя лишь скрѣпленія приказовъ короля однимъ изъ министровъ. Королю также была поручена верховная команда надъ арміей; онъ назначаетъ предводителей въ случаѣ войны. Въ области судебнаго вѣдомства, принадлежащаго королю, послѣдній получилъ право помилованія, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ. Итакъ, власть королевская,

несмотря на ограничения въ законодательной области, усилилась въ смыслѣ могущества и значенія.

Сеймы и сеймики. Сеймы и сеймики несли многочисленныя и важныя обязанности. Неудивительно по-

этому, что реформы, наряду съ должностями, занимаются въ такой мѣрѣ вопросомъ парламентской организаціи. Несмотря на это, однако, строй страдалъ многими недостатками; коренную реформу ввела лишь конституція 3-го мая и дополняющіе ее уставы. Число сенаторовъ возрастаетъ вслѣдствіе причисленія къ сенату, какъ министровъ,—гетмановъ (1768) и придворныхъ казначеевъ (1775 г.), а также одного воеводы и нѣсколькихъ новоучрежденныхъ кастеляновъ. Несмотря на раздѣлъ Польши, сенаторскіе и земскіе саны отдѣлившихся воеводствъ продолжали существовать, хотя, очевидно, чисто нарицательно. Изъ сената ушло лишь нѣсколько епископовъ, но зато въ 1790 г. получилъ въ немъ кресло кіевскій митрополитъ. Въ 1768 г. число сенаторовъ равно 152; послѣ раздѣла—въ 1775 — 153; и наконецъ, начиная съ 1790 г. — 154. Посольская палата возрасла путемъ прибавленія нѣсколькихъ пословъ нѣкоторымъ областямъ — до 198 (143 отъ Короны, 49 отъ Литвы, 6 отъ Инфлянта). Въ 1764 г. опредѣлили наконецъ число прусскихъ пословъ въ 38, слѣдовательно всѣхъ вмѣстѣ — 236.

Послѣ раздѣла число пословъ уменьшилось лишь настолько, насколько отпадали сеймики; но если воеводство, область или уѣздъ, уменьшались въ своихъ границахъ, то число пословъ не измѣнялось. Сильнѣе ощущалось отсутствіе многочисленныхъ прусскихъ

депутатовъ, но вслѣдствіе прибавленія новыхъ пословъ различнымъ областямъ палата состоитъ послѣ раздѣла изъ 177 членовъ (123 изъ Короны, 48 изъ Литвы, 6 изъ Инфлянта). Четырехлѣтній сеймъ съ конца 1790 г. совѣщался въ двойномъ составѣ, т. е. въ числѣ 354 членовъ.

Реформы сеймового строя касаются способа веденія совѣщаній, слѣдовательно—регламента, и вопроса объ единомысліи. Уже соборъ 1764 г. организовалъ порядокъ совѣщаній сейма, опредѣливъ вполнѣ точно, какъ должны одна за другой наступать стадіи этихъ совѣщаній. Регламентъ основывается на практикѣ, новизны не вводить почти никакой: онъ заботится лишь о томъ, чтобы устранить безпорядокъ и ускорить ходъ дѣйствій. Самымъ важнымъ преобразованіемъ было подраздѣленіе предметовъ совѣщанія въ посольской палатѣ (послѣ разъединенія палаты); во главѣ всѣхъ идутъ тронный дѣла, предъявленный въ сеймики посредствомъ королевскихъ универсаловъ, затѣмъ «дезидері» (т. е. мнѣнія, излагаемыя послами), касающіяся всей страны, и наконецъ только priata, относящіяся къ отдѣльнымъ воеводствамъ, областямъ или лицамъ. Регламентъ запрещаетъ вводить въ совѣщаніе новый вопросъ, пока окончательно не исчерпанъ предыдущій. Запрещено также посламъ подтверждать присягой инструкцію. Вопроса единомыслія почти что не касались: большинство голосовъ было введено лишь въ рѣшенія относительно финансовыхъ вопросовъ второстепенного значенія.--- И послѣдующіе сеймы (коронаціонный 1764 г., сеймъ 1766 г.) даютъ мелкія предписанія, дополняющія регламентъ 1764 г., но большого значенія они не имѣютъ. Новую

реформу предпринимаетъ сеймъ 1768 г. Онъ составляетъ новый, очень подробный регламентъ совѣщаній. Но и этотъ регламентъ не приноситъ значительныхъ перемѣнъ. И тутъ удерживается прежній порядокъ стадій въ совѣщаніяхъ, почти совершенно сходный съ регламентомъ 1764 г. Не уничтожили даже излишнихъ формальностей, какъ напр. сенаторскихъ вотовъ, которые однако нѣсколько ограничили. Пытались усилить власть маршала, но это не было достаточной реформой. Важнѣйшія измѣненія касаются подраздѣленія всѣхъ вопросовъ на двѣ группы: 1) вопросы *status* и 2) экономические вопросы. Въ области послѣднихъ былъ введенъ принципъ большинства голосовъ: чтобы предположеніе стало уставомъ, требовалось большинство голосовъ въ сенатѣ и въ палатѣ, а также согласіе короля. Въ дѣлахъ *status* оставили единомысліе и даже помѣстили его среди основныхъ законовъ. *Veto* попрежнему разрушаетъ всѣ предварительно составленныя рѣшенія въ области *status*, но оно не касается постановлений въ экономическихъ вопросахъ, такъ что постановленія эти не теряютъ силы даже въ случаѣ перерыва сейма. Итакъ, замѣчается шагъ впередъ, но весьма еще незначительный; это потому, что черезчурь много вопросовъ относилось къ области *status*, да и то перворазряднаго значенія для государственного быта, а именно: повышеніе или измѣненіе податей и тарифовъ, усиленіе числа войскъ, заключеніе договоровъ, торговыхъ трактатовъ, объявленіе войнъ, созывъ всеобщаго ополченія и пр., даже нобилитациіи и индигенаты. Слѣдовательно, польза отъ введенія большинства голосовъ

на практикѣ не имѣла большого значенія. Весьма вредно, въ свою очередь, вліяло нововведенное правило о томъ, чтобы совѣщанія велись categoriatum, т. е. по отдельнымъ главамъ, съ обсужденіемъ отдельныхъ пунктовъ программы. Вслѣдствіе этого предписанія, пренія, и безъ того запутанныя и длинныя, становились еще болѣе продолжительными. Не помогли даже и постановленія о власти маршала, относящіяся къ 1764 и 1768 г., ибо ими не пользовались. Каждый по-прежнему говорилъ, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ.

Реформа 1768 г. просуществовала до четырехлѣтняго сейма. На практикѣ нашелся однако способъ нѣкотораго видоизмѣненія отношений, съ главной цѣлью устранить принципъ единогласія, а именно конфедерациія и делегація. Сеймы, созываемые во время существованія конфедерациіи (1764 — 1768 г.), считаются связанными этой конфедерацией, слѣдовательно рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. Совѣщаются же, какъ другіе сеймы, съ тою только разницей, что палаты не разъединяются. Но теперь является до нынѣ неизвѣстное нововведеніе: сеймъ можетъ самъ связаться въ конфедерацию, хотя бы и не было генеральной конфедерациіи. Конфедерациія заключается или среди пословъ, и тогда къ нимъ примыкаютъ другіе послы, а также и король (сеймы 1773 — 1775, 1788 — 1792), или же король основываетъ конфедерацию въ постоянномъ совѣтѣ, а затѣмъ уже соединяются съ нимъ послы, вслѣдствіе чего король приобрѣтаетъ большее вліяніе на дѣйствія конфедерациіи (1776 г.). Совѣщанія ведутся подъ предсѣдательствомъ конфедерационаго маршала. Такимъ образомъ, не ожидая общего-

сударственной конфедерациі, можно было пользоваться ея выгодами — правомъ большинства голосовъ. Конфедерационные сеймы не были связаны опредѣленными сроками,—могли длиться и по нѣсколько лѣтъ (дeлегацiонный 1773—1775 г., четырехлѣтнiй 1788—1792). Для облегченiя, или точнѣе сокращенiя совѣщанiй возникаетъ новая форма—такъ называемая «делегацiя». Впервые вводитъ ее ради политическихъ соображенiй сеймъ 1768 г.: она повторяется сеймомъ 1773—1775 г. и часто прибѣгаetъ къ ней четырехлѣтнiй сеймъ.

Спецiально избранной комиссiи поручалось право изготовленiя устава—съ полной властью сейма, такъ что впослѣдствiи сейму оставалось лишь прослушать ея постановленiя, — или же ей поручали составить цѣлую программу, которую сеймъ могъ принять, отбросить, или видоизмѣнить, не обсуждая, однако, отдельныхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, пытались отсрочивать на практикѣ основу совѣщанiй categoriatum. Къ этому способу прибѣгалъ особенно часто четырехлѣтнiй сеймъ, пока не создалъ, наконецъ, но только для себя спецiально, на время этого одного сейма, «торжественнаго ручательства за порядокъ въ палатѣ».

Въ этомъ ручательствѣ ограничивалось число рѣчей каждого посла до двухъ — не больше — въ одномъ и томъ же вопросѣ, рѣшалось, что нельзя прерывать обсужденiе одного дѣла для разсмотриванiя другого, ни распускать засѣданiе до окончательного разсмотрѣнiя извѣстнаго пункта и постановленiя по нему. Программы уставовъ должны были раздаваться посламъ за три дня до обсужденiя ихъ въ сеймѣ. Голосованiе

предполагалось явное, а затѣмъ всегда второе — тайное. Но и этотъ уставъ, усовершенствовавшій нѣсколько совѣщанія, не съумѣлъ воздержать пословъ отъ болтовни.

Наряду съ реформами сейма появляются попытки реформировать сеймики. Стремленіе въ этомъ направленіи замѣчается впервые на обоихъ сеймахъ 1764 г., т. е. конвокациіи и коронаціонномъ сеймѣ, а также въ сеймѣ 1766 г. Конституціи напоминаютъ и подтверждаютъ предварительныя постановленія, преобразовавшія цѣлый рядъ воеводствъ, вводя туда основу большинства голосовъ относительно землевладѣльцевъ. Предписаніямъ этимъ подчинились добровольно и нѣкоторыя другія воеводства. И въ этомъ, слѣдовательно, заключается извѣстный прогрессъ. Реформу въ большей мѣрѣ проводить лишь сеймъ 1768 г. относительно всѣхъ рѣшительно сеймиковъ. Однако, конституціи причислили къ сеймикамъ не только землевладѣльцевъ, но и неосѣдлыхъ, насколько они принадлежали къ знатнымъ фамиліямъ воеводства, т. е. жили въ немъ долгое время; итакъ, въ сеймикѣ удержался нежелательный элементъ «шляхта-голта», но, зато, окончательно былъ введенъ принципъ большинства голосовъ, не только относительно землевладѣльцевъ, но и при составленіи инструкцій и laudae. Единогласіе совершенно устраниется въ сеймѣ. Уничтожены были также остатки финансового вѣдомства сеймиковъ, которымъ запретили впредь назначеніе какихъ бы то ни было налоговъ. Конституція эта положила предѣлъ прежнему своеволію и безответственности сеймиковъ.

Новѣйшій реформой, преобразовавшей окончательно польскій парламентаризмъ, несмотря на сохраненіе прежнихъ вѣнчанихъ формъ, являются постановленія о сеймахъ и сеймикахъ, конституціи 3-го мая и трехъ дополняющихъ и развивающихъ ее уставовъ (конституціи: 24-го марта 1791 г., подъ заглавіемъ «сеймики», включенная въ видѣ составной части въ конституцію 3-го мая; вторая — 12-го и 16-го мая, такъ наз. «сѣмы», и третья — 27 мая того же года: «сеймъ конституціонный чрезвычайный»).

Сеймъ долженъ всегда быть наготовѣ; это значитъ, что депутаты избирались не для одного сейма, но на известный periodъ времени — на два года, такъ что, кроме предписанныхъ закономъ законодательныхъ сеймовъ, созываемыхъ каждые два года, сеймъ можетъ собраться въ любое время въ случаѣ необходимости, или по приказу короля. Заключительный сеймъ долженъ длиться 70 дней (не считая праздниковъ), но можетъ продолжаться до 100 сутокъ. «Готовый» сеймъ собирается въ случаяхъ возникновенія вопросовъ международного права (напр. войны, междуособій, опасности, голода, смерти или тяжелой болѣзни короля, наконецъ въ случаѣ столкновенія между стражей и королемъ, или между комиссіями и стражей). Такой сеймъ обсуждаетъ лишь тотъ вопросъ, для котораго онъ созванъ, и постановленія его имѣютъ силу закона только временно, до открытия обыкновенного законодательнаго сейма, который долженъ подтвердить ихъ. Черезъ 25 лѣтъ послѣ изданія конституціи 3-го мая было назначено собраніе конституціоннаго сейма съ цѣлью пересмотра «правительственнаго устава», въ

области которогого нельзя было производить за это время никакихъ измѣненій. Сеймъ долженъ быть по-прежнему состоять изъ короля, сената и палаты депутатовъ. Но у короля былъ одинъ, а въ случаѣ равенства голосовъ — два голоса въ сенатѣ, т. е. мнѣніе его лишалось рѣшающей силы. Въ составъ палаты депутатовъ входили избираемые сеймиками депутаты въ числѣ 204 и 21 городскихъ уполномоченныхъ отъ окружныхъ собраній, но безъ рѣшительного голоса. Сенатъ образовали воеводы и кастеляны, но въ ограниченномъ числѣ — 102, а также епископы и министры, однако послѣдніе совсѣма съ правомъ рѣшающаго голоса (въ общемъ — 182 человѣка). Сенатъ, однако, не стоялъ наравнѣ съ палатой депутатовъ, что особенно ярко проявлялось въ способѣ подачи голосовъ. Среди законовъ, постановляемыхъ сеймами, отличали: основные законы, отмѣнить которые могъ только конституціонный сеймъ; всеобщіе законы, къ которымъ причисляли конституціонные, гражданскіе, карательные и ипотечные, подати, а также другія условія, издаваемыя «указами» сейма. Въ конституціонныхъ сеймахъ вопросы решались большинствомъ голосовъ — какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ. Общія положенія палата принимала большинствомъ $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$ голосовъ; сенатъ имѣетъ право такимъ же большинствомъ отвергнуть постановленіе палаты; если однако на слѣдующемъ сеймѣ палатой вновь будетъ принято тоже постановленіе, тогда оно уже приводится въ дѣйствіе безъ вторичнаго голосованія сената. Итакъ, сенатъ въ утвержденіи общественныхъ законовъ не стоить

на одномъ уровнѣ съ палатой. «Сеймовыя рѣшенія» постановляются большинствомъ двухъ третей или трехъ четвертей голосовъ, которые подсчитывались въ обѣихъ палатахъ вмѣстѣ. И тутъ, слѣдовательно, сенатъ имѣлъ меньшее значеніе, такъ какъ болѣе численная палата депутатовъ могла всегда одержать верхъ. Голосованіе происходило сперва путемъ открытаго голосованія, а затѣмъ и тайного; исключительно открытая подача голосовъ примѣнялась въ постановленіяхъ объ ипотечныхъ податяхъ и постоянномъ составѣ войскъ.

Регламентъ совѣщаній опредѣленъ былъ весьма подробно. Онъ основывается на предписаніяхъ 1768 г., но касается еще болѣе мелочей. Точноѣшимъ образомъ назначалось число дней, посвящаемыхъ каждой отдельной стадіи совѣщаній, въ какомъ порядкѣ наступаютъ эти стадіи одна за другой и пр. Безспорно, такой регламентъ былъ ужъ черезчуръ подробенъ и нерѣдко могъ связывать дѣятельность сейма; но этотъ недостатокъ легко оправдатъ, принимая во вниманіе, что цѣлью реформы была реакція противъ чрезмѣрной растянутости прежнихъ совѣщаній. Самымъ важнымъ преобразованіемъ являлось предписаніе о томъ, чтобы проекты уставовъ, представленные специальнно назначеною для этого комиссіей, могли быть приняты сеймомъ, или отвергнуты, или же отосланы для исправленія, и въ послѣднемъ случаѣ сеймъ могъ вторично: принять ихъ или окончательно отклонить, но не имѣлъ права измѣнять отдельныхъ постановленій проекта.

Реформа имѣла большое значеніе: она придала сейму современный характеръ, устранила единогласіе и прекратила конфедерацию. Города были, наконецъ, допущены въ сеймъ. Правда, городскіе депутаты не имѣли пока рѣшительного голоса и могли выражать свое мнѣніе исключительно въ городскихъ вопросахъ; тѣмъ не менѣе, это былъ прогрессъ, способный привести со временемъ къ признанію за городами полныхъ правъ въ сеймѣ. Но самымъ важнымъ нововведеніемъ является устраненіе значенія инструкціи (хотя формально отчасти ее сохранили), и взглядъ на депутатовъ, какъ на представителей государства, обсуждающихъ благо всего народа, между тѣмъ какъ раньше это были представители чисто сословные. Вслѣдствіе этихъ преобразованій, польскій сеймъ утратилъ наконецъ прежнія черты средневѣкового сословнаго парламента и превратился въ органъ общеноародный.

Сеймики подверглись сравнительно большими измѣненіямъ еще до четырехлѣтняго сейма. Реформа развилась, прежде всего, въ самой важной области—въ составѣ сеймовъ. Не-владѣльцы были устранины, голосъ получили лишь дворянѣ-землевладѣльцы (вмѣстѣ съ ненадѣленными сыновьями и братьями), залогодержатели и пожизненные владѣльцы, да и то съ условиемъ, обязывающимъ первыхъ платить подати, вторыя же двѣ группы довольно высокій налогъ (100 польскихъ злотыхъ — удесятеренная десятинная подать). Всѣ, имѣющіе право принимать участіе въ сеймикахъ, записывались въ особая книги, такъ называемыя земскія. Завѣданіе совѣщаніями и ихъ подготовкой регламентъ отдалъ особому распорядительному

ному собранію, состоящему изъ чиновниковъ и бывшихъ чиновниковъ, съ маршаломъ и шестью ассесорами, избираемыми по жребию. Виды сеймиковъ сохранились: элекціонные—для выборовъ депутатовъ въ сеймъ, гражданско-военныхъ приставовъ и судей (въ опредѣленные сроки, черезъ два года); депутатскіе—для выбора депутатовъ въ трибуналъ, связанные съ хозяйственными (ежегодно), и наконецъ реляціонные—послѣ сеймовъ. Элекціонные сеймики наряду съ избраніемъ депутатовъ обязаны были составлять для нихъ инструкціи. Теперь, однако, инструкціі касаются только общественныхъ правъ (не постановлений); въ случаѣ предпринимаемыхъ измѣненій въ области общественныхъ правъ, король долженъ передать ихъ на обсужденіе сеймиковъ. Кромѣ того, инструкціі заключаютъ также положенія воеводствъ и уѣзовъ, но эта инструкція въ смыслѣ свободы голосованія не связываетъ депутата. Его могутъ лишь посредствомъ тайного голосованія въ реляціонномъ сеймикѣ лишить званія депутата. Хозяйственные сеймики обсуждаются нужды воеводства, но не имѣютъ права налагать по-дати. Всѣ рѣшенія постановляются по большинству голосовъ.

Уставъ о сеймикахъ былъ введенъ въ дѣйствіе, но существовалъ недолго. Уставы о сеймахъ имѣли, однако, исключительно теоретическое значеніе. Ни одинъ сеймъ не собирался и не совѣщался такъ, какъ ему предписывали правила. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ громадное значеніе, какъ памятникъ коренногого преобразованія парламентскихъ понятій въ Польшѣ.

Должности. Реформы въ области должностей, приведенные до четырехлѣтняго сейма, касаются почти исключительно преобразованія центральныхъ властей или точнѣе—образованія новыхъ. Другихъ областныхъ властей—земскихъ и гродскихъ—они почти не касались. Появилось еще одно новое воеводство (Гнѣзенское, 1768 г.), новые кастелянства, и низшія земскія должности для нѣсколькихъ уѣздовъ. Относительно староствъ единственной реформой была такъ называемая долгосрочная реформа староствъ 1775 г. У староствъ отняли администрацію имѣній, земельные надѣлы, которые были переданы казнѣ, но предѣлы ихъ власти остались тѣ же. Выборъ старостъ поручили сеймикамъ. Этимъ реформа и ограничилась, хотя власть старостъ требовала болѣе глубокихъ преобразованій.

Изъ центральныхъ должностей вслѣдствіе реформъ утратили много значенія министерства, къ которымъ причисляли тогда гетмановъ и надворныхъ казначеевъ. Реформы опредѣлили точно вѣдомство и составъ судовъ ассесорскихъ (1764 г.) и маршальскихъ (1766 г.), ограничивъ власть канцлеровъ, и отчасти маршаловъ. Послѣдняго лишили администраціи двора (1766 г.). Прочія обязанности, какъ маршаловъ, такъ и канцлеровъ, казначеевъ и гетмановъ, перешли чуть ли не всецѣло къ новосозданнымъ коллегіальнымъ властямъ; права же ихъ были сведены къ руководительству въ этихъ новыхъ центрахъ государственной власти.

Центрами этими являются: комиссіи, такъ называемыя великія, и постоянный совѣтъ. Реформы эти соответствуютъ административнымъ преобразованіямъ,

произведеннымъ на Западѣ гораздо раньше, начиная уже съ XVI столѣтія. Но разница въ томъ, что тамъ реформы произошли по волѣ государя, съ цѣлью укрѣпленія его власти. Въ Польшѣ же, наоборотъ, ихъ проводитъ факторъ, одержавшій верхъ надъ королемъ—дворянство, представитель котораго сеймъ. Комиссіи были установлены конвокацией 1764 г.: двѣ финансовые—для Короны и Литвы и одна военная—для Короны; коронаціонный сеймъ создалъ особую военную комиссию для Литвы, совершенно по образцу коронной; въ 1775 же году была учреждена воспитательная комиссія. Во главѣ финансовыхъ комиссій стояли великіе казначеи и, какъ ихъ замѣстители, надворные; въ составѣ комиссій входили сенаторы и члены рыцарскаго класса (въ общемъ отъ Короны 16, а съ 1767 г.—9; въ Литвѣ сперва 9, а послѣ 1768 г.—6), избираемые на два года сеймами, слѣдя конституціи 1766 г. Сеймъ выбиралъ комиссаріевъ изъ среды кандидатовъ, представленныхъ, въ числѣ четырехъ, королемъ. Комиссіи эти взяли въ свои руки собственно завѣданіе казной, контроль финансовыхъ и судопроизводство въ финансовыхъ дѣлахъ, т. е. къ нимъ перешли тѣ обязанности, которые до того времени принадлежали казначеямъ, равской казнѣ и казначейскому трибуналу. Поэтому, два послѣднихъ учрежденія и перестали существовать. Наряду съ этимъ, комиссіи отправляли судъ въ торговыхъ и вексельныхъ дѣлахъ (отчасти I-ой, отчасти II-ой инстанціи) и, кроме того, составляли родъ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣя подъ своимъ покровительствомъ экономическое благосостояніе государства, а въ особенности поддержку торговли и т. д.

Военные комиссии съ гетманами, великими и отчасти полевыми во главѣ, состояли изъ выбираемыхъ сеймами также на два года комиссарievъ (16, съ 1768 г.—6); онѣ взяли на себя управлениe военными дѣлами, главнымъ образомъ въ области финансовой (замѣщая казначейскій трибуналъ) и юридической (т. е. между военными и дѣла штатскихъ противъ военныхъ). Гетманъ, однако, сохранилъ еще нѣкоторыя обязанности, преимущественно на случай войны. Въ 1766 г. военные комиссии были упразднены, и вѣдомство ихъ передано военному департаменту постоянного совѣта.

Въ названныя комиссии (объединенная въ Коронѣ вмѣстѣ съ ассесорскимъ и маршальскимъ судами въ четыре вѣдомства) перешли дѣла, принадлежавшія прежде другимъ властямъ; созданная же въ 1775 году раздѣльнымъ сеймомъ воспитательная комиссія является учрежденiemъ, до того въ Польшѣ неизвѣстнымъ. Образованiemъ до того времени занималась церковь. Открытие въ этой области нового круга дѣятельности гродской администраціи было большимъ успѣхомъ въ развитіи государственности. Сначала комиссія не была точно организована. Ее избрали сеймомъ 1775 г. въ числѣ 8 лицъ на шесть лѣтъ, а затѣмъ вновь подтверждали это полномочіе до слѣдующаго срока. Комиссія взяла на себя завѣдываніе всѣми общественными школами государства, а именно академіей, гимназіями, академическими колоніями и, кромѣ того, суммами, записанными въ пользу научныхъ цѣлей въ государственную казну послѣ закрытія ордена іезуитовъ. Въ вопросахъ, касающихся этой области, комиссія

обладаетъ и судебной властью. Воспитательная комиссія, въ противоположность другимъ, была учреждениемъ общимъ для Короны и Литвы.

Надъ этими властями стоялъ постоянный совѣтъ, учрежденный въ 1775 г. Въ составъ совѣта входятъ: король, 18 сенаторовъ и представителей рыцарского класса, среди которыхъ одинъ носить титулъ маршала рыцарского сословія. Правленіе совѣта длится два года, между двумя сеймами. Совѣтъ подраздѣлялся на пять департаментовъ: иностранныхъ дѣлъ, полиціи или благопорядка, военный, судебній и финансовый. Первый состоитъ изъ 4-хъ, остальные изъ 8-ми членовъ. Во главѣ каждого департамента стоитъ одинъ изъ министровъ, избранный въ совѣтъ (канцлеръ, маршалъ, гетманъ, второй канцлеръ, казначай). Что касается остальныхъ министровъ, не избранныхъ въ совѣтъ, то они, если не засѣдали въ комиссіяхъ, не имѣли отнынѣ никакихъ обязанностей. Король имѣетъ въ департаментѣ только два голоса, и долженъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства. Весь совѣтъ составляетъ исполнительную власть сейма, наблюдаетъ за исполненіемъ предписаній, составляетъ проекты законовъ, повѣряетъ ихъ, насколько ему это поручить сеймъ. Кроме того, ему принадлежать дипломатические вопросы: онъ высылаетъ пословъ, снабжаетъ ихъ инструкціями, принимаетъ реляціи и пр. Совѣтъ же предлагаетъ по три кандидата на замѣщаемыя королемъ должности, такъ что изъ этихъ трехъ король имѣетъ право выбирать. Наконецъ, отъ решенія совѣта зависитъ распоряженіе экстраординарными суммами (т. е. предназначенными для цѣлей, непредвидѣнныхъ бюджетомъ).

Итакъ, постоянный совѣтъ занялъ мѣсто резидентовъ, но кругъ его дѣйствій, однако, несравненно шире. Департаменты имѣютъ по отношенію къ совѣту характеръ совѣщательныхъ органовъ. Постановленія конституції 1775 г. не вполнѣ понятны въ смыслѣ положенія совѣта относительно прочихъ властей, главнымъ образомъ, комиссій. Сеймъ 1776 г. постановилъ поэтому, что всѣ учрежденія обязаны подчиняться совѣту и исполнять его приказы, а сверхъ того опредѣлилъ точнѣе вѣдомство департаментовъ. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ готовить дипломатическія дѣла въ совѣтъ, департаментъ полиціи имѣетъ надзоръ за администрацией городовъ, судебный—наблюдаетъ за порядкомъ въ судопроизводствѣ. Финансовый департаментъ соперничалъ съ комиссіями, онъ занимался, главнымъ образомъ, ихъ контролемъ и смотрѣлъ за точнымъ соблюдениемъ бюджета. Самымъ неяснымъ пунктомъ являлся вопросъ обѣ отношеній военного департамента къ комиссіи и гетманамъ. Для прекращенія этого положенія военная комиссія были упразднены (въ 1776 г.), и всѣ ихъ обязанности переданы департаменту, за исключеніемъ финансовыхъ дѣлъ, перешедшихъ къ финансовой комиссіи. Гетману осталось лишь предсѣдательство въ департаментѣ.

Департаментъ этотъ пересталъ существовать вслѣдствіе постановленія четырехлѣтняго сейма въ самомъ началѣ его совѣщаній (ноябрь 1788 г.). На его мѣсто была возстановлена военная комиссія, но уже одна для обѣихъ частей государства. Она имѣла временный характеръ, во главѣ ея стояли гетманы, мѣ-

няющіеся каждые три мѣсяца; составляли же ее 18 членовъ, изъ нихъ $\frac{2}{3}$ штатскихъ. Кромѣ того, еще въ концѣ 1788 г. сеймъ основалъ особую дипломатическую комиссию, независимую отъ постояннаго совѣта; организація этой комиссіи подробно не была опредѣлена.

Въ началѣ 1789 г. упраздняется постоянный совѣтъ. На его мѣсто не поставили сперва никакой другой власти, такъ что еще нѣкоторое время центральное правительство составляютъ комиссіи финансъ и двѣ другія, учрежденныя въ концѣ 1788 г. Король получаетъ вновь нѣкоторыя права, отнятыя у него въ пользу совѣта. Лишь конституція 3 мая основала фундаментъ новаго государственного строя, а затѣмъ развивается цѣлую систему отдѣльныхъ конституцій (31/V 1791 г.—стража; 17/VI и 20/VI—1791 г.—комиссія поліції; 27/X—1791 г.—комиссія финансъ; 18/V 1792 г.—военная комиссія). Высшей властью является стража; ее составляютъ: король, примасъ, пять министровъ (одинъ изъ маршаловъ, какъ министръ поліціи, одинъ изъ канцлеровъ—министръ печати, или внутреннихъ дѣлъ, второй—иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ гетмановъ—военный министръ, одинъ изъ казначеевъ—министръ финансъ), наслѣдникъ престола (безъ голоса) и, наконецъ, два секретаря. Министры въ стражу назначаются королемъ изъ среды министровъ совершенно произвольно, разъ на два года. Стражѣ подчинены всѣ должности, посредниками между ними являются великія комиссіи. По отношенію къ королю стража является только совѣтомъ, и совѣтъ этотъ короля не связываетъ, лишь бы одинъ изъ министровъ

скрѣпилъ его распоряженія. Въ случаѣ спора между королемъ и стражей, король, а если онъ не желаетъ, то сеймовый маршаль, созываетъ сеймъ, рѣшающій спорный вопросъ. За всѣ акты, издаваемые отъ имени короля и скрѣпленные однимъ изъ министровъ, отвѣ чаются министры. Сеймъ въ правѣ призвать ихъ къ такой отвѣтственности и надлежащимъ образомъ на казать; можетъ также, большинствомъ двухъ третей голосовъ, устранить ministra. Это уже принципъ парламентского большинства, хотя проведенный пока въ такой, невполнѣ соотвѣтствующей формѣ. Комиссіи организованы по образцу предшествующихъ. Общей ихъ чертой является то, что это уже органы, общіе «для обоихъ народовъ»; власть ихъ распространяется и на Польшу и на Литву; состоять онѣ изъ министровъ, не принадлежащихъ къ стражѣ, которымъ поочередно поручается предводительство, изъ комиссаріевъ (отъ 14 до 15), избираемыхъ сеймами каждые два года, а также изъ городскихъ депутатовъ (6). Въ военной комиссіи преимущество имѣютъ штатскіе. Вѣдомства финансовой и военной комиссіи остаются приблизительно такими же, какъ и прежде, т. е. въ области казны, отчасти военныхъ и судебныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этой отраслью администраціи. Совершенно новымъ органомъ является комиссія поліціи, или, собственно говоря, министерство внутреннихъ дѣлъ. Къ вѣдомству этой комиссіи относится, по уставу, не только безопасность и спокойствіе, т. е. собственно поліцейская область, но и общественное благосостояніе, т. е. администрація. Итакъ, поліцейская комиссія занимается надзоромъ за безопасн-

ностю, за обычаями, за торговлею, за народнымъ здравіемъ, за благотворительностью, за соблюденіемъ литературной собственности, за статистическими данными, за дешевизной продуктовъ, за средствами добыванія труда, за путями сообщенія и пр. Кругъ ея дѣятельности огромный.

Однако, благодаря тогдашнему строю и привиллегіямъ дворянства, полными правами пользуется комиссія только относительно королевскихъ городовъ; что касается всего государства, то она, главнымъ образомъ, въ полицейскихъ вопросахъ—должна ограничиваться разсылкой по домамъ предостереженій и объявлений. Несмотря, однако, на нѣкоторое ограничение дѣятельности комиссіи, введеніе въ жизнь понятія объ администраціи было новизной, весьма желательной.

Дѣятельность этихъ центральныхъ властей дополнялась распорядительными гражданско-военными комиссіями, образованными уже раньше, въ ноябрѣ 1789 г., сначала для Литвы, потомъ для Короны. Состоять онѣ изъ комиссаріевъ, избираемыхъ сеймомъ разъ въ два года, въ числѣ, по крайней мѣрѣ, 15 человѣкъ (для Литвы, и по крайней мѣрѣ—16 для Короны). По должности входятъ туда нѣкоторые чиновники. Комиссія занимается гражданскими и военными вопросами: квартирами, рекрутскимъ наборомъ, паспортами, устройствомъ складовъ для войскъ, снабженіемъ войскъ подводами, а также и вопросами «экономическими»: введеніемъ статистическихъ списковъ, податей, земледѣльческихъ совѣтовъ, поддержкой ремесль и торговли, школъ, благотворительныхъ учре-

жденій и пр. Кромъ того, онъ исполняютъ порученія великихъ комиссій, помогаютъ имъ. И здѣсь, слѣдовательно, замѣчается стремленіе создать опредѣленные органы администраціи, подчинить эту администрацію государству, расширить кругъ ея дѣйствій. Задачъ этихъ не исполняли ни старосты, ни сеймики, несмотря на свое название—хозяйственныхъ. Дѣятельность распорядительныхъ гражданско-военныхъ комиссій, а также полицейской комиссіи, это уже—предвѣстникъ другихъ, новыхъ взглядовъ на государство, на его нужды и цѣли.

Финансы. Особая королевская казна имѣла свои собственные доходы. Уже въ 1768 году ей назначили (хотя и не уплатили) $1\frac{1}{2}$ миллиона польскихъ злотыхъ въ годъ изъ государственной казны. Когда послѣ раздѣла отпали главные источники королевскихъ доходовъ (богатыя экономіи и копи, а отчасти и таможенные пошлины), делегаціонный сеймъ 1773—1775 г. назначилъ королю, взамѣнъ этихъ убытокъ, четыре старства и ежегодный окладъ изъ казны въ суммѣ 7 миллионовъ польскихъ злотыхъ. Но уже въ 1776 г. ассигнованіе это было уменьшено до 4 миллионовъ злотыхъ. Кромъ того, въ теченіе этой эпохи государственная казна неоднократно переводила на себя королевскіе долги, иногда весьма большіе. Для управлениія королевской казной была установлена въ 1781 г. особая экономическая комиссія финансовъ Его Королевскаго Величества.

Усиленіемъ государственныхъ доходовъ занялась уже въ 1764 г. конвокація. Былъ назначенъ новый

осмотръ королевскихъ владѣній; для увеличенія четвертнаго дохода поголовная еврейская подать требовалась въ суммѣ 2 злотыхъ польскихъ съ каждой головы, а не въ видѣ оптовой суммы, какъ прежде; введена была общая подать безъ исключенія привилегированныхъ сословій; занялись также и болѣе правильнымъ сборомъ военного квартирнаго налога. Первоначально удержалась и поголовная дворянская подать, но вслѣдствіи предполагалось ея уничтоженіе, когда въ казну начнутъ поступать соотвѣтствующія суммы изъ таможни. Однако эти реформы невполнѣ удалились: общая подать не привилась, вслѣдствіе чего христіанская поголовная подать продолжала существовать. Сеймъ 1766 года возстановилъ ее въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ она собиралась раньше, но зато произвелъ нѣкоторыя преобразованія въ таможнѣ, уничтоживъ внутреннія пошлины. Тотъ же сеймъ возстановилъ винный налогъ и потребительную подать винного откупа и распивочной продажи напитковъ—въ размѣрѣ 10% чистой прибыли; этотъ доходъ долженъ былъ замѣнить поголовный сборъ, но послѣдній удержался помимо всего. Сеймъ 1768 г. составилъ новый бюджетъ, который однако не былъ осуществленъ, какъ и другія реформы въ области финансовъ, предположенные этимъ сеймомъ. Единственно ему удалось ввести генуэзскую лотерею (1769 г.), какъ частное предпріятіе, обязанное вносить опредѣленную сумму въ государственную казну. Весьма серьезно занялся финансовымъ вопросомъ раздѣльный сеймъ (1773—1775 г.). Конституція этого сейма (1775 г.) заключаетъ цѣлый рядъ ре-

формъ. Поголовная христіанская подать была окончательно уничтожена, а на ея мѣсто введена подымная во всѣхъ имѣніяхъ: королевскихъ, церковныхъ и дворянскихъ, собираемая съ «дымовъ» крестьянскихъ и городскихъ, но въ различныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ классовъ, на которые подраздѣлялись города (четыре класса) и деревни (два класса). На мѣсто военного квартирного налога ввели половину подымной подати, очевидно, въ тѣхъ только имѣніяхъ, которыхъ предварительно платили эту подать. Четверть была возвышена до полторы четверти, въ Литвѣ же ее удвоили («сугубая» четверть). Установили также долгосрочную реформу староствъ, т. е. при открытии вакансій на должность старости послѣднихъ не замѣщали, но отдавали старство въ долгосрочную аренду съ податями на 50 лѣтъ посредствомъ аукціона. Еврейская поголовная подать была повышена до 3 польскихъ златыхъ съ головы; проведены неисполненные постановленія 1768 г., имѣющія цѣлью иными путями сбора поднять доходъ отъ питейной торговли; возстановленъ былъ общій налогъ 1764 г., послѣ предварительного уничтоженія всякихъ таможенныхъ привилегій, и введена новая пошлина съ соли. Кроме того, были установлены: подать съ табаку, гербовая бумага, налогъ на карты, календари и еврейскія книги, реформирована лотерея. Духовенство увеличило свое *subsidiump charitativum* до 600.000 польскихъ златыхъ въ годъ.

Постановленія, введенныя сеймомъ 1775 г., нѣсколько лишь видоизмѣнены въ 1776 г., удержались до четырехлѣтняго сейма, когда, вслѣдствіе возрастающихъ потребностей, надо было увеличить и доходы.

Сеймъ 1788 г. установилъ «добровольную жертву въ пользу настоятельныхъ нуждъ отечества», т. е. на войско, слѣдовательно, не имѣющую характера налога. Но уже съ 1789 г. сеймъ проводить значительные реформы съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ. Первымъ было уложеніе о сборѣ второго подымнаго (protunc), являющагося какъ бы принудительнымъ заемомъ государства. Сборъ этотъ предполагалось возвратить послѣ установлѣнія другихъ налоговъ, но отъ него впослѣдствіи въ большинствѣ случаевъ отказывались. Явились новые доходы. Появилась пошлина, довольно высокая, со всѣхъ должностей, свѣтскихъ и духовныхъ (насколько король ихъ замѣщалъ), съ орденовъ, индигенатовъ и нобилизаций. Но самыми важными реформами можно считать тогда же установленныя: повышеніе четверти до двойной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до $3\frac{1}{2}$ прежней суммы, установлѣніе сбора въ 20% отъ доходовъ духовенства (за исключеніемъ приходскихъ священниковъ, доходъ которыхъ не достигалъ 2.000 польскихъ злот.), и ипотечной жертвы отъ областей обоихъ народовъ для усиленія силъ страны, — въ видѣ дворянской подати, которую нельзя было передавать крѣпостнымъ безъ специальнаго предписанія устава. «Жертва» должна была равняться 10% годичнаго дохода, опредѣленнаго ревизіей, проведенной при помощи особой комиссіи (отсюда название: жертва 10-ыхъ грошей). Несмотря на то, что и раньше уже дворянство платило поголовную подать, но собственно характеръ подати имѣть лишь эта добровольная подать «десятихъ грошей», такъ какъ поголовный сборъ былъ

весьма незначителенъ. Однако, «жертва десятыхъ грошей» обманула надежды, вслѣдствіе недостаточно точной и неравномѣрно проведенной ревизіи чистаго дохода. Поэтому, въ 1790 г. была организована осо-бая депутація, такъ называемая конвокационная, задачей которой было уравненіе и повышеніе этого налога. Депутація окончила свою дѣятельность лишь въ 1792 г., такъ что практическаго значенія она уже не имѣла. Но и въ теченіе 1789 г. искали новыхъ источниковъ средствъ. Изъ конфискованныхъ государствомъ имѣній краковской епархіи выдавалось лишь жалованье епископу, остальное получала казна. Появилась новая кожевенная подать, взыскиваемая съ мясниковъ *in natura*—въ шкурахъ. Но такъ какъ способъ этотъ былъ весьма неудобенъ—его вскорѣ замѣнили податью съ бойни. Кромѣ того, въ нѣко-торыхъ городахъ подымное было увеличено вдвое, установленъ сборъ 10% отъ жалованій, превышающихъ 10.000 польскихъ злотыхъ, повышенъ питейный налогъ, проведены еще нѣкоторые болѣе мелкие на-логи. Несмотря на все это, четырехлѣтній сеймъ вер-нулся еще къ финансовымъ реформамъ, рѣшивъ въ декабрѣ 1791 г. продажу королевскихъ владѣній, а въ маѣ 1792 г. большой внутренній заемъ въ 30.000.000 польскихъ злотыхъ и повысивъ ради войны существую-щія подати: жертву, подымный и поголовный еврей-скій сборы. Эти постановленія, по крайней мѣрѣ два первыхъ, остались неисполненными. Государственные расходы шли главнымъ образомъ въ пользу войскъ. При Станиславѣ-Августѣ, однако, и жалованье чинов-никовъ достигаетъ крупныхъ размѣровъ. Основой

расходовъ служилъ первоначально бюджетъ 1717 г. Сеймъ 1768 г. составилъ новый бюджетъ, котораго, впрочемъ, не ввели въ дѣйствіе. Только бюджетъ, включенный въ конституцію 1775 г., сталъ основой расходованія казенныхъ суммъ. Во время существованія четырехлѣтняго сейма увеличились какъ жалованье чиновниковъ, такъ и издержки на войска; новаго бюджета тѣмъ не менѣе не составили. Особые доходы получала воспитательная комиссія и самостоятельно ими распоряжалась. Воеводскія подати и казначейства были окончательно уничтожены въ 1768 г. Завѣдываніе казной перешло въ началѣ этого периода въ руки финансовыхъ комиссій, на мѣсто которыхъ, въ концѣ 4-лѣтняго сейма, стала одна комиссія финансъ обоихъ народовъ. Финансовая комиссія сосредоточили въ себѣ всю администрацію и контроль казны, устранивъ всесѣло власти, вѣдавшія ихъ раньше.

Суды. И въ юридической области замѣчаются реформы, стремящіяся къ ея усовершенствованію; но всѣ постановленія, изданныя до четырехлѣтняго сейма, не касаются сути дѣла. Только этотъ сеймъ предпринимаетъ болѣе существенныя преобразованія. Суды первой инстанціи остаются до четырехлѣтняго сейма безъ перемѣнъ: суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, но число ихъ нѣсколько увеличивается. Апелляціи отсылались въ трибуналы. Конвокація 1764 г. раздѣлила коронный трибуналъ на два: одинъ—великопольскій, засѣдающій поочередно въ Петроковѣ и въ Познани, или Быдгощѣ, и осо-

был малопольскій, съ чередующимися съездами въ Люблинѣ и Лембергѣ. У нихъ были особые предсѣдатели и нѣсколько большее число депутатовъ. Но уже въ 1775 г. трибуналы были вновь объединены въ общее высшее судилище, засѣдающее поперемѣнно въ Петроковѣ и Калишѣ для Велико-Польши, въ Люблинѣ или Лембергѣ для Мало-Польши. Въ Литвѣ такого же рода распределеніе дѣятельности трибунала провелъ отчасти коронаціонный сеймъ 1764 г., назначивъ мѣстомъ его съезда для литовскихъ воеводствъ городъ Вильну; для русскихъ же областей поочереди Новогродъ и Минскъ. Но во главѣ трибунала остался одинъ маршалъ. Въ 1775 г., вслѣдствіе раздѣла, мѣстомъ засѣданій трибунала назначили Вильну и Гродно. Въ то же время были составлены и включены въ конституцію обширные уставы обоихъ трибуналовъ: Литовскаго въ 1764 г., Короннаго въ 1768 г.; исправленные въ 1775 г.; въ 1775 г. былъ нѣсколько видоизмѣненъ составъ сеймовыхъ судовъ, образуемый кромѣ короля и сената, палатой изъ 54 (съ 1776 г. 30) депутатовъ. Вѣдомство ихъ осталось безъ перемѣнъ. И этотъ судъ получилъ новый уставъ, включенный въ конституцію 1776 г. Ассесорскими судами усердно занимались уже первые сеймы 1764 г., но и позднѣйшія конституціи ихъ добавляютъ и измѣняютъ: наряду съ канцлерами, рѣшавшими однако все вопросы самостоятельно, поставили ассесоровъ, отчасти такъ называемыхъ *nati* (т. е. чиновниковъ, какъ-то: великие секретари, нотаріусы, референдаріи и т. д.), отчасти—избираемыхъ сеймомъ изъ среды сенаторовъ и депутатовъ. Введено было большинство голосовъ,

связывающее канцлера почти во всѣхъ вопросахъ, предоставляя ему рѣшеніе лишь нѣкоторыхъ. Кроме вопросовъ, принадлежавшихъ ассесорскимъ судамъ и раньше, имъ поручили и *causae iuris colonarii*, т. е. дѣла подданныхъ королевскихъ имѣній противъ старостъ и тенутаріевъ, рѣшаемыя всегда референдерскими судами, которые теперь и упраздили. Такъ же были организованы ассесорскіе суды въ Литвѣ конституціей 1766 г. Но та же конституція отняла у коронныхъ ассесорій *causae iuris colonarii*, възстановивъ референдерскіе суды. Но и этотъ судъ былъ по конституції 1776 г. превращенъ въ коллегіальный посредствомъ увеличенія числа ассесоровъ-чиновниковъ, рѣшеніе которыхъ, принятное большинствомъ голосовъ, было обязательно и для референдарія. Коллегіальными замѣнились и маршальскіе суды. Уже въ 1766 г. маршалу подчинили ассесоровъ изъ сената и рыцарского сословія, число и способъ назначенія которыхъ неоднократно менѣялись. Въ томъ же году было установлено уложеніе этихъ судовъ, подтвержденное конституціей 1768 г. Другихъ судовъ—городскихъ и еврейскихъ—не касались. Конституція 1768 г. совершенно уничтожила капитурные суды, постановивъ, чтобы всѣ суды продолжали дѣйствовать и во время безкоролевья.

Коренные реформы въ юридической области наряду съ новымъ уложеніемъ предвѣщаетъ конституція 3-го мая (ст. 8). Уложеніе не было составлено, но реформу организаціи судовъ провела цѣлая система уставовъ, сеймовые суды: организація городскихъ и ассесорскихъ судовъ (1791 г.), земскій судъ,

короннаго трибунала, судъ трибунала въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (1792 г.). Остальные суды (реляционные, референдарскіе), не подверглись никакимъ преобразованіямъ.

Меньше, сравнительно, значенія имѣлъ уставъ о сеймовыхъ судахъ, организованныхъ по прежнимъ образцамъ; въ составъ такого суда входятъ 12 сенаторовъ и 24 депутата; къ вѣдомству его относятся вопросы общественного насилия, общественной измѣны и убытка. Весьма важной является реформа дворянскихъ судовъ первой инстанціи. Послѣ долгихъ вѣковъ суды земскіе и гродскіе были наконецъ уничтожены, исчезла двойственность, удерживающаяся столь долго безъ всякой основательной причины. Кажется, хотя не наявное, что съ ними вмѣстѣ исчезли и подкоморскіе суды. На ихъ мѣсто появляется новый земскій судъ. Мѣсто засѣданія этихъ судовъ было точно определено. Каждый состоитъ изъ 10 судей, выбираемыхъ на 4 года депутатскими сеймиками, не считая двухъ секретарей, изъ которыхъ одного избираетъ судъ на 7 лѣтъ, другого—сеймикъ пожизненно. Этому суду подчиняются всѣ вопросы, принадлежавшіе раньше земству и гроду, т. е. вообще всѣ дѣла I инстанціи, касающіяся дворянства и землевладѣльцевъ, даже и не дворянъ, за исключеніемъ вопросовъ, относящихся къ вѣдомству другихъ судовъ. Земскій судъ—весьма важное и желательное нововведеніе—дѣйствуетъ круглый годъ, а не по съѣздамъ, какъ это до сихъ поръ практиковалось въ гродскихъ и земскихъ судахъ. Окончательно также исчезаетъ изъ суда латынь, уступая по приказу особаго устава мѣсто польскому

языку. Меньше перемѣнилась организація трибуналовъ. Снова возникли два особыхъ высшихъ судища въ Коронѣ: для Велико-Польши—въ Петроковѣ, для Мало-Польши—въ Люблинѣ; въ Литвѣ же только одинъ, въ Вильнѣ.—Въ принципѣ сохранился составъ трибунала изъ депутатовъ свѣтскихъ, избираемыхъ сеймиками, и духовныхъ, высылаемыхъ капитулами; только очень подробно были опредѣлены выборы этихъ депутатовъ воеводствами. Трибуналы остались апелляціонными судами послѣдней инстанціи относительно земскихъ судовъ. Насколько уничтоженіе двойственности въ 1 инстанціи и замѣщеніе ея единимъ судомъ являлось нововведеніемъ весьма желательнымъ, настолько учрежденіе двухъ высшихъ судовъ въ Коронѣ, уничтоженіе посреднической инстанціи и введеніе, да и то на короткое время, избранія судей, отъ которыхъ не требовали никакой юридической подготовки,—слѣдуетъ считать крупной ошибкой. Это впрочемъ не единственная ошибка; вообще, уставы четырехлѣтняго сейма—въ особенности 1791—1792 г., наскоро составленные, обнаруживаютъ немалые прбѣлы и недочеты въ редакціи.

Столь же значительна была реформа судебнаго строя въ городахъ. Уставъ вводить нѣсколько видовъ мѣщанскихъ судовъ: 1) городскіе суды (вмѣсто судовъ старшинъ и совѣтовъ), состоящіе изъ бурмистра и четырехъ судей, избираемыхъ городскими собраниями—въ большихъ городахъ окружными; 2) обыкновенные окружные суды войтовъ въ городахъ, раздѣленныхъ на участки, единоличные; 3) апелляціонные удѣльные суды, состоящіе изъ пяти судей, изби-

раемыхъ уѣздными собраниями; 4) ассесорскій высшій апелляціонный судъ, въ Варшавѣ для Короны и въ Вильнѣ для Литвы, образуемый канцлеромъ, какъ предсѣдателемъ, сенаторами (два въ Польшѣ, одинъ въ Литвѣ), восемью ассесорами изъ рыцарского сословія и восемью изъ горожанъ,—всѣ избираемые сеймомъ (въ Литвѣ по 4). Гражданскіе обыкновенные вопросы, т. е. касающіеся ничтожныхъ суммъ, идутъ въ судъ войта, который рѣшаеть ихъ безапелляціонно. Кромѣ того, такого рода вопросы направляются въ городской судъ, который судить мелкие споры также безъ апелляціи, въ болѣе важныхъ случаѣахъ допускается апелляція въ уѣздный судъ. Эти суды въ свою очередь рѣшаютъ окончательно менѣе важные изъ вопросовъ; важнѣйшіе же изъ нихъ могутъ переноситься въ ассесорію. Сверхъ того, городскіе суды рѣшаютъ въ 1 инстанціи уголовныя дѣла. Апелляція въ такомъ случаѣ не допускается, развѣ если дѣло кончается продолжительнымъ или пожизненнымъ заключенiemъ, тогда ассесорскій судъ долженъ подтвердить приговоръ. Для исполненія приговора была введена новая, до тѣхъ поръ неизвѣстная власть, несвязанная съ судомъ,—лавники, въ числѣ шести, въ большихъ городахъ; по округамъ—въ числѣ четырехъ.

Устройство этихъ городскихъ судовъ, введеніе посреднической инстанціи, уничтоженіе апелляціи въ уголовныхъ дѣлахъ, составляетъ большой прогрессъ. Но и тутъ одержала побѣду принципіальная, всюду примѣняемая, избирательность должностей. Всѣ эти судебныя власти поручаются чиновникамъ на два года.

Войско. Въ теченіе и этого періода существовало по - прежнему всеобщее ополченіе и даже явка была возстановлена. Но уже сознавалось ясно, что вооруженной силой можетъ быть только постоянное войско. Силою этой и является рекрутское войско. Конституції 1775 г. увеличили число войскъ до 30.000 для Короны и Литвы, опредѣлили довольно подробно обязанности офицеровъ; сформировали точнѣе «вольный барабанъ», т. е. вербовку рекрутъ, постановивъ условіемъ, что брать въ солдаты можно только людей совершенно свободныхъ, не связанныхъ никакими обязанностями, да и то лишь по городамъ и мѣстечкамъ, а не по деревнямъ. Образованіе военныхъ комиссій, а впослѣдствіи департамента, повліяло, во всякомъ случаѣ, довольно благотворно на развитіе воинскаго строя. Лишь четырехлѣтній сеймъ, желая поднять вооруженную силу страны, стремится къ болѣе быстрымъ реформамъ. Уже въ самомъ началѣ совѣщаній въ 1788 г. сеймъ рѣшаетъ увеличеніе числа войскъ до 100.000 человѣкъ. На практикѣ цифры этой не достигали; очень подробное расписаніе 1789 г. ограничивается числомъ 65.000 человѣкъ. Но и это не исполнилось. Въ томъ же 1789 г. сеймъ мѣняетъ способъ вербовки. Сохраняетъ «вольный барабанъ», а кромѣ того вводить новую форму—весьма важную, и раньше неупотребляемую—принудительную вербовку. Изъ королевскихъ и духовныхъ помѣстій отъ 50 дымовъ идетъ одинъ рекрутъ, въ частныхъ владѣніяхъ—одинъ отъ ста дымовъ. Въ частныхъ имѣніяхъ дымы, не высылающіе рекрута,

обязаны внести по 2 злотыхъ съ дыма тому помѣщику, изъ деревни котораго взять рекрутъ, чтобы такимъ образомъ вознаградить ему убытокъ. Служба рекрута длится отъ 6 до 8 лѣтъ, и періодъ этотъ носить название капитуляціи. Гражданско-военная комиссія, образованная въ томъ же году, должны были прежде всего содѣйствовать вербовкѣ, продовольствованію и другимъ военнымъ дѣйствіямъ. Тогда же былъ основанъ особый военный комиссаріатъ, какъ интенданство. Итакъ, въ этой области были сдѣланы большие успѣхи не только въ постановленіяхъ, но и въ ихъ исполненіи. Не хватило однако времени для проведения полной реформы.

На реформы всего этого періода сильное упадокъ го- вліяніе оказали теченія, наплывавшія въ сударства. Польшу изъ-за границы. Ярче всего они бросаются въ глаза въ реформахъ, проведенныхъ четырехлѣтнимъ сеймомъ. Несмотря на это, вышеупомянутыя реформы, съ конституціей 3-го мая во главѣ, являются плодомъ польского духа, какъ естественное развитіе и усовершенствованіе того строя, который выработался историческою жизнью польского государства. Огромное достоинство этихъ уставовъ заключается именно въ ихъ способности защищаться отъ слѣпого подражанія, и то, что они, выбирая полезное изъ иностраннныхъ возврѣній, съумѣли примирить его съ родными элементами. Реформы не подвигались слишкомъ далеко, не искореняли и не разрушали существующихъ учрежденій, если же создавали

новыя, то всегда суть предписаній основывалась на прежнихъ образцахъ, насколько послѣдніе признавались полезными. И хотя уставы эти недолго пользовались практическимъ значенiemъ, а иногда вовсе не проводились въ жизнь, тѣмъ не менѣе они являются весьма цѣннымъ историческимъ памятникомъ, свидѣтельствуя о томъ, какъ польскія учрежденія могли воскреснуть послѣ столькихъ лѣтъ летаргіи, и какъ государство этимъ путемъ, не посредствомъ абсолютизма непремѣнно, могло достигнуть новой эпохи и современно-монархического строя, цѣль которого не прежніе интересы сословій и ихъ блага, но благо всѣхъ сыновъ отечества.

Реформы падаютъ уже въ 1792 г. Власть переходить въ руки Тарговицкой конфедерациі; какъ генеральная, она подчиняетъ себѣ всѣ власти, и король принужденъ присоединиться къ ней. Но конфедерация не признаетъ положенія дѣлъ, водворенного конституціей 3-го мая, и возстановляетъ тѣ же отношенія, тотъ же строй, который существовалъ до вышеупомянутой конституції. Кромѣ генеральной конфедерациі возникло по воеводствамъ множество воеводскихъ конфедераций, появились особые конфедерационные суды. Начинаютъ организоваться новыя власти, какъ, напримѣръ, депутація для иностранныхъ дѣлъ и пр.. Но все это было лишь временное правительство. Новый строй государства долженъ былъ составить сеймъ, образовавшійся въ Гроднѣ въ 1793 году. Дѣйствительно, онъ создаетъ для того польского государства, которое осталось послѣ второго раздѣла (1793 г.), обширные

законы, обнимающіе весь строй государственной и общественной жизни. Тутъ находятся и основные законы, и права дворянства и городовъ, и организація властей вмѣстѣ съ королемъ, постояннымъ совѣтомъ, великими комиссіями, сеймами, сеймиками, опредѣлены суды, войско, казна. Въ общемъ это—сведенныя постановленія эпохи, предшествующей четырехлѣтнему сейму, а слѣдовательно въ духѣ сословнаго строя, съ элекціей короля и пр. Однако и въ нихъ отражается хоть отчасти вліяніе реформъ, измѣненныхъ возрѣній, напр. въ уничтоженіи *liberum veto*, или въ проведеніи новой однообразной организаціи городовъ, по уставамъ четырехлѣтняго сейма.

Но только что власти эти начали дѣйствовать, только что хотя отчасти были проведены предписанія гродненскаго сейма, какъ вспыхнуло восстаніе Костюшки (1794 г.). Оно на нѣкоторое время беретъ въ свои руки кормило правленія, создаетъ новыя власти. Во главѣ становится временный совѣтъ, а затѣмъ высшій народный совѣтъ (состоящій изъ 8 совѣтниковъ и 32 замѣстителей), раздѣленный на департаменты: иностранныхъ дѣлъ, финансъ, порядка, безопасности, юстиції, инструкції, продовольствія и нуждъ арміи; для Литвы образуется особая центральная депутація Великаго Княжества Литовскаго. Войсками командуетъ «начальникъ высшей народной вооруженной силы», съ властью диктатора. Воеводства подчиняются особымъ распорядительнымъ комиссіямъ. Очевидно, въ такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о реформахъ. Лишь относительно крестьянъ пытается

Костюшко провести хотя частные реформы, отдавая ихъ подъ покровительство закона, обеспечивая имъ свободу передвиженія, ипотечное право на землю и уменьшая барщину—все это посредствомъ двухъ универсаловъ: 2 мая изъ обоза подъ Винярами и 7 мая 1794 года—изъ обоза подъ Поланьцомъ.

Подходитъ третій раздѣлъ Польши. 1795-й годъ завершаетъ исторію польского государства.

To avoid fine, this book should be returned on
or before the date last stamped below

SM-12-65

DK 414 .K975a
Ocherk istorii gosudarstvennogo i obozreniya
Hoover Institution Library

DK414
K975a

3 6105 083 058 714

26584
Kutrzhev, S.
Ocherk istorii gosudarstvennogo i obozreniya
"Честенар" строј Польши

1 1/4
1/4 1/4
AUG 1 0 1945
1/4 7/7 53

